

Серия «Евровосток»

Институт славяноведения РАН

Елена Борисёнок

**ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ
УКРАИНИЗАЦИИ
1920–1930-е годы**

Москва
Издательство «Европа»
2006

УДК 94
ББК (Т)63.3(0)61
Б75

Серия «Евровосток»
основана в 2005 году в Москве

Ответственный редактор д.и.н. А.Л. Шемякин

Рецензенты: д.и.н., профессор Г.Ф. Матвеев, к.ф.н. О.А. Остапчук

Исследование выполнено при финансовом содействии Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-911-03а/Ук)
Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения Российской академии наук

Б75 Елена Борисёнок. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы / Институт славяноведения РАН. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 256 с. – (Евровосток)

В монографии впервые в отечественной историографии анализируется национальная политика большевиков в отношении Украинской ССР в 1920–1930-е годы, получившая название украинизации. Украинизация рассматривается на широком общественно-политическом фоне, как элемент сложных маневров советского руководства и в центре, и в республике. В книге представлены предпосылки, этапы и результаты политики украинизации, прослеживается ее связь с общим курсом партийного и советского руководства. Показано также восприятие большевистской национальной политики широкими слоями населения Украины – интеллигенцией, чиновничеством, рабочими, крестьянами.

The monograph is the first attempt in Russian historiography to analyze the national policy of Bolsheviks with regard to the Ukrainian Soviet Socialist Republic in 1920–1930, a process which was called the “ukrainization”. This phenomenon is considered on a wide social and political background as an element of complex maneuvering of the Soviet leadership both in Moscow and in the republic itself. The book reveals the premises, the stages and the results of this policy, tracing back its connection with the general course of the party and state leadership. It also demonstrates how the national policy of the Bolsheviks has been perceived by the wide strata of Ukraine’s population, its intellectuals, officials, workers and farmers.

УДК 94
ББК (Т)63.3(0)61

ISBN 5-9739-0079-7

© Издательство «Европа», 2006

В ЛАБИРИНТАХ УКРАИНИФИКАЦИИ

УКРАИНИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ собой один из интереснейших общественно-политических и культурных феноменов XX века. Речь идет о важнейших процессах, проходивших в украинском обществе как во время революции и Гражданской войны – в Украинской Народной Республике, так и в 1920-1930-е гг. – в Украинской ССР – и связанных с внедрением украинского языка в общественную, политическую и культурную жизнь, повышением его статуса.

Развитие украинской культуры в этот период стало возможным благодаря политике действующих властных структур на Украине, которая и получила название «украинизация». Во время существования Украинской Народной Республики политика украинизации не смогла получить должного развития по вполне понятным причинам (Гражданская война, неустойчивое положение различных национальных правительств и т. д.). В УССР же украинизация, проводившаяся в рамках провозглашенной XII съездом РКП(б) в 1923 г. политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках, приобрела достаточно широкий размах. Будучи региональной формой коренизации, украинизация не ограничивалась культурной сферой, но имела также четкую социальную и экономическую направленность. Советская украинизация 1920–1930-х гг.

являлась одним из методов большевистского нациостроительства, что в конечном счете имело определяющее значение для последующего этнополитического развития Украинской ССР. В своей политике большевики использовали жесткий административный нажим, нередко форсируя события, в связи с чем противники таких методов даже именовали политику большевиков не «украинизацией», а «украинификацией».

Историография данной проблемы достаточно специфична. Несмотря на то что об украинизации стали писать достаточно давно, фактически – с 1920-х гг., вплоть до последнего времени отсутствовали специальные исследования, непосредственно посвященные указанной проблематике, хотя украинизация неизменно рассматривалась во всех трудах, касавшихся украинской истории XX века.

В советских публикациях 1920–1930-х гг. излагалась официальная позиция большевиков, в соответствии с которой украинизация рассматривалась как достижение национальной политики в СССР. Такое же представление об украинизации сохранялось в официальной советской историографии вплоть до конца 1980-х гг. Однако тема эта не была популярна, исследователи не могли вдаваться в подробности, рассказывать о «неудобных» деятелях и интерпретировать украинизацию иначе, чем предусматривал курс истории КПСС.

В то же время начиная с 1920-х гг. об украинизации писали зарубежные ученые. Особенно активны были представители украинской диаспоры. Среди эмигрантских публикаций следует прежде всего отметить работы Г. Костюка, С. Николишина, Д. Соловья, М. Славинского, Ю. Бачинского, А. Юрченко, П. Голубенко, М. Ковалевского, Р. Гармаша, М. Прокопа, П. Феденко, В. Чапленко, В. Петрова, И. Майстренко, Ю. Шевелева, И. Кошелівца, Б. Кравченко и других. Многие из них были переизданы на Украине после 1991 г.¹

Во всех этих сочинениях высказывалась точка зрения, в корне отличная от официальной советской. Общим местом для таких работ стало критическое изложение политики Мо-

сквы в отношении Украины и повышенное внимание к национальным факторам. С. Николишин выделил три периода в культурной политике большевиков: период русификации 1917–1922 гг., период украинизации 1923–1932 гг. и период советизации, начавшийся в 1933 г.² Традиционно ведущее значение для «возрождения украинской нации» отводилось факту создания Украинской Народной Республики. Об этом писали и Д. Соловей, и Г. Костюк, и В. Чапленко, и Б. Кравченко, и многие другие авторы. Вообще в эмигрантской историографии принято было подчеркивать значение национальных украинских сил, их влияние на многие процессы в стране. Большевистская украинизация трактовалась как завоевание национальных украинских сил (например, Г. Костюком и В. Чапленко). Рассматривая социальную структуру украинского общества в 1920–1930-е гг., Б. Кравченко связывал успехи украинизации не столько с административным нажимом властей, сколько с энергией и энтузиазмом тысяч местных активистов. На особую роль в украинизации наркома просвещения УССР Н. Скрыпника указывал И. Кошеливец.

В то же время Ю. Шевелев подчеркивал, что украинизация была результатом также и внешнеполитических расчетов. Украина должна была стать революционным примером для украинцев в Польше, Чехословакии и Румынии.

Традиционно большое внимание эмигранты уделяли теме репрессий, проходивших на Украине. На трагической судьбе украинской интеллигенции, на дискриминации культурных потребностей украинского народа советским правительством сосредоточили внимание С. Николишин, Д. Соловей, В. Петров и другие авторы. На борьбе сталинского руководства с «национальным уклоном» в годы украинизации акцентировал внимание И. Майстренко.

Темы, связанные с украинизацией, затрагивались и западными учеными неукраинского происхождения, труды которых были посвящены проблемам национальной политики большевиков и национал-коммунизму. Проблем украинизации касались в своих трудах в частности Р. Салливант и Д. Мейс. Салливант отмечал, что украинизация призвана

была привлечь на сторону Сталина одну из крупнейших региональных партийных организаций – КП(б)У³. Д. Мейс, рассматривая проблему формирования «национал-коммунизма», подчеркивал большую роль последнего в проведении украинизации⁴. В других работах западных исследователей проблема украинизации затронута в гораздо меньшей степени⁵. Стоит упомянуть труд Дж. Либера, посвященный проблеме модернизации и урбанизации в УССР. В этой связи Либер подчеркивал смещение фокуса украинской идентичности из сельской местности в город⁶. Р. Кайзер отмечает значение установления границ Украинской ССР, поскольку «территориализация» украинского государства способствовала росту национального самосознания украинцев⁷.

Т. Мартин обращает внимание на определенную преемственность СССР и развалившейся Российской империи, подчеркивает систематическое нациостроительство большевиков. В отношении формы национального устройства Советского Союза он предлагает использовать термин «империя позитивного действия»⁸.

Многие постулаты из работ зарубежных исследователей, в первую очередь представителей диаспоры, были восприняты современными украинскими учеными. Однако существенным недостатком зарубежных работ было то, что многие источники, хранившиеся в советских архивах, зачастую с грифом «секретно», не были для них доступны.

Ситуация изменилась только на рубеже 1980–1990-х гг. после снятия многих запретов на тематику исследований и с открытием архивов. Эти сюжеты стали интенсивно востребованными в исследовательской среде. Проблематикой украинизации занимаются как известные украинские историки, работающие в Институте истории и Институте политических и этнонациональных исследований НАН Украины, в государственных университетах в Киеве и Львове (С.В. Кульчицкий, Ю.И. Шаповал, В.Ф. Солдатенко, Г.В. Касьянов, В.М. Даниленко, В.А. Кондратюк, О.А. Рафальский, А.Ю. Зайцев, Я.Р. Дашкевич и др.), так и молодые исследователи (В.Г. Шарпаты, Г.Н. Ефименко и др.).

В 1990-е гг. на фоне множества статей были опубликованы первые монографии, среди которых следует прежде всего отметить усилия ученых Института истории Украины. В 2003 г. появилось обобщающее коллективное исследование (авторский коллектив – В.М. Даниленко, Я.В. Верменич, П.М. Бондарчук, Л.В. Гриневич, О.А. Ковальчук, В.В. Масненко, В.М. Чумак) «Украинизация» 1920–30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», где весьма подробно, с привлечением статистических данных, рассматривается политика украинизации в различных областях жизни – партийных и государственных органов, системы просвещения, науки, периодических изданий, армии и др. В том же году увидел свет весьма подробный библиографический указатель «Политика коренизации в советской Украине (1920–1930-е гг.)»⁹.

Многие исследователи, рассматривая развитие украинской культуры в 1920-е гг., говорят о национально-культурном возрождении. В этой связи ставится вопрос о соотношении последнего с большевистской политикой украинизации, об отношении к ней видных членов КП(б)У, о позиции различных социальных слоев в связи с введением украинского языка в школьное обучение, делопроизводство и пр.

Касаясь причин коренизации, многие исследователи отмечают прямую ее зависимость от активизации национальных процессов в стране. Тезис о национально-культурном возрождении Украины в начале XX века является одним из принципиальных положений большинства украинских историков. Вслед за своими зарубежными коллегами они практически единодушно подчеркивают, что необходимость новой национальной политики большевиков на Украине была вызвана проходившими там национально-культурными процессами. «Революция 1917 года и создание украинского государства стали факторами бурного роста национальной культуры... – пишет Г.В. Касьянов. – Повернуть этот процесс назад было уже просто невозможно»¹⁰. Развитие украинской науки, культуры, искусства в 1920-е гг. происходило, по мнению В.Ф. Солдатенко, «на базе национального возрождения, в условиях активизации национального фактора»¹¹.

Некоторыми авторами ставится под сомнение оправданность термина «украинизация». «Политика коренизации, – пишет В.М. Даниленко, – получила на Украине... неудачное и исторически неоправданное название «украинизации». Это название никак не отвечало процессам, происходившим в сфере общественной и культурной жизни Украины как в период Центральной Рады, Гетманата, Директории, так и периода большевистского правления»¹². Историк замечает, что обращение народа к своей государственности, своим корням, своей культуре и историческим традициям не может быть украинизацией. Это был процесс, «который с полной уверенностью можно назвать “дерусификацией”»¹³.

Особое значение проблеме соотношения украинизации и национально-культурного возрождения придает С.В. Кульчицкий. «Нередко в историографии с украинизацией отождествляется процесс бурного национального возрождения, который проявлялся в росте культуры и самосознания народных масс. В действительности национальное возрождение составляло побочный эффект курса на коренизацию режима»¹⁴. Таким образом, согласно Кульчицкому, национально-культурные процессы на Украине были не причиной, а результатом политики коренизации, преследовавшей сугубо прагматические цели усиления режима.

Украинские историки считают, что большевики не могли рассчитывать на успехи в социалистическом строительстве «без привлечения на свою сторону подавляющего большинства сельского населения, а также национальной интеллигенции». Поэтому «необходимо было дать народам России, объединенным в единую державу, своеобразную «культурно-национальную автономию», реальную возможность развивать свои национальные культуры и языки». Именно эти цели и преследовал курс на коренизацию партийно-советского аппарата национальных республик¹⁵. Эта мысль, высказанная Даниленко, Касьяновым и Кульчицким еще в 1991 г., продолжает доминировать в украинской исторической науке до сих пор. В вышеупомянутой монографии «Украинизация» 1920–30-х годов...» также подчеркивается, что

судьба созданного Союза ССР зависела от «способности центра найти такую форму взаимоотношений с субъектами федерации», которая удовлетворяла бы обе стороны и «обеспечивала жизнеспособность централизованного государственного организма»¹⁶.

В этом же русле трактует украинизацию С.А. Цвилюк. Он подчеркивает, что для большевиков было крайне важно «заручиться поддержкой населения», особенно украинского села, с недоверием относившегося к новой власти. Одновременно, пишет Цвилюк, политика украинизации должна была продемонстрировать украинскому народу «заботу новой власти об обеспечении национально-культурного возрождения Украины, предоставление твердых гарантий национальной самобытности в процессе самоорганизации украинской национальной жизни»¹⁷. Исследователь предлагает трактовать политику большевистского руководства как своеобразный временный «идеологический нэп», как вынужденное тактическое отступление от политики «военного коммунизма» и революционной «чрезвычайщины» в национальном вопросе и переход к реформистским либеральным внешне методам¹⁸.

Еще один украинский исследователь, В.М. Букач, считает, что политика украинизации, начатая в период жесточайшего экономического и политического кризиса, помогала «отвлечь население от политической борьбы и сосредоточиться на решении национально-культурных вопросов»¹⁹.

Очень важной проблемой является восприятие политики украинизации различными слоями населения. Она обозначена украинскими специалистами, однако исследуется менее активно, чем практическое проведение украинизации. Тем не менее определенные тенденции просматриваются. Так, Я.Р. Дашкевич различает «кадры украинизации» и «противников украинизации». К первым историк причисляет значительную часть украинских коммунистов, в том числе бывших боротьбистов и укапистов (украинских левых эсеров и социал-демократов, примкнувших к большевикам), а также бывших эмигрантов, вернувшихся на роди-

ну после провозглашения курса на украинизацию. Кроме того, к союзникам украинизации принадлежало большинство литераторов и украинских экономистов. К лагерю противников Дашкевич относит верхушку КП(б)У, центральную партийную и советскую бюрократическую машину, «обрусевшее мещанство» и «обрусевший пролетариат», Красную Армию, представителей русской интеллигенции (А.В. Луначарский, Максим Горький, писатель Ф.В. Гладков), значительную часть еврейской интеллигенции и, наконец, Русскую православную церковь. Городское население и пролетариат Украины, по мнению Дашкевича, находились под влиянием русификаторских традиций и были убеждены в «исключительности (культурной, революционной), престижности всего русского», еврейская интеллигенция хранила верность «ассимиляторской московфильской платформе»²⁰.

Большое влияние на то или иное отношение к новым политическим веяниям имела, по представлениям Г.В. Касьянова, степень обрусения различных слоев населения на Украине²¹. Следует учитывать, что компартия зачастую рассматривается украинскими историками как «чужеродное явление для украинской традиции» – как «по своему составу», так и по «внутренней доктрине»: по мнению сотрудников Института истории Украины, «украинский элемент» в КП(б)У появился только после массового вступления в ее ряды боротьбистов²².

В конечном итоге, считают украинские специалисты, «концепция украинизации нарождалась в жестокой политической борьбе» между «активными национал-коммунистическими силами», «великорусско ориентированной частью КП(б)У» и «украинской общественностью» (научной, просветительской и литературной интеллигенцией)²³.

Подчеркивается также роль в украинизации тех представителей западноукраинской интеллигенции, которые положительно восприняли новый партийный курс и решили связать свою дальнейшую судьбу с Советской Украиной. Привлечение западноукраинской интеллигенции к

«обслуживанию потребностей индустриального и культурного строительства на Советской Украине отвечало интересам партийно-государственного руководства УССР», отмечают А.С. Рублев и Ю.А. Черченко. Это способствовало повышению авторитета большевиков, стремившихся представить Советскую Украину неким «Пьемонтом всего украинского народа», и, в свою очередь, давало новый импульс украинизации²⁴. Действительно, провозглашение курса на коренизацию, делает вывод В.М. Чумак, имело важное значение для Западной Украины. Ученый подчеркивает, что этот курс проходил «параллельно с провозглашением нэпа и признанием Антантой аннексии Польшей Восточной Галиции», что изменило настроения украинского общества за границей и породило так называемое сменовеховство²⁵. Однако, подводит итог украинский исследователь, настроения западных украинцев изменили «насильственная коллективизация, голод, политические репрессии в УССР» и утвердили в мысли, что «только западные земли при условии консолидации всех украинских национально-политических сил смогут исполнить свою всеукраинскую регенеративную задачу»²⁶.

Нельзя забывать, отмечает В.М. Даниленко, что новая политика служила цели большевизации просвещения, науки, культуры и воспитания «нового», советского человека²⁷. Данное обстоятельство тем более важно, что украинизация создавала благоприятные условия для активизации национально-культурных тенденций, не всегда укладывавшихся в русло официальной идеологии. «Явления, которые не поддавались контролю государства и партии... выходили из-под контроля, становились объектами репрессивной политики», – указывает Г.В. Касьянов²⁸. Даниленко, отмечая административно-командный характер украинизации, делает вывод о том, что украинизация «по-советски» объективно создавала основу для развертывания «полномасштабной русификации». Украинцев в 1920-е гг. продолжали активно приобщать к русской культуре: процент начальных и средних школ, обучение в которых велось на

русском языке, не соответствовал проценту русского населения на Украине²⁹. В.Г. Шарпатыч подчеркивает, что Москва стремилась перевести часть учебных заведений Украины в союзное подчинение и таким способом легализовать русификацию³⁰.

Современные украинские ученые достаточно подробно анализируют законодательные акты и основные мероприятия по развертыванию украинизации. Приводятся статистические данные, убедительно свидетельствующие о росте удельного веса украинцев в партийных организациях, в советских учреждениях, учебных заведениях и т. п. Отмечаются новые «оригинальные явления» в украинской литературе и искусстве³¹. Имеется опыт рассмотрения процесса украинизации в отдельных регионах республики³² и за ее пределами, в местах компактного проживания украинского населения в других республиках СССР³³.

Историки отмечают принципиальные изменения, произошедшие в национальной политике центра в начале 1930-х гг. Если в период нэпа утвердилась «независимость, децентрализация управления культурой», все сферы которой находились в компетенции республиканских народных комиссариатов просвещения, то рубеж 1920–1930-х гг. стал временем унификации культурного строительства³⁴. Основной опасностью стал считаться «местный национализм». Разгром «национальных уклонов» знаменовал собой переход от «либерального периода нэпа к эпохе террора и открыто имперской политике»³⁵. В данной связи главное внимание в украинской исторической литературе уделяется партийным чисткам 1933–1934 гг. и массовым репрессиям против «украинских националистов», обвиненных в срыве хлебозаготовок, которые привели к голоду на Украине в 1932–1933 гг. Весьма подробно об этом пишут В. Пристайко и Ю. Шаповал³⁶. Они доказывают, что украинская интеллигенция была практически уничтожена, руководившие украинизацией партийные и советские работники арестованы, расстреляны либо сосланы. Под жесткий партийный контроль были поставлены средства массовой информации, книгоизда-

тельская деятельность, учебные и культурно-просветительные учреждения.

В данной связи особое внимание уделяется голоду 1932–1933 гг. на Украине. Ю.И. Шаповал подчеркивает его «антиукраинскость»³⁷. По его мнению, московское руководство помнило о крестьянском сопротивлении на Украине 1930–1931 гг., «когда против «великого перелома» воевали целыми селами»³⁸. «Это было сознательное и продуманное решение, имевшее одной из целей поставить Украину на колени, – пишет Шаповал. – Именно оно стало фатальным для нашего народа. Именно оно абсолютно подпадает под определение понятия «геноцид», принятое международным сообществом»³⁹.

Завершение украинизации обычно датируется 1938 г., когда «сталинское руководство взяло курс на ускорение ассимиляции». Сюда относят издание центральных и областных русскоязычных газет, создание комиссии по новому украинскому правописанию, введение обязательного изучения русского языка в начальных школах со второго класса⁴⁰.

Таким образом, украинизация рассматривается современными исследователями как один из важнейших факторов общеполитического развития межвоенной Украины. Введено в научный оборот большое количество нового фактического материала. Делаются попытки соотнести украинизацию с национально-культурным возрождением 1920-х гг. и противопоставить русификации 1930-х, а также включить эти процессы в общий контекст цивилизационной истории Украины⁴¹. Однако современные украинские историки рассматривают украинизацию исключительно как политику в сфере языка, культуры, науки, просвещения, не затрагивая ее экономические и социальные аспекты. Официальная партийная политика, по мнению украинских ученых, являлась в значительной мере реакцией на активизацию национальных процессов в стране и обладала по преимуществу регулируемыми функциями. Но так как основное внимание украинских историков уделяется выработке концепции национальной истории, это обстоятельство зачастую мешает объективно со-

отнести события, имевшие место на Украине, с общесоюзными тенденциями. При этом часто таким общесоюзным тенденциям, как усиление централизации и репрессий, придается регионально-национальный характер. В то же время исследователям удалось в целом верно оценить причины украинизации, выявить различные позиции украинских большевиков по отношению к национальной политике.

К сожалению, среди российских историков, в отличие от их украинских коллег, тема украинизации не пользуется популярностью. «Центристский» взгляд на историю России, обусловленный особенностями советского научно-информационного пространства, продолжает господствовать. Объясняется это тем, что в советское время центры по изучению истории народов СССР сосредотачивались на местах, т. е. в самих союзных республиках, поэтому после распада Союза российские научные центры столкнулись с нехваткой «узких» специалистов (по истории Украины, Белоруссии и т. д.). Такая ситуация надолго определила специфику исторической проблематики: для российской историографии характерен взгляд «сверху вниз», из центра на республики, в связи с чем обычно ставятся вопросы влияния государства на национальные, экономические, социальные, культурные процессы в республиках. В то же время ощущается дефицит работ, непосредственно посвященных украинской тематике, особенно касающихся межвоенного периода и украинизации⁴².

Следует все же упомянуть о взглядах российских историков на проблемы, так или иначе затрагивающие тему украинизации. Например, крупным проблемным блоком, активно разрабатываемым в последние годы, является анализ обоюдного влияния двух важнейших внутривнутриполитических факторов: политики большевистского центра и «окраинного национализма». Вопрос о степени зрелости украинского национального движения рассматривается по-разному. С точки зрения одних исследователей (И.В. Михутина), до революции носители национальной идеи находились среди своих земляков в меньшинстве и формированию украинского самосознания способствовала советская власть, осу-

ществившая национально-территориальные постулаты до-революционного украинского движения⁴³.

Другие исследователи признают существование национальных движений и связанных с ними центробежных тенденций, имевших важное значение для судеб различных территорий бывшей Российской империи. В этой связи следует отметить важную тенденцию в российской историографии, связанную с попытками рассмотреть «характер психосоциального симбиоза социализма и национализма в русской революции»⁴⁴.

В.П. Булдаков считает, что местные национальные партии возникали ранее общероссийских, что было связано с «упреждающей и небескорыстной реакцией национализма расколотых и угнетенных народов на грядущие геополитические подвижки в мире». При этом такие партии зачастую именовались социалистическими, что, в свою очередь, отражало процесс «взрывоопасного соединения социалистической доктринальности с растущей этнической нетерпимостью»⁴⁵. Рассматривая межнациональные столкновения в стране в период революции, Булдаков делает вывод о том, что в национальных движениях относительно силен оказался культурно-автономистский компонент, тогда как собственно уровень сепаратизма был «поразительно мал». «Окраинный национализм», по мнению ученого, набирал силу по мере «солдатызации» национальных движений, когда внутри страны происходило увеличение массы вооруженных маргиналов: именно солдатская масса с какого-то момента диктовала украинской Центральной Раде свои правила игры. В то же время окраинный национализм подогревался и аграрным вопросом, «придававшим крестьянскому движению шовинистические формы»⁴⁶. Однако «только приход к власти большевиков подтолкнул местных националистов к шагам по национально-государственному отмежеванию от российской анархии»⁴⁷.

В то же время, поднимая вопрос о соотношении роли национального и политического факторов в период революции и Гражданской войны, российские исследователи подчеркивают значение политической борьбы за власть в этот пери-

од. С.В. Чешко считает, что во время Гражданской войны происходила именно «гражданская война, в которой никто никого не завоевывал, – политическая борьба с помощью оружия», поэтому независимые национальные государства, образовавшиеся в результате распада Российской империи, следует рассматривать прежде всего как продукт политической дестабилизации страны, а политику большевиков – как производную от чисто политической борьбы, а не как внешнюю экспансию в отношении этих независимых национальных государств⁴⁸.

Кроме того, на судьбу образовавшихся в результате распада Российской империи национальных государств существенное влияние оказал внешнеполитический фактор. Пример Украины здесь весьма ярок: в условиях ожесточенной борьбы за власть большевики должны были проявить особую гибкость в своей тактике в отношении национальных сил в связи с заинтересованностью польских политических и военных кругов в украинском вопросе. Г.Ф. Матвеев обращает внимание на особый интерес, который вызывало у «начальника» польского государства Ю. Пилсудского развитие событий в Литве и Украине. Последние могли сыграть роль щита между белой или красной Россией и независимой Польшей, поэтому сотрудничество на антироссийской основе Польши с УНР, а затем тесные контакты поляков с украинской военной эмиграцией требовали от большевиков неусыпного внимания⁴⁹.

Традиционно большое внимание российскими исследователями уделяется проблеме становления советской государственности и образования СССР. Подробно описанный в литературе процесс образования СССР позволил историкам выявить роль Украины, позиции украинских коммунистов и сталинской группы. Дебаты, проходившие в период создания союзного федеративного государства, свидетельствуют о таких основных чертах позиции Сталина и его сторонников в решении национального вопроса, как «гипертрофированный «классовый подход», абстрагирование от реальных условий развития межнациональных отношений

и восприятие пролетарского интернационализма как доминанты для любой формулы объединения разных национальностей в государственное образование социалистического толка»⁵⁰. В то же время исследователи отмечают, что различия между сталинской точкой зрения и ее оппонентами заключались в «различном понимании идеи государственного единства и новой экономической политики» (федеральная автономия или же свободное и самостоятельное развитие субъектов федерации)⁵¹.

Российские историки единодушно относят украинских руководителей – Х.Г. Раковского, Н.А. Скрыпника, Г.Ф. Гринько, В.П. Затонского – к наиболее решительным оппонентам Сталина по вопросу создания единого многонационального государства и понимания федерализма. При этом В.А. Шишкин считает, что их позицию нельзя назвать конфедералистской: «На деле же это была точка зрения, имевшая в виду построение такого федеративного сообщества союзных республик, в котором последние не подавлялись бы центром, а сохраняли бы достаточные суверенные права, особенно в области национального, социального и экономического развития»⁵².

Несогласие украинских коммунистов со сталинской линией требовало от Москвы повышенного внимания к этой союзной республике, что в полной мере отразило проведенное в июне 1923 г. совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик. На совещании Сталин рассчитывал припугнуть как украинцев, так и других «националов», несогласных с политикой центрального партийного руководства⁵³. В конечном счете идеи федерализма на практике претерпели весьма значительные изменения. Т.Ю. Красовицкая обращает внимание на то, что извращение идей федерализма, поражение национальной демократии и утверждение национал-коммунизма стало возможным как вследствие замысла политического руководства, так и из-за неразвитости элементов гражданского общества⁵⁴.

Стоит отметить и точку зрения Л.Н. Нежинского. Он полагает, что одним из побудительных мотивов формирова-

ния государственной централизации 1920-х гг. было активное стремление советских республик стать полноправными субъектами международных отношений⁵⁵. В то же время велика была и роль личностного фактора: сталинские рычаги борьбы с противниками унитаризма действовали весьма успешно, как убедительно доказал А.П. Ненароков⁵⁶.

Российские исследователи единодушно признают, что коренизация на Украине (она же украинизация) объективно способствовала развитию украинской культуры, науки, просвещения. Кроме того, как отмечает С.В. Чешко, многочисленные постановления, принятые в этот период, способствовали не только внедрению украинского языка в сферы образования, науки, делопроизводства, но и разделению его функций с русским языком и языками других народов Украины⁵⁷.

Одновременно украинизация укрепляла позиции национально ориентированных коммунистов и так или иначе создавала почву для обострения на Украине национальных противоречий. К опасным последствиям украинизации партийного и советского аппарата исследователи относят: рост украинского шовинизма, «перегибы» в отношении русских и евреев в госаппарате и в школах. Г.В. Костырченко указывает, что украинизация приводила к остракизму служащих из числа русских и евреев⁵⁸. Такие процессы не могли не быть обоюдными и сопровождались травлей украинцев-коммунистов со стороны русскоязычных членов партии. В такой сложной ситуации партийное руководство вынуждено было постоянно корректировать свой курс. «В дальнейшем национальная политика сталинского руководства на Украине представляла собой эмпирическое шараханье из стороны в сторону (от «украинизации» аппарата к его «деукраинизации»), – пишет В.А. Шишкин, – преследовала эта политика единственную цель – сохранение централизованного руководства из Москвы»⁵⁹. В конечном счете такие изменения в политической линии приводили к существенному искажению на практике заявленных большевиками теоретических установок в области национальной политики.

Российские исследователи, занимающиеся проблемами внутренней политики большевиков в 1920–1930-е гг., не могут обойти вниманием и проблему борьбы с так называемым буржуазным национализмом, в том числе и украинским. Одновременно укрепление централизованного руководства требовало особого, жесткого контроля над «инакомыслием». Всякое оформление национальных течений и движений в союзных республиках и автономиях почти автоматически оценивалось как «национальный сепаратизм», «уклонизм», «подрыв устоев социалистического интернационализма». В.А. Шишкин отмечает, что большие опасения центра вызвали процессы роста самосознания интеллигенции, и Украине в этом плане уделялось весьма большое внимание: в этой республике весьма сильны были сторонники решения национального вопроса на подлинно демократической основе и с учетом обеспечения прав субъектов Союза⁶⁰.

С проблемой «украинского национализма» тесно связана и проблема репрессивной политики властей. Большинство российских ученых считает, что большевистскую политику вряд ли правомерно идентифицировать как сознательный геноцид⁶¹. Репрессии имели не этническую, а классовую, социальную направленность. Подчеркивая данное обстоятельство, С.В. Чешко предлагает квалифицировать репрессии не как геноцид, а скорее как «социцид»⁶². Говоря о репрессиях против национальной интеллигенции в сталинское время, современные российские исследователи отмечают, что пострадала интеллигенция всех народов, в том числе и русского. Неправомерно поэтому обвинять русских в бесчинствах ГУЛАГовского аппарата и призывать их покаяться. Такие действия, по мнению А.И. Доронченкова, способствуют реабилитации истинных вдохновителей и исполнителей массовых репрессий – Сталина, Берии и их соратников по партии и советской власти⁶³.

Впрочем, как доказывает С.В. Чешко, нельзя забывать о том, что преследовались прежде всего те представители национальной интеллигенции, которые исповедовали (или только подозревались в этом) идеи национализма, исламиз-

ма, тюркизма и т. п., «представлявшиеся режиму противоречивыми официальной коммунистической идеологии и потому опасными»⁶⁴.

Таким образом, в современной российской историографии отчетливо проявляются тенденции найти взвешенный, объективный подход к сложным реалиям советской истории 1920–1930-х гг. Попытки разобраться в сложных перипетиях политики большевиков в отношении национальных республик вообще и Украины в частности дают свои положительные результаты. Накопленный отечественными исследователями опыт в изучении данной проблематики уже достаточно обширен и требует сопоставления с конкретным фактическим материалом, накопленным украинскими историками. Такое взаимодействие может значительно продвинуть вперед историографию, обращенную к проблемам Восточной Европы в XX столетии.

Источниковая база по избранной нами проблематике весьма обширна. Помимо давно известных опубликованных документов (материалов ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, их съездов и пленумов, статей и выступлений большевистских лидеров и т. п.), существует и большой массив архивных материалов, не привлекавшихся ранее к исследованию. Прежде всего это материалы руководящих органов ЦК КП(б)У, хранящиеся в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины (Ф. 1. Оп. 1, 6, 16, 20). Большое количество сведений об украинизации содержат документы органов советской власти, хранящиеся в Центральном государственном архиве высших органов власти Украины (фонды Президиума Верховного Совета УССР, Министерства просвещения УССР и др.). В этих же архивах содержатся и коллекции личных документов участников Октябрьской революции, Гражданской войны и установления советской власти на Украине, где содержится также немало сведений по интересующей нас теме. Например, в фонде 59 архива общественных организаций содержатся воспоминания Я.С. Блудова (ректора Харьковского госуниверситета, члена президиума ВУАМЛИН) и В.Э. Квирина (сына главы ук-

раинских коммунистов в 1923–1925 гг. Э.И. Квиринга). Большое количество сведений об украинизации содержится в украинской периодической печати – журнале «Большевик Украины» и газете «Коммунист».

Конечно, основной массив архивных источников по истории украинизации содержится в украинских архивах. В то же время российские специалисты также располагают значительным массивом источников. Большое количество документов, помогающих полнее понять большевистскую коренизацию, хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Весьма ценные материалы хранятся в фондах Л.М. Кагановича (Ф. 81), В.М. Молотова (Ф. 82), Д.З. Мануильского (Ф. 523) в РГАСПИ. В фонде Кагановича содержатся документы 1925–1928 гг., т. е. того периода, когда Лазарь Моисеевич возглавлял компартию Украины. Здесь хранятся его личные письма, заметки, черновики статей и выступлений, докладные записки, подготовительные материалы к заседаниям политбюро ЦК КП(б)У и т. п. В фонде В.М. Молотова хранятся его отчеты о поездках на Украину в 1927–1932 гг. Личные материалы Д.З. Мануильского представляют интерес прежде всего в связи с его пребыванием на Украине в 1920–1922 гг. Фонды ГАРФ содержат ценные материалы, касающиеся урегулирования украинско-российской границы в середине 1920-х гг. (Ф. 5768, 6892). Кроме того, здесь хранятся документы Народного комиссариата по делам национальностей (Ф. 1318). Для нашей темы интерес представляют прежде всего материалы украинского отдела Наркомнаца. Кроме того, отечественный исследователь располагает и официальными документами ЦК КП(б)У: материалы пленумов, политбюро, оргбюро и секретариата ЦК украинской компартии поступали в сектор информации отдела руководящих политорганов ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26). Из недавно опубликованных документов, дающих представление о положении на Украине в 1920–1930-х гг., следует отметить прежде всего воспоминания Л.М. Кага-

вича⁶⁵, переписку Кагановича с И.В. Сталиным⁶⁶ и донесения ГПУ И.В. Сталину⁶⁷.

Использование такого широкого круга источников поможет реконструировать возможно более целостную картину большевистской украинизации, позволит выявить механизм принятия решений о коренизации, степень конкретного участия центральных партийных органов в этой политике, формы и методы контроля за конкретной работой украинских политических деятелей, роль субъективного фактора в партийной политике. Анализ существующей историографии выявил необходимость раскрытия сущности политики украинизации как метода нациостроительства не ограничиваясь при этом лишь ее культурными аспектами. Рассматривать украинизацию необходимо на широком общеполитическом фоне, с учетом внутренней и внешней политики центрального партийного руководства, особенностей экономического, социального и политического развития страны в каждый конкретный отрезок времени. Только таким путем возможно преодолеть устоявшиеся стереотипы в оценке украинизации и избежать подмены исторической действительности стандартным набором идеологических клише. Настоящая работа и является такой попыткой дать объективный анализ украинизационных усилий большевистской партии.

* * *

¹ *Бачинський Ю.* Большевицька революція і українці: критичні замітки. – Берлін, 1928; *Галій Н., Новицький Б.* Геть маску! Національна політика на радянській Україні в світлі документів. – Львів; Прага, 1934; *Гармаш Р.* Трагедія Хвильового – трагедія нашого покоління. – Торонто, 1948; *Голубенко П.* Україна і Росія у світлі культурних взаємин. – Нью-Йорк; Париж, 1987; *Ковалевський М.* Опозиційні рухи в Україні і національна політика в 1920–1954 рр. – Мюнхен, 1954; *Его же.* Україна під червоним ярмом. – Варшава–Львів, 1936; *Костюк Г.* Сталінізм в Україні (Генеза і наслідки). Дослідження і спостереження сучасника. – Київ, 1995; *Кошелівець І.* Микола Скрипник. – Київ, 1993;

- Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. – Київ, 1997; *Maistrenko I.* Borot'bism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism. – New York, 1954; *Майстренко И.* Национальная политика КПСС в ее историческом развитии. – Мюнхен, 1978; *Николішін С.* Культурна політика більшовиків і український культурний процес. – Б. м., 1947; *Петров В.* Українські культурні діячі УРСР – жертви більшовицького терору. – Київ, 1992; *Прокоп М.* Україна і українська політика Москви. – Мюнхен, 1956; *Соловей Д.* Голгота України. Московсько-більшовицький окупаційний терор в УРСР між першою і другою світовою війною. – Дрогобич, 1993; Его же. Україна в системі советського колоніалізму. – Мюнхен, 1959; *Славинский М.* Национально-государственная проблема в СССР. – Париж, 1938; *Феденко П.* Марксистські і большевицькі теорії національного питання. – Мюнхен, 1960; *Чапленко В.* Мовна політика більшовиків. – Нью-Йорк, 1976; *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1890–1941). Стан і статус. – Чернівці, 1998; *Юрченко О.* Українсько-російські стосунки після 1917 р. у правовому аспекті. – Мюнхен, 1971.
- ² Книга С. Николішина була написана еще в 1939 г., а опублікована в 1947 г.
- ³ *Sullivant R.* Soviet Politics and the Ukraine 1917–1957. – New York; London, 1962.
- ⁴ *Mace J.E.* Communism and the Dilemmas of National Liberation. National Communism in Soviet Ukraine 1918–1933. – Cambridge, 1983.
- ⁵ Наприклад, монографія Дж. Армстронга, хоча і посвящена українському націоналізму, розглядає в основному діяльність ОУН-УПА. См. Armstrong J. Ukrainian nationalism. 3-d ed. – Englewood, 1990.
- ⁶ *Liber G.* Soviet nationality policy, urban growth and identity change in the Ukrainian SSR 1923–1934. – Cambridge, 1992.
- ⁷ *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. – New York, 1994.
- ⁸ Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923-1939. Ithaca and London, 2001.
- ⁹ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. – Київ, 2003; Політика коренізації в радянській Україні (1920–30-і рр.). Науково-додоміжний бібліографічний покажчик. – Київ, 2003.
- ¹⁰ *Касьянов Г.В.* Українська інтелігенція 1920–30-х років: соціальний портрет та історична доля. – Київ, 1992. С. 70.
- ¹¹ *Солдатенко В.Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. – Київ, 2002. С. 142.
- ¹² *Даниленко В.М.* «Українізація» 1920-х рр. і сьогодні. // Другий міжнародний конгрес українців. Львів, 22–28 серпня 1993 р. – Львів, 1994. С. 67.

- ¹³ Даниленко В.М. Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Вип. 2. – Київ, 1996. С. 98.
- ¹⁴ Кульчицький С.В. У площині державного співіснування. Радянська Україна і Радянська Росія: відносини між першою і другою світовими війнами // Політика і час. 1996. № 5. С. 62.
- ¹⁵ Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В. Сталінізм на Україні. 20–30-ті роки. – Київ, 1991. С. 250.
- ¹⁶ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 19.
- ¹⁷ Цвілюк С.А. Українізація України: Тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. – Одеса, 2004. С. 14.
- ¹⁸ Там же. С. 13.
- ¹⁹ Букач В.М. Політика українізації в першій половині 20-х років (Матеріали к курсу по історії України та української культури). – Одеса, 1997. С. 49.
- ²⁰ Дашкевич Я.Р. Українізація: причини і наслідки // Слово і час. 1990. № 8. С. 58–60.
- ²¹ Касьянов Г.В. Українська інтелігенція 1920–30-х років... С. 76.
- ²² «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 62, 66.
- ²³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 59.
- ²⁴ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки ХХ ст. – Київ, 1994. С. 45.
- ²⁵ Чумак В.М. Вплив політики українізації на українську еміграцію (20-ті – поч. 30-х рр.) // IV Міжнародний конгрес україністів. Одеса, 26–29 серпня 1999 р. Доповіді та повідомлення. Історія. Част. II. ХХ століття. – Одеса–Київ–Львів, 1999. С. 405.
- ²⁶ Чумак В.М. Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР 1920-х – на поч. 30-х рр. // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. Вип. 13. Схід і захід України: проблеми єднання. – Київ, 2001. С. 194.
- ²⁷ Даниленко В.М. Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. С. 97.
- ²⁸ Касьянов Г.В. Українська інтелігенція 1920–30-х років. С. 79.
- ²⁹ Даниленко В.М. Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. С. 99, 103.
- ³⁰ Шарпатов В.Г. Участь М.О. Скрипника в українізаційних процесах 20-х років // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей, вип. 2. – Київ, 1996. С. 38.

- ³¹ См. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки...
- ³² См, напр., *Бутенко В.І.* Шкільна освіта на Харківщині (20-ті рр. XX ст.) // Вісн. Харк. Ун-ту. № 401. Історія України. 1998. Вип. 2; *Гриневич О.В.* Рівноправність мов та проблема українізації в 20–30-х рр. XX ст. на Миколаївщині // Рідна стежина. Часопис історії і практики національного виховання. Пошуки. Проблеми. Знахідки. Досвід. – Миколаїв, 1994. Вип. 1.; *Гриневич О.В.* Розвиток національної школи на Миколаївщині в 20–30-ті роки // Історія України: маловідомі імена, події, факти. – Київ, 1999. Вип. 7.; *Гусєва С.О., Цобенко М.М.* З досвіду розв'язання національного питання на півдні України (1920–30 рр.) // Український історичний журнал. 1991. № 2; *Сурабко Л.* Українізація на Чернігівщині в 20–30-ті роки // Сіверянський літопис. 1997. № 5. С. 6–11.
- ³³ *Сергійчук В.І.* Етнічні межі і державний кордон України. – Київ, 1996; Он же. «Українізація Росії». Політичне ошуканство українців російською більшовицькою владою в 1923–1932 роках. – Київ, 2000.
- ³⁴ *Кондратюк В.О., Зайцев О.Ю.* Україна в 20–30 рр. XX століття. Суспільно-політичне життя XX століття. – Львів, 1993. С. 235–237.
- ³⁵ Там же. С. 19.
- ³⁶ *Пристайко В., Шаповал Ю.* Справа «Спілки визволення України». Невідомі документи і факти. – Київ, 1995; *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997; *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. – Київ, 1996; *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський. Справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934). – Київ, 1999; *Шаповал Ю.І.* Україна 20–50-х років: Сторінки ненаписаної історії. – Київ, 1993; *Шаповал Ю.І.* Україна XX ст. Особи та події в контексті Великої історії. – Київ, 2001; *Шаповал Ю.І.* Невигадані історії. – Київ, 2004.
- ³⁷ *Шаповал Ю.І.* Невигадані історії... С. 61.
- ³⁸ Там же. С. 63.
- ³⁹ Там же. С. 308.
- ⁴⁰ *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). – Київ, 2001. С. 46–48.
- ⁴¹ *Горелов М.Є., Моця О.П., Рафальський О.О.* Цивілізаційна історія України. – Київ, 2005. С. 403–415.
- ⁴² По существу, сослаться можно лишь на работы автора данной книги, опубликованные в «Славяноведении», «Отечественной истории» и других изданиях в 1998–2004 гг.
- ⁴³ *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – М., 2003. С. 252.

- ⁴⁴ Булдаков В.П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. – М., 1999. С. 203.
- ⁴⁵ Булдаков В.П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений... С. 204.
- ⁴⁶ Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 35.
- ⁴⁷ Булдаков В.П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений... С. 215.
- ⁴⁸ Чешко С.В. Распад Советского Союза. Изд. 2-е. – М., 2000. С. 123–124.
- ⁴⁹ Матвеев Г.Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия – Украина: история взаимоотношений. – М., 1997. С. 241.
- ⁵⁰ Шишкин В.А. Устои советского федерализма в годы становления единого союзного государства (1922–1929) // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. – М., 1999. С. 297.
- ⁵¹ Ненароков А.П. 70 лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1994. № 1.
- ⁵² Там же. С. 109.
- ⁵³ Борисьонюк О.Ю. Обговорення проблем українізації вищим партійним керівництвом у 1922–1923 рр. // Український історичний журнал. 2000. № 4. С. 97.
- ⁵⁴ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925. – М., 1995. С. 37, 258, 264.
- ⁵⁵ Нежинский Л.Н. У истоков большевистско-унитарной внешней политики (1921–1923) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 89–105.
- ⁵⁶ Ненароков А.П. 70 лет назад. Национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1993. № 6. 1994. № 1.
- ⁵⁷ Чешко С.В. Распад Советского Союза... С. 215.
- ⁵⁸ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. – М., 2001. С. 54.
- ⁵⁹ Шишкин В.А. Устои советского федерализма в годы становления единого союзного государства (1922–1929) // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. – М., 1999. С. 301.
- ⁶⁰ Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.)... С. 132.
- ⁶¹ Национальная политика России. История и современность. – М., 1997. С. 296.
- ⁶² Чешко С.В. Распад Советского Союза... С. 140.

- ⁶³ *Доронченков А.И.* Межнациональные отношения и национальная политика в России... С. 47.
- ⁶⁴ *Чешко С.В.* Распад Советского Союза... С. 141.
- ⁶⁵ *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. – М., 1996.
- ⁶⁶ *И.В. Сталин и Л.М. Каганович.* Переписка. 1931–1936. – М., 2001.
- ⁶⁷ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 1–4. – М., 2001.

Глава 1

**На руинах империи:
Украина на пути
к украинизации**

«ОПЯТЬ ВЛАСТЬ МЕНЯЕТСЯ»: ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ УКРАИНЫ НАКАНУНЕ УКРАИНИЗАЦИИ

«Большая Украина»: демография и политика

В НАЧАЛЕ XX ВЕКА земли с украинским населением входили в состав двух империй: Российской (территории на левом и правом берегу Днепра и в Причерноморье в составе Юго-Западного края, Малороссии и Новороссии) и Австро-Венгерской (Закарпатье, Восточная Галиция и Северная Буковина). При этом большинство украинцев проживало в Российской империи, а потому территорию их обитания называли также Большой Украиной. Именно здесь в результате революционных событий 1917–1920 гг. и была образована Украинская Советская Социалистическая Республика – огромный полигон для испытания большевистской политики коренизации. Чтобы полнее представить себе суть этой политики, следует вспомнить о состоянии Большой Украины с ее довольно пестрым и неоднородным социальным и национальным составом населения на 1917 г.

Согласно переписи 1897 г., на Большой Украине проживали не только украинцы (73%), но и русские (12%), евреи (8%), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7%)¹. При этом 93% всех украинцев относилось к крестьянскому сословию, тогда как среди городского населения украинцы составляли всего 30%². Чем меньше был город, тем больший процент там со-

ставляло украинское население: в городах с числом жителей от 2000 до 15 000 украинцы составляли около 50% населения, тогда как в крупных (свыше 100 000) – лишь 17%³. Русское население проживало в основном в городах (34%), где вместе с евреями (27%) оно составляло большинство населения⁴.

Другой особенностью являлось непропорциональное население по регионам Украины представителей различных национальностей. Как правило, украинцы жили в губерниях, в наименьшей степени затронутых индустриализацией и урбанизацией, тогда как половина русского населения проживала в промышленно развитых регионах (Екатеринославский, Таврический, Херсонский, Харьковский, Киевский)⁵. При этом следует учесть, что украинская буржуазия была развита крайне слабо, а украинская интеллигенция была в основном сельской: по данным 1897 г., три четверти украинцев, по своей профессии связанных с интеллектуальным трудом, проживало в сельских районах⁶. К концу XIX века украинцы были представлены по роду занятий следующим образом: государственная администрация, суд, полиция, гуманитарные профессии – около 31%, военная служба – 30,5%, торговля и коммерция – 13%, промышленность, строительство, транспорт – 37%, поденные работники и слуги – 52% и, наконец, сельское хозяйство – 85%⁷.

Таким образом, основным слоем, сохранявшим национальную самобытность, было крестьянство. Специалист по национально-социальным проблемам развития украинского общества в XX веке Б. Кравченко даже считает, что до революции и в первые годы после нее слово «украинский» практически было синонимом слова «крестьянский»⁸. При этом, пишет исследователь, «перед Первой мировой войной и революцией украинцы были народом, который еще не выработал четкого национального сознания и государственность которого выглядела далекой целью»⁹. Действительно, для украинского крестьянства национальный вопрос имел меньшее значение, чем вопрос аграрный. А среди городского населения (и рабочих, и служащих, и высших слоев общества) преобладала русская культура.

Национальная идея находила поддержку прежде всего среди интеллигенции (имеется в виду та ее часть, которая ощущала себя украинской, ведь на Украине интеллигенция была преимущественно русской). Численность украинской интеллигенции была невысока¹⁰: Б. Кравченко объясняет это тем, что украинская интеллигенция пополнялась в основном за счет выходцев из крестьян, хотя первое ее поколение в основном сформировалось из рядов мелкого дворянства. Преобладание мелкого крестьянства на Украине вкупе с русскоязычной системой образования привело к тому, что «украинская интеллигенция составляла крохотный слой населения»¹¹. В 1897 г. только 16% юристов, менее четверти учителей, 10% писателей и артистов были украинцами. По переписи, проведенной в Киеве в 1917 г., только 11% студентов считали себя украинцами по национальности¹².

После революционных событий 1917 г. украинская национальная идея получила существенное распространение. Так, на выборах в местное самоуправление, проведенных на Украине летом 1917 г., позиция украинских партий была еще не очень стабильной. Только в 5 из 20 произвольно выбранных пунктов украинские партии добились перевеса (Миргород, Конотоп, Елизаветград, Ромны, Лохвица) и еще в пяти (Харьков, Полтава, Чернигов, Черкассы, Проскуров) завоевали треть голосов. В Киеве же украинские партии завоевали только 20% мандатов, в Екатеринославе – 10%, в Одессе – 4%¹³. В то же время в конце ноября – начале декабря 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, украинские социал-демократы и эсеры добились явного перевеса и завоевали 75% голосов¹⁴.

Успех политических сил национальной ориентации в условиях повышенной социальной напряженности неудивителен. Мечтавшее о земле и мире украинское крестьянство разочаровалось во Временном правительстве, затягивавшем решение аграрной проблемы и продолжавшем войну. Поэтому национальная идея стала находить все большую поддержку и в городе, и на селе. В сельской местности крестьянство было готово поверить обещаниям украинских политиков. В городе

же, как указывает итальянский специалист по советской истории А. Грациози, существовал слой населения, «который вместе с сельской интеллигенцией встал во главе националистического движения», а именно мелкобуржуазная интеллигенция, а также часть войск, расквартированная в городах¹⁵.

Впрочем, если говорить об украинском городе, то следует учесть, что после октябрьских событий туда хлынул поток беженцев с севера, искавших защиты от большевиков. Среди них было немало представителей элитарной интеллигенции. К примеру, можно упомянуть ученого с мировым именем, философа и общественного деятеля В. И. Вернадского, оставившего свои знаменитые дневники. Он переселился сначала в Полтаву, а затем в Киев. На Украине искали защиты от большевиков и помещики. Кроме того, население украинских городов постоянно пополнялось за счет еврейских семей, искавших убежища от погромов.

Это обстоятельство сделало отличия между национальными составами села и города на Украине еще резче. Так, в Киеве количество населения увеличилось с 468 тыс. человек в 1917 г. до 544 тыс. в 1919 г., причем процент еврейского населения увеличился с 18 до 28%. Численность же украинского населения сначала возросла, а затем начала падать и в 1920 г. составила всего 14%¹⁶. А. Грациози даже утверждает, что «в городах с таким составом украинский национализм не мог пустить глубоких корней»¹⁷.

Кроме того, современники отмечают довольно сильные пророссийские настроения на юге и востоке Украины. Так, один из представителей командования австрийской армии при украинской Центральной Раде генерал-майор Вальдштетен докладывал в Министерство иностранных дел в Вене 16 мая 1918 г.: «Нет никакой украинской национальной мысли, по крайней мере в Южной Украине. Все живут, думают и говорят по-русски. По-украински никто не понимает. Главное, интеллигенция – не исключая еврейской ее части – за союз с Россией»¹⁸. «Впрочем, – сообщает далее австрийский генерал-майор, – представляется мне, что союз Украины с Россией рано или поздно снова наступит»¹⁹.

Вальдштетен объясняет это тем, что между Украиной и Россией много общего – «язык, религия, хозяйство»²⁰.

Высказывания австрийского генерала содержали немалую долю истины. Действительно, до революции доминирующую роль играло либерально-демократическое крыло интеллигенции, ориентированное в первую очередь на национально-культурную автономию Украины, хотя в качестве перспективы присутствовало и требование национально-территориальной автономии. Уже после февральских событий 1917 г. известный украинский ученый и политический деятель, возглавивший Центральную Раду, М.С. Грушевский настаивал на необходимости перехода от культурно-просветительских требований к политическим, т. е. к лозунгу национально-территориальной автономии Украины в составе федеративной России²¹. Под воздействием бурных событий войны и революций, особенно октябрьской 1917 г., политический расклад существенно изменился. Слабость либерального центра компенсировалась усилением леворадикальных тенденций. Как уже говорилось, в 1917 г. усилились позиции украинских национальных партий, зачастую имевших социалистическую окраску²². Так, в Центральной Раде, созданной после Февральской революции, были представлены Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская социал-демократическая рабочая партия и Украинская партия социалистов-федералистов²³. В дальнейшем, под воздействием революции и Гражданской войны, эти партии не один раз переживали расколы и преобразования.

Публичная презентация национальной идеи: Грушевский, Скоропадский, Петлюра

НА УКРАИНЕ В 1917–1920 гг. события развивались весьма бурно. 7 (20) ноября 1917 г. Центральная Рада провозгласила образование Украинской Народной Республики в федеративном союзе с Россией. Однако отношения между

Центральной Радой и большевиками были далеки от идеала. Совнарком не желал признавать Центральную Раду, поскольку та не была избрана Всеукраинским съездом Советов. Центральная Рада отказывалась признать право СНК представлять всю Россию. В конце концов 12 (25) января 1918 г. Центральная Рада провозгласила УНР полностью независимой республикой. Однако Центральная Рада не смогла удержать власть, и начиная с января 1918 г. ситуация на Украине несколько раз менялась с калейдоскопической быстротой.

В начале 1918 г. Украина оказалась под контролем большевиков, но остаться у власти они тогда не смогли. Согласно Брестскому миру с Германией, подписанному 3 марта 1918 г., Совнарком обязался признать самостоятельность УНР. Украина была занята германскими и австро-венгерскими войсками. В конце апреля 1918 г. к власти на Украине пришел бывший генерал российской армии П.П. Скоропадский, провозглашенный гетманом Украинской державы. Однако в конце 1918 г., с окончанием Первой мировой войны, политическая ситуация вновь изменилась. Немецкие и австрийские войска утратили оккупационные функции, чем не преминули воспользоваться украинские политические круги, решившие восстановить Украинскую Народную Республику. В декабре 1918 г. произошел переворот, гетман был смещен, к власти пришла так называемая Директория, лидером которой были известные украинские политические деятели В.К. Винниченко и С.В. Петлюра. Вскоре было даже провозглашено объединение УНР с Западно-Украинской Народной Республикой, образовавшейся после распада Австро-Венгрии.

Однако власть Директории также не была стабильной. В январе 1919 г. к власти на Украине пришли большевики, провозгласившие образование УССР. Летом 1919 г. на украинской политической арене появился А.И. Деникин, чья Добровольческая армия оккупировала значительную часть территории Украины, но не сумела удержать над ней власть. В результате наступления Красной Армии зимой 1919–1920 гг. Украина была очищена от деникинских войск.

Неудивительно, что столь частые перемены власти дестабилизировали ситуацию. Настроения широких масс постоянно менялись, следовательно, менялся и политический климат Украины. Национальный фактор постоянно переплетался с фактором социальным. Население, отвергнувшее очередную не оправдавшую надежд власть, готово было поддержать ее противников и т. д. Так, союз с Германией скомпрометировал национальное правительство; украинское крестьянство выражало крайнее недовольство реквизициями и, кроме того, опасалось за судьбу захваченных земель. На волне крестьянской поддержки в начале 1919 г. властью овладели большевики. Однако реквизиции продолжались, последовал новый всплеск крестьянского возмущения, что сделало позиции советской власти крайне непрочными. Но на Украине не смог найти поддержки и Деникин, благодаря чему большевикам в конце концов удалось закрепиться.

Очень ярко описывает сложившуюся ситуацию в своей книге «Мои украинские впечатления и размышления», (1923 г.) А.С. Мартынов, известный меньшевик, перешедший на большевистские позиции. Еще в июне 1918 г. он уехал с женой и дочерьми из Москвы на Украину, жил в селе Ялтушково и в Николаеве, работая учителем в заводских профшколах. Он отмечал, что поддержка крестьянством той или иной политической власти, в том числе и национальной, прямо зависела от предлагавшейся аграрной программы. При этом он ставил под сомнение силу национального чувства украинского крестьянства. «Когда петлюровцы пытались играть на чисто националистических струнках украинского крестьянства, они не имели никакого успеха»²⁴, – отмечал Мартынов. Далее мемуарист приводит высказывание одного из «уличных политиков-самостийников»: «Наша беда в том, что у украинского селянства еще совершенно нет национального самосознания. Наши дядьки говорят: мы на фронте из одного котла ели кашу с москалями и нам незачем с ними ссориться»²⁵. Другое дело, отмечает Мартынов, – украинская мелкобуржуазная интеллигенция («народные учителя, кооператоры, фельдшеры и т. д.»).

Среди них националистическая пропаганда имела несомненный успех²⁶.

Действительно, население устало от политической чехарды, бесконечной войны всех со всеми и бытовой неустроенности. Это подтверждают и сведения «с другого берега» – не от таких сторонников советской власти, как Мартынов, а от ее противников. Агенты эмигрантской организации «Центр действия»²⁷ в своих донесениях особое внимание уделяли настраиванию широких кругов населения Украины. Эти данные 1922 г. можно в значительной степени отнести и к предшествующим годам. «О какой же власти мечтает украинская деревня? – задает вопрос информатор. – О такой, которая бы их не грабила, установила определенные правовые отношения»²⁸. Город же, отмечается в том же донесении, «не имеет своей яркой политической физиономии»: «Вся эта масса в ежедневной погоне за взяткой, за пайком, за легкой наживой постоянно занята мыслью о будущем дне»²⁹.

Однако, по мнению информатора, это отнюдь не означает, что национальная идея нигде не находит поддержки. В донесении отмечается, что эта идея находит отклик прежде всего среди украинской интеллигенции: «Тут на первом плане своя независимость, своя культура. Олицетворение этого – Семен Петлюра»³⁰.

Настроения крестьянской массы были противоречивы. С одной стороны, в стремлении к твердой власти крестьянство, как отмечается в документе, готово было отдать свои симпатии Петлюре: «Петлюру критикуют, в присутствии большевиков ругают, но доверие к нему безусловное»³¹. В то же время полученные «Центром действия» сведения не свидетельствуют об однозначной поддержке национальной идеи крестьянством. Одни наблюдатели³² сообщали о «сильном национальном (в украинском смысле) подъеме» во всем крестьянстве, выражающемся «в стремлении к независимой Украине и крайне враждебном отношении к Москве»³³. Другие, напротив, были убеждены в «слабом развитии национальных чувств и отсутствии ощущения родины»³⁴ среди крестьянства. «У крестьянской массы почти отсутствует

понимание родины, как чего-то целого, существующего помимо бытия отдельной деревни, отдельной волости, отдельного уезда»³⁵, – говорится в одном из документов.

Для полноты картины следует отметить настроения среди пленных и интернированных украинцев в Польше после подписания Рижского мира, данные о которых приводит российская исследовательница Т.М. Симонова. Сотрудники Российского политического комитета, сформированного в Варшаве Б.В. Савинковым при активном содействии польских военных властей, осенью 1921 г. вели работу среди интернированных украинцев по вовлечению их в Союз защиты родины и свободы. В отчетах о работе в лагерях Стшалково и Тухоля сообщалось, что высший командный состав украинской армии поверхностно разделяет взгляды руководящих кругов УНР, однако в действительности сторонников Петлюры немного. В верхах преобладали гетманцы. «В низах большинство довольно аполитично. Есть определенные русофилы. Много сторонников федерации Украины с Россией», – говорилось в одном из документов³⁶. При этом после широкой репатриации интернированных авторитет Петлюры среди украинских солдат существенно упал, «украинофильство совершенно исчезло», большинство украинцев (до 70%) говорили по-русски, распевали русские песни³⁷. Т.М. Симонова отмечает, что число желавших вернуться в Советскую Россию росло, увеличивалось и число украинцев прогерманской ориентации, появились и желавшие сотрудничать с лагерными коммунистами³⁸.

Вопрос о силе национального чувства крестьянства, составлявшего, как уже говорилось, большинство среди украинского населения вообще, довольно сложный и не имеет однозначного ответа. Тем не менее следует отметить, что для большевиков особую опасность представляло соединение социальных чаяний простого народа с национальными устремлениями украинской интеллигенции, тем более что на политической арене у большевиков на Украине появились конкуренты. В украинских социалистических партиях появились «левые» течения и такое направление, как наци-

онал-коммунизм (1918–1925 г.). Тут следует отметить две партии, образовавшиеся в результате консолидации эволюционировавших к коммунизму левых украинских эсеров и социал-демократов: Украинская партия социалистов-революционеров (коммунистов) и Украинская социал-демократическая рабочая партия («незалежных») объединились в 1919 г. в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов); другая часть УСДРП («незалежных») в 1920 г. оформилась в Украинскую коммунистическую партию. Влияние этих партий на селе было довольно сильным. Кроме того, устойчивые позиции в городах востока и юга Украины занимала Украинская партия левых социалистов-революционеров (борбистов), возникшая в 1919 г. К весне 1920 г. боротьбистов было около 15 тыс. человек, членов УКП (укапистов) около 600 человек (по некоторым данным – до 3 тысяч), борбистов – свыше 7 тысяч³⁹.

Программа национал-коммунистов предусматривала создание суверенного украинского государства (которое затем войдет во всемирную социалистическую федерацию), самостоятельной украинской армии, независимой от Москвы партии и диктатуры, но не пролетариата, а всего трудового народа. Как считает украинский исследователь О.Б. Бриндак, эти партии, как и РКП(б), стремились к монополярной партийной диктатуре⁴⁰. Экономическая программа национал-коммунистов предусматривала социализацию земли, раздел ее по трудовым нормам. Это, собственно, и обеспечивало им поддержку села. В то же время «ортодоксально-марксистская УКП» выступала против раздела помещичьих земель⁴¹.

Украинизация без большевиков

В ТАКОЙ НЕПРОСТОЙ социально-политической ситуации политика по внедрению украинского в качестве языка общественной и культурной жизни, политика поддержки украинской культуры в Украинской Народной Рес-

публике и Украинской державе, проводившаяся различными правительствами и являвшаяся символом процесса суверенизации, приковывала к себе пристальное внимание различных общественных и политических сил. Такая политика именовалась «украинизацией» – термином, который впервые ввел в оборот известный украинский ученый и политический деятель, председатель Центральной Рады М.С. Грушевский⁴².

Особое значение правительства УНР и Украинской державы придавали статусу украинского языка, который должен был стать языком законодательства, администрации, армии. Основные усилия «незалежных» властей были направлены на использование украинского языка в таких сферах, как система образования (на всех уровнях – от начального до высшего), издательское дело (газеты, журналы, книги, особенно учебная литература и т. п.), театральное и музыкальное искусство, музейное дело и т. п.

Несмотря на сложные условия, украинским правительствам удалось добиться определенных успехов (особенно Центральной Раде и гетманскому правительству). Были открыты украинские школы (только в 1917 г. появилось 215 так называемых высшеначальных школ, а к концу 1918 г. число украинских гимназий достигло 150). В 1917 г. выходило 106 периодических изданий на украинском языке, а в 1918 г. – 212. Что касается книг на украинском, то в 1917 г. их было издано 747, в 1918 г. – 1084, в 1919 г. – 665⁴³. В 1918 г. была создана Украинская академия наук. При русских высших учебных заведениях открывались кафедры украинознатства (украиноведения), кроме того, Народный университет в Киеве был преобразован в Украинский госуниверситет, были открыты университет в Каменец-Подольске, историко-филологический факультет в Полтаве, Национальная библиотека, работали несколько национальных театров.

Суть работы по украинизации выразил заместитель председателя Центральной Рады известный писатель В.К. Винниченко: «Мы, украинцы, хотели жить и проявлять себя во всех сферах и областях жизни. Мы полагали, что все

общественные, политические и социальные учреждения должны быть для народа, а не народ для них. На Украине – народ украинский, поэтому для него как украинского народа должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд, а также и армия»⁴⁴.

Украинизация, по мысли ее инициаторов, должна была охватить все стороны жизни общества. Однако условия Гражданской войны не позволили осуществить все задуманное в полной мере. К тому же большинство украинского населения было озабочено другими, в первую очередь социально-экономическими, проблемами. На фоне продовольственной и аграрной проблем появление украинских школ, книг на украинском и кафедр украинознания казалось явлением второстепенным. На мероприятия по украинизации из-за их ярко выраженного политизированного характера обращали внимание прежде всего представители интеллигенции. Киевский присяжный поверенный и общественный деятель А.А. Гольденвейзер в своих «Киевских воспоминаниях» говорит о том резонансе, который вызывало это явление в обществе. Он отмечает, что украинизация «приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуры. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку»⁴⁵.

Наблюдение Гольденвейзера подтверждают мемуары других его современников. Вспоминая о событиях 1917–1919 гг., Т. Кардиналовская (жена украинского премьера В.А. Голубовича) прежде всего упоминала о негативном отношении к украинизации со стороны киевской интеллигенции: «одни протестовали из-за нетерпимости ко всему украинскому, другие из-за ее насильственного насаждения». Большое впечатление на Кардиналовскую произвели печатавшиеся в газете «Русская мысль» длиннейшие списки людей, подписавшихся под лозунгом «Я протестую против насильственной украинизации Юго-Западного Края». При этом, по словам мемуаристки, там стояли фамилии не только русские, но и украинские⁴⁶.

Протесты против украинизации были довольно широко распространены. «Начался целый ряд заседаний школьных советов, школьных родительских комитетов, на которых, дружно объединившись, черносотенец и демократ единодушно стали выносить протест за протестом, посылая их в правительство, – свидетельствовал Винниченко. – Они протестовали против “насильственной украинизации”!»⁴⁷

Газета «Голос Киева» опубликовала 13 июня 1918 г. обращение правления Союза служащих правительственных учреждений Винницы к властям. В тексте говорилось о том, что при делопроизводстве в учреждениях нет необходимости переходить на украинский, поскольку «случаев взаимного непонимания между этими учреждениями, с одной стороны, и местным населением – с другой, никогда не было»⁴⁸. «Более того, – говорится далее, – такие случаи возможны именно при введении украинского языка, ибо последний в своей литературной форме почти ничего общего с местным просторечием не имеет»⁴⁹. Служащие же вполне понимают это просторечие, «а в некоторых случаях и объясняются» на «простом языке местного населения». Но вот украинским литературным языком никто не владеет⁵⁰.

Неприятие украинизации было весьма широким. Украинский общественный деятель, оказавшийся после Гражданской войны в эмиграции, Н.М. Могилянский в своих воспоминаниях о пережитом в Киеве в 1918 г. задавался вопросом: «Пользуется ли «украинизация»⁵¹ симпатиями широких масс населения Украины?»⁵² Пытаясь честно в этом разобраться, Могилянский признает, что «в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации»⁵³. Подтверждая мнение других современников-очевидцев, он также отмечает отрицательное отношение к украинизации широких слоев населения: «Как показали грустные события и переживания Киева, Харькова, Одессы, население городов везде имеет явную склонность к большевизму, а деревня везде жаждала одного: земли!»⁵⁴ Более того, Могилянский считает единственными «союзни-

ками» украинизации немцев, «которые были заинтересованы углублением «украинизации» для успеха расчленения России»⁵⁵.

Для полноты картины приведем еще одно мнение. В своих «Очерках русской смуты» генерал А.И. Деникин весьма резко отзывался о происходивших на Украине событиях. Он называл программу гетманского правительства не иначе как «национальным шовинизмом и украинизацией»: «Министр внутренних дел Кистяковский вводил закон об украинском подданстве и присяге; министр народного просвещения Василенко приступил к массовому закрытию и насильственной украинизации учебных заведений; министр исповеданий Зеньковский готовил автокефалию украинской церкви... Все вместе в формах нелепых и оскорбительных рвали связь с русской культурой и государственностью»⁵⁶.

Характерны и другие примеры негативного восприятия украинизации со стороны широких слоев русской и украинской интеллигенции. В отличие от государственных деятелей Украинской Народной Республики, считавших украинизацию закономерным процессом, сопутствующим строительству украинской государственности, русская и русскоязычная общественность считала, что подобные мероприятия со стороны правительства нарушают «равенство национальностей». Вот какие мысли высказывал В.И. Вернадский (кстати, этнический украинец) в апреле 1918 г.: «Сейчас в Полтаве очень тревожное чувство в связи с начинающейся насильственной украинизацией. Через три недели вывески магазинов д[олжны] быть по-украински... Всюду предписано ввести делопроизводство на укр[аинском] яз[ыке]. Вводят на язычки. Возбуждается ненависть к языку»⁵⁷.

Подчеркнутое знаменитым ученым обострение национальных противоречий в УНР было не просто следствием украинизаторских усилий Центральной Рады, Гетманата и Директории, оно также отражало ситуацию, характерную для распада имперских структур. Как известно, Украина с середины XVII века и вплоть до 1917 г. не составляла единого и обособленного политического организма, разные ее

территории попеременно входили в состав соседних государств (России, Речи Посполитой, монархии Габсбургов), что увеличивало роль внешнеполитического фактора в постановке украинского вопроса.

Самое пристальное внимание украинским землям уделяла Польша, восстановившая свою государственность в ноябре 1918 г. Как известно, в начале XX века в польских политических кругах активно обсуждался вопрос о путях достижения независимости. Одни видели главную опасность для возрождения Польши в Германии, другие – в России. Последние обращали внимание на то, что Россия владеет большей частью земель Польши и бывшей Речи Посполитой. Они полагали, что Российской империи ожидает распад, причем распад по национальному признаку. В результате на окраинах Российской империи должны возникнуть независимые государства – своеобразный буфер между Москвой и Варшавой⁵⁸.

Подобные взгляды разделял и «начальник государства» Ю. Пилсудский, которому не чужды были и экспансионистские устремления⁵⁹. Уже в ноябре 1918 г. Польша начала активные военные действия в Восточной Галиции против образованной там Западно-Украинской Народной Республики. Польско-украинская война закончилась в июне 1919 г. победой Польши и оккупацией всей Восточной Галиции польскими войсками.

Свои территориальные претензии Польша стремилась закрепить официально. В декабре 1918 г. на переговорах с представителем Польского национального комитета в Париже С. Грабским Пилсудский заметил, что восточная граница Польши должна пройти по линии небольших украинских и белорусских рек Улла – Березина – Случь – Горынь – Ушица. Пилсудский давал аналогичные инструкции участнику Парижской мирной конференции Л. Василевскому: восточная граница должна обеспечить включение в Польшу железной дороги Дрогобыч – Львов – Ковель – Пинск – Лунинец – Барановичи – Вильно и ее «прикрытия» в виде пояса болот и лесов Припяти⁶⁰.

Отношения между Польшей и РСФСР не складывались. Польское руководство не желало идти на контакт с большевиками и упрекало советское руководство в попытке вызвать революцию в Польше. А отмена актов царского правительства о разделах Речи Посполитой большевиками рассматривалась как юридическое признание Россией прав Польши на восстановление ее в границах 1772 г., что было недостижимой мечтой всех польских политиков с конца XVIII века.

Кроме того, польское руководство играло на антибольшевистских настроениях стран Антанты. Как известно, в Германии находила довольно весомую поддержку идея расчленения Российской империи, в частности, образования независимого украинского государства, чем активно пользовались многие политические силы в борьбе за власть на Украине. Поляки же нашли поддержку у Франции, которая рассматривала независимое польское государство как щит между русским большевизмом и германской революцией и оказывала активную помощь полякам, поставляя им военное снаряжение и присылая своих военных инструкторов.

Все это создавало благоприятные условия для польско-украинского союза на антибольшевистской, антироссийской основе. Первые контакты правительства Украинской Народной Республики с Польшей приходятся уже на конец 1918 – начало 1919 г. 31 декабря в Варшаву отправилась украинская миссия во главе с профессором В. Прокоповичем, целью которой было добиться помощи Польши в борьбе с большевиками. В свою очередь, поляки также стремились наладить дипломатические контакты с УНР и отправили в январе 1919 г. на Украину специального представителя для проведения консультаций с украинскими политическими кругами⁶¹.

Однако достичь соглашения было непросто из-за территориальных противоречий между Польшей и УНР: и те и другие претендовали на Восточную Галицию. Парижская мирная конференция пыталась урегулировать этот вопрос. В конце концов в феврале 1919 г. Совет десяти Парижской

конференции согласился с территориальными претензиями Польши относительно Восточной Галиции и разрешил ввести туда польские войска для «охраны от большевистских банд». Правящие круги УНР вынуждены были учесть данное обстоятельство. В мае 1919 г. Директория одобрила решение о начале мирных переговоров с Польшей. В этом же месяце к Петлюре прибыл особый представитель Ю. Пилсудского подполковник Заглоба-Мазуркевич⁶².

1 сентября 1919 г. между УНР и Польшей было заключено прелиминарное соглашение. Положение армии УНР было крайне тяжелым, и Петлюра решил отказаться от западноукраинских земель в обмен на военную помощь. В октябре 1919 г. в Варшаву прибыла дипломатическая миссия во главе с министром иностранных дел УНР А. Левицким. При делегации действовала военно-дипломатическая миссия УНР в Польше, приложившая большие усилия для налаживания военного сотрудничества между двумя странами. В начале 1920 г. на территории Польши началось формирование украинских частей.

«ПЛАЦДАРМ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В ОТНОШЕНИИ УКРАИНЫ В 1917–1922 гг.

Революционное нетерпение

КАК ИЗВЕСТНО, ЛОЗУНГ самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельного государства был необходим большевикам в основном на этапе разрушения самодержавия. Следует согласиться с выводом А.И. Вдовина о том, что «пролетарское государство, идущее на смену буржуазному и добуржуазному» марксисты-ленинцы видели прежде всего «единой и неделимой республикой». «Такое видение, – пишет историк, – определяло их отрицательное отношение к расчленению России и какому-либо ослаблению централизма путем рассредоточения власти по федеративным и автономным частям государства, а если и допускало его, то лишь в определенных случаях: если нельзя было обойтись без федерации как формы перехода “к вполне единому государству”»⁶³.

Поэтому общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г., было прежде всего важным тактическим шагом большевиков, в немалой степени определившим их успех во внутривосточной борьбе. При этом самоопределение рассматривалось Лениным как вынужденная мера и предпосылка для последующего перехода к централизованному

унитарному демократическому государству социалистического типа: «...Мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после отделения!! Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма...»⁶⁴

Действительно, в таком основополагающем документе, как «Декларация прав народов России», были зафиксированы принципы свободного развития и равноправия народов: равенство и суверенность народов России, право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Однако уже в январе 1918 г. на III съезде Советов в докладе по национальному вопросу наркомнац И.В. Сталин фактически ставил национальный вопрос в зависимость от классового, трактуя принцип самоопределения как право исключительно «трудовых масс данной нации»⁶⁵. Как показала дискуссия по национальному вопросу на VIII съезде партии в 1919 г., многие большевики разделяли сталинский подход.

Как известно, Ленин занимал более осторожную позицию, критикуя «революционное нетерпение» своих товарищей по партии и указывая на необходимость считаться со сложной внутривнутриполитической ситуацией в стране. Хотя многие коммунисты, уповая на грядущую мировую революцию, отвергали значение национальной культуры и считали нации принадлежностью безвозвратного исторического прошлого, в своей реальной политике им приходилось учитывать особенности менталитета «отсталого» населения, подверженного «национальным пережиткам». Продолжение русификаторской политики в этой ситуации было невозможно. Сохранение Украины как одного из «плацдармов социализма» в Европе настоятельно требовало нейтрализации «буржуазного влияния» на крестьянство, составлявшее большинство населения Украины.

В этой ситуации национальная окраска советской власти на Украине могла сыграть решающую роль: если остановить распад Российской империи было весьма проблематично, то можно было бороться за установление в независимых республиках советской власти. Так, в записке по прямому проводу Н.В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 г. Ленин и Л.Д. Троцкий подчеркивали: «Мы считаем, что... Рада явно и решительно встала на сторону кадетско-корниловской и калединской контрреволюции. Мы за советскую власть в независимой республике Украинской, но не за контрреволюционную калединскую Раду»⁶⁶. Годом позже, 29 ноября 1918 г., Ленин в своей телеграмме главкому И.И. Вацетису особо подчеркивал значение создания временных советских правительств, «призванных укрепить Советы на местах» во время продвижения Красной Армии на запад. «Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, — писал он, — что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей как оккупацию и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их как освободителей»⁶⁷.

Две тактики по украинскому вопросу

ПОЗИЦИЯ ПАРТИИ большевиков на Украине поначалу была не очень сильной. К августу 1917 г. на украинских землях насчитывалось немногим более 22,5 тыс. членов партии, причем две трети из них действовали на Донбассе. При этом на селе работало только около 16% всех большевиков Украины⁶⁸. Возможно, именно поэтому на выборах в Учредительное собрание большевики сумели собрать только 10% голосов украинских избирателей, тогда как украинские социал-демократы и эсеры — 75%⁶⁹. Следует учесть, что до революции не существовало территориальной украин-

ской большевистской организации. КП(б)У была образована лишь в июле 1918 г.: настоятельная потребность в создании партии появилась лишь после Брестского мирного договора 1918 г.⁷⁰

К началу 1918 г. на Украине действовали два самостоятельных областных объединения РСДРП(б) – Донецко-Криворожского бассейна и Юго-Западного края, – которые придерживались различных представлений о перспективах развития большевистской партии на Украине.

Во главе киевских большевиков стоял Г.Л. Пятаков. Вместе с группой единомышленников он составил группировку, получившую название «левой». «Левые» были убеждены в том, что в мире идет решающая схватка между капитализмом и социализмом, и рассматривали украинскую революцию как составную часть мировой революции. Брестский мир они оценивали негативно, полагая, что Украина должна служить делу продолжения мировой революции. Один из большевистских партийных деятелей той поры – А.И. Бущенко (в 1917–1919 гг. он работал в Полтаве) особо подчеркивал данный момент. По его словам, Пятаков считал, что «Украина должна явиться плацдармом для развертывания революции дальше на запад без помощи русского пролетариата за перманентное восстание, а не ждать, пока все партийные организации проведут должную подготовку к организованному повсеместному вооруженному восстанию»⁷¹.

Именно в интересах революционной борьбы Пятаков предлагал объединить все большевистские организации Украины. В ноябре 1917 г. по его инициативе была проведена партийная конференция Юго-Западного края и провозглашено создание региональной большевистской организации «Социал-демократия Украины», правда, не получившей одобрения ЦК РСДРП(б)⁷².

Большевиков Екатеринослава и Донбасса возглавлял Э.И. Квириг. «Правые» Донбасса считали, что без помощи России революция на Украине бесперспективна, и поэтому были убежденными сторонниками тесного союза с Москвой. «Правые» не желали идти на контакт с киевской организа-

цией и в январе 1918 г. предприняли попытку создать Донецко-Криворожскую Советскую Республику. Инициаторов образования этой республики вдохновляла идея сохранения всего Донецко-Криворожского бассейна с Харьковом в составе Российской республики на положении отдельной области⁷³. Как известно, помимо Донецко-Криворожской, какое-то время существовали Одесская, Донская и Крымская республики.

«Левые» и «правые» не ладили между собой, и для сглаживания противоречий в конце 1917 г. на Украину был послан старый большевик (член партии с 1897 г.) Н.А. Скрыпник, а в начале 1919 г. – другой партиец, деятель болгарского и международного социалистического движения Х.Г. Раковский.

Таким образом, к моменту объединения большевистских организаций Украины между ними существовали значительные разногласия. В соответствии с этим на Таганрогском партийном совещании 19–20 апреля 1918 г. были выдвинуты две резолюции по организационному вопросу. Первая, принадлежавшая Э.И. Квирингу, предусматривала создание автономной партии со своим Центральным комитетом и со своими съездами, хотя и подчиненной единому ЦК и съездам РКП(б). Автором второй резолюции был Н.А. Скрыпник. Хотя он и не разделял взглядов «левых коммунистов», однако также считал целесообразным создать на Украине самостоятельную коммунистическую партию со своим ЦК и своими партийными съездами, связанную с РКП(б) лишь через III Интернационал. На совещании большинством голосов прошла резолюция Скрыпника.

Однако центральное партийное руководство в Москве не могло допустить такого развития событий: на I съезде КП(б)У 5–12 июля 1918 г. была принята резолюция, согласно которой КП(б)У должна входить в единую Российскую коммунистическую партию. VIII съезд РКП(б) в марте 1919 г. принял в связи с этим специальное постановление, в котором говорилось: «Необходимо существование единой централизованной коммунистической партии с единым ЦК, руководя-

щим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП»⁷⁴.

При этом многие большевики на Украине (особенно екатеринославская, харьковская, одесская организации) решительно выступали против хотя бы и формальной украинизации партии. А.И. Буценко вспоминал, как в Луганском горисполкоме некий Червяков арестовал делегатов II Всеукраинского съезда Советов (март 1918 г.), приехавших проводить украинизацию госаппарата и «разговаривавших на украинском языке»⁷⁵. По его оценке, «основная беда правых заключалась в том, что они недооценивали национального вопроса, вернее, недопонимали его»⁷⁶. Причины этого Буценко видел в том, что опору «правых» составляли русские рабочие Донбасса, а к украинскому крестьянству они относились с большой осторожностью⁷⁷.

Впрочем, киевляне также по-разному относились к украинскому вопросу. К примеру, «левый коммунист» Г.Л. Пятаков вообще был убежденным противником права наций на самоопределение и даже получил от Винниченко прозвище «русский коммунист-централист, враг украинского национально-государственного возрождения»⁷⁸. Однако в тот момент Пятаков считал, что относительная независимость от Москвы соответствует интересам мировой революции, поскольку обеспечивает возможность маневра против политики Бреста.

Равноправие или слияние?

6 ЯНВАРЯ 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство провозгласило новое официальное название государства – Украинская Социалистическая Советская Республика. Стремясь упрочить свой контроль над Украи-

ной, большевистские лидеры делали основную ставку на сохранение единства партии на территории бывшей Российской империи.

Последнее обстоятельство приобретало особое значение в связи со стремлением сохранить государственное единство бывшей Российской империи. А Украина была крайне важной частью распадавшейся на глазах державы, что отражает постановление Политбюро РКП(б) от 8 апреля 1919 г. В нем говорилось об Украине как источнике «топлива, металла, наличных заводов и мастерских, а также запасов продовольствия»⁷⁹. Упустить столь ценный для развития мировой социалистической революции регион большевики не могли.

Хотя независимость УССР была провозглашена, однако большевики рассчитывали в ближайшем будущем добиться слияния двух республик. 23 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило ЦК КП(б)У обсудить вопрос, при каких условиях и в какой форме такое слияние будет проведено⁸⁰. Можно увидеть подготовку к такому слиянию в централизаторской политике учреждений РСФСР. 3 марта 1919 г. президиум ВСНХ РСФСР высказался за прямое управление народным хозяйством советских республик из Москвы на принципах «демократического централизма». Буквально через несколько дней, 7 марта 1919 г., украинское советское правительство приняло постановление об объединении ВСНХ РСФСР и Украинского СНХ в единую систему и об объединении банковской системы обеих республик⁸².

Более того, украинский исследователь С.В. Кульчицкий, ссылаясь на архивные документы, указывает, что Раковский считал возглавляемое им Временное рабоче-крестьянское правительство Украины органом ЦК РКП(б). Правда, указанные документы не были официально приняты, но были черновым вариантом постановлений ВРКП Украины⁸¹. Возможно, черновиком указанные документы остались неспроста.

Скорее всего Раковский просто не понял всю сложность ситуации на Украине. Большевики противопоставляли свою

национальную политику национальной политике царского правительства. 10 марта 1919 г. Наркомпрос УССР принял даже постановление об отмене государственного языка и провозглашении равноправия всех языков. Признавая «своеобразное явление господства русской культуры при несомненном количественном перевесе украинского населения», Наркомпрос в качестве причин сложившейся ситуации указывал на проводившуюся ранее «насильственную русификацию». Отныне же, «считаясь [с] отменой государственного языка как такового [и] объявлением всех местных языков равноправными, нарком прос[вещения] предоставляет право населению на местах определять язык, [на] котором должно вестись преподавание [в] школах. При этом должны быть обеспечены интересы всех национальных групп Украины...».

Несмотря на провозглашенное равноправие, Наркомпрос УССР отдавал явное предпочтение украинскому языку, подчеркивая необходимость «активно работать [в] сторону развития укр[аинского] языка и укр[аинской] культуры». В качестве обязательного предмета в школах вводилось изучение истории и географии Украины, а также одного из местных языков⁸³.

Однако провозглашенные большевиками национальные лозунги не мешали им уже осенью 1919 г. строить планы «полного слияния» УССР и РСФСР; первым этапом на этом пути должна была стать пропаганда такого важного шага. В проекте тезисов о политике на Украине, подготовленном к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г., Ленин отмечал: «Пока – самост[оятельная] Укр[аинская] С[оциалистическая] Р[еспублика], в тесной федерации с РСФСР... п. 2 на Политбюро ЦК РКП(б) 21.XI. 19 “принять с указанием, что до созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI.19 г. и что в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России”»⁸⁴.

Желание большевиков добиться «полного слияния» Украины с Россией было крайне велико. Между тем они вынуж-

ждены были корректировать свои планы в связи с обострением внешнеполитической ситуации. Столкновения между польскими и советскими войсками, начавшиеся еще в ноябре 1918 г., вспыхивали на протяжении всего следующего года. Осенью – зимой 1919 г. длительные переговоры между Польшей и УНР стали приносить плоды. Однако польская военная помощь Петлюре была оказана только в следующем году. Осторожная позиция Пилсудского объяснялась наступлением на Москву А.И. Деникина. В этой ситуации вмешательство Польши благоприятствовало Деникину, что было крайне невыгодно полякам: Деникин не желал признавать независимость Польши и представлял еще большую опасность, чем большевики. В то же время Польша не ответила и на предложение Совнаркома РСФСР 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры.

Позиция Польши, очевидно, оказала влияние на большевиков, изменивших свой подход относительно Украины. Кроме того, к лету 1919 г. стало очевидным недовольство украинского крестьянства (равно как и российского) большевистской аграрной политикой – экспедициями продотрядов за хлебом; «дикими» реквизициями, проводимыми Красной Армией в условиях отсутствия снабжения из центра, введенной 12 апреля продразверсткой на урожай предыдущих лет. По данным А. Грациози, украинские крестьяне стали встречать продотряды криком «бей жидов и москалей!»⁸⁵

Недовольное крестьянство и сепаратистские устремления украинских политиков вкупе с внешнеполитическими расчетами Польши обостряли ситуацию до крайности. Сочетание этих нескольких факторов представляло собой большую опасность. Пользуясь тем, что Деникин на Украине с его программой возрождения великой империи и реставрации помещичьей власти не оставил о себе доброй памяти, центральное большевистское руководство в Москве призвало с особым вниманием относиться к национальным чувствам украинцев. На уже упоминавшемся заседании Политбюро 21 ноября 1919 г. Ленин, хотя и не оставивший надежд на будущее слияние УССР и РСФСР, уже призывал

к величайшей осторожности «в отношении к националистским традициям» и необходимости «строжайшего соблюдения равенства украинского языка и культуры»⁸⁶.

Однако это отнюдь не было призывом создать благоприятные условия для деятельности украинской интеллигенции. По мнению Ленина, следовало особенно внимательно наблюдать за «учительской спилкой», кооперативами и «тому подобными мелкобуржуазными организациями» на Украине. Их надлежало взять «под особый надзор» и принять «особые меры для разложения». С этой целью необходимо было провести подготовку «особого кадра работников для Украины»⁸⁷.

Любопытно, что важность установления контактов с украинской интеллигенцией и привлечения ее на свою сторону Ленин отметил еще в апреле 1918 г., во время встречи с украинскими большевиками по поводу образования КП(б)У. По словам А.И. Буценко, присутствовавшего на этой встрече, «при выходе из зала, прощаясь с нами, Владимир Ильич несколькими словами обратил внимание В.П. Затонского, чтобы больше было бы уделено внимания украинской интеллигенции. Она должна стать приверженцем советской власти»⁸⁸.

Мысль об обязательном изучении украинского языка всеми должностными лицами была развита в «Резолюции ЦК РКП(б) о советской власти на Украине» от 2 декабря 1919 г.: «Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России». Украинский язык надлежало превратить «в орудие коммунистического просвещения трудовых масс», для чего прежде всего необходимо было обеспечить советские учреждения достаточным количеством служащих, владеющих украинским языком⁸⁹.

Однако крестьянское недовольство и нестабильная ситуация на Украине становилась крайне опасной не сама по се-

бе, а в связи с активизацией антироссийских устремлений Польши. Потерпев неудачу в переговорах с поляками, которые не пошли на заключение мира с РСФСР, и видя огромный интерес Польши к западным окраинам бывшей Российской империи, большевистское руководство в Москве решило обезопасить себя и прекратило попытки развернуть пропаганду слияния двух советских республик.

28 декабря 1919 г. Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». Лидер большевиков провозгласил, что только украинские рабочие и крестьяне «на своем Всеукраинском съезде Советов» могут решить вопрос о судьбе Украины. Ленин объявил о готовности большевиков пойти на уступки в столь важном вопросе: «...мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»⁹⁰.

О том, насколько серьезно большевистский лидер интересовался положением на Украине, свидетельствует относящаяся к этому же времени записка Ленина в Политбюро ЦК РКП(б): «Надо установить немедленно практическую, краткую, но существенную форму отчетов (2 раза в месяц) каждого работника партии с Украины... За неприсылку отчетов арестовывать. Иначе прозеваем Украину»⁹¹. В телеграмме Сталину от 22 февраля 1920 г. Ленин настаивал на необходимости «немедленно завести переводчиков во всех штабах и военных учреждениях, обязав безусловно всех принимать заявления и бумаги на украинском языке». Ленин подчеркивал, что это «безусловно необходимо» — «на счет языка все уступки и максимум равноправия»⁹².

В сложившейся ситуации такая политика была логичной. Внешнеполитическая ситуация продолжала оставаться весьма напряженной. Все реальнее становилась угроза военного столкновения между Советской Россией и Польшей, а это крайне обостряло украинский вопрос. Польша рассчитывала создать барьер между собой и Россией из независимой

Украины, надеясь также на то, что украинское государство окажется в польской сфере влияния. Как подчеркивает И.В. Михутина, об этом ясно говорилось в одном из секретных информационно-политических документов, подготовленном в марте 1920 г. по указанию Пилсудского для командного состава Волынского фронта. Там, в частности, были такие слова: «В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину»⁹³.

После поражения Деникина Варшава начала готовиться к решительной схватке. 21 апреля 1920 г. переговорный процесс между УНР и польским правительством завершился подписанием Варшавского договора. Был подписан секретный протокол с Петлюрой о разделе Украины: Польша признавала его главой независимой Украины, Петлюра отдавал Польше Галицию. В апреле 1920 г. началась советско-польская война. Польские войска перешли в наступление и в мае захватили Киев, пройдя парадом по Крещатику. Однако захват Киева вызвал небывалый патриотический подъем в Советской России. Красная Армия перешла в наступление и в июле 1920 г. разгромила польскую группировку на Украине и в Белоруссии. Большевики продолжили наступление, желая превратить войну оборонительную в войну наступательную и революционную.

Началось наступление на Варшаву, конечной целью был Берлин. Как вспоминал В.М. Молотов, «Ленин поставил целью использовать навязанную Пилсудским войну с Польшей, чтобы пройти войсками и «прощупать штыком», не готова ли Германия к началу пролетарской революции»⁹⁴. Но расчеты большевиков не оправдались. Поляки в массе своей восприняли Красную Армию не как освободительную и революционную, а как захватническую. Произошло известное «чудо на Висле», Красная Армия была отброшена от Варшавы, тысячи красноармейцев попали в плен. Советско-польскую войну завершил мирный договор, подписанный в

Риге в марте 1921 г., по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии.

Однако утративший формально силу польско-украинский военно-политический союз продолжал функционировать еще не менее года. После подписания Рижского мирного договора при содействии польских спецслужб из интернированных украинцев были созданы отряды. Их готовили к вторжению в Румынию и на Украину, чтобы поднять там восстание. Это и произошло в октябре – ноябре 1921 г. Хотя первоначальные планы польских спецслужб потерпели неудачу, лагеря для интернированных военнослужащих УНР просуществовали в Польше до 1924 г.⁹⁵ По данным польских государственных регистрационных органов, общая численность украинской эмиграции в конце 1920 г. составляла 43 тыс. человек⁹⁶. При этом в Польше нашли пристанище и многие украинские политики.

Поворот к украинизации на фоне мировой революции

УКРАИНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ и польские спецслужбы внимательно следили за ситуацией на Советской Украине. Большевики учитывали это обстоятельство и в свою очередь стремились продемонстрировать образцовое решение национального вопроса в УССР. Было издано множество постановлений и декретов о равноправии украинского и русского языков. 21 февраля 1920 г. Всеукраинский ЦИК постановил: «На всей территории Украинской ССР, во всех гражданских и военных учреждениях должен применяться украинский язык наравне с великорусским. Никакое преимущество великорусскому языку недопустимо. Все учреждения, как гражданские, так и военные, обязаны принимать заявления и другие дела как на великорусском, так и на украинском языках и за отказ или уклонение в приеме виновные будут привлекаться по всей строгости военнореволюционных законов»⁹⁷.

21 сентября 1920 г. Совет народных комиссаров УССР принял постановление о введении украинского языка в школах и советских учреждениях. Оно предусматривало обязательное изучение украинского языка во всех «учебно-воспитательных учреждениях с украинским языком преподавания» и особо настаивало на «изучении украинского языка во всех... учреждениях по подготовке работников просвещения». Государственному издательству вменялось в обязанность «озаботиться изданием... достаточного количества учебных пособий на украинском языке, равно как художественной литературы и всех прочих изданий», популярной и пропагандистской литературы. Исполкомы в обязательном порядке должны были издавать в каждом губернском городе «не менее одной украинской газеты». Во всех губернских и уездных городах должны были создаваться вечерние школы для обучения украинскому языку советских служащих⁹⁸.

Таким образом, в 1919–1920 гг. в декретах и постановлениях высших украинских органов власти были обозначены основные направления политики большевиков в отношении украинского языка и культуры: введение обучения на украинском языке, выпуск печатных изданий, обучение государственных служащих украинскому языку и т. п. Однако все это еще не означало, что все изданные распоряжения были реализованы на практике.

Пока не была официально провозглашена УССР, претворять в жизнь постановления о развитии украинского языка должен был Народный комиссариат по делам национальностей, при котором в мае 1918 г. был создан украинский отдел (позже – украинское представительство). В задачи этого отдела входила организация «украинского общественного мнения в пользу Российской Советской Федеративной Республики»⁹⁹. Отдел должен был вести строгий контроль над приезжающими на Украину и выезжающими из нее, «ибо много вредного элемента с определенной целью являются за пропусками».

Культурно-просветительная и агитационная работа должна была проводиться как в «московской колонии укра-

инцев и украинских красноармейцев», так и между «военнопленными галичанами», а также «между приходящим элементом», «который часто очень мало знакомый с задачами Советской власти». Предусматривалась и «посылка агитаторов на места». В отдельный пункт была вынесена задача ликвидации «всех контрреволюционных организаций»¹⁰⁰.

Идеологическая направленность большевистской национальной политики была очевидна. Основное внимание большевики уделяли борьбе с «буржуазным влиянием» среди «масс трудового народа». Так, в начале мая 1918 г. руководители Наркомнаца одной из основных задач комиссариата считали борьбу с «контрреволюцией во всех ее национальных проявлениях». «Так как Советы и центральные учреждения Советской власти часто плохо разбираются в физиономии различных национальных обществ, учреждений и кругов, то Народный комиссариат по делам национальностей является тем органом, который в этом отношении должен оказывать Советской власти существенную помощь»¹⁰¹, – указывалось в одном из писем Наркомнаца, адресованном во ВЦИК. «Идеологически вредными» считались все неподконтрольные большевикам общественные организации с национальной окраской. К последним относились и украинские «Просвиты».

Когда стало очевидно, что Украина не войдет в качестве составной части в РСФСР, главной задачей украинского представительства при Наркомнаце стала работа среди украинцев, «живущих в качестве национального меньшинства вне пределов Украины на территории РСФСР»¹⁰². На местах предполагалось развернуть широкую сеть местных подразделов украинского отдела Наркомнаца. Такие подразделения в разные периоды существовали в Ярославле, Тамбове, Калуге, Брянске, Орше, Курске, Петрограде, Самаре, Воронеже¹⁰³. Борьба за политическое влияние была крайне жесткой. Представители Наркомнаца тесно сотрудничали как с местными исполкомами, так и с местными отделениями Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и органами Военного управления. Таким образом действовал,

например, Украинский Воронежский отдел, руководитель которого, некий тов. Москаленко, отмечал: «20-го октября с. г. [1918 г. – Е. Б.] указанный отдел начал функционировать... Контрреволюционерам и буржуазии были сразу закрыты до сего времени открытые ворота. Многие контрреволюционеры принимали меня за Украинского Консула, почему не стесняясь приходили за пропусками и служащие советской Красной Армии, бывшие офицеры, желающие поступить в ряды Красновской Армии, а также в ряды Армии пана Скоропадского. Подобные лица мною арестовывались».

Репрессии проводились не только в отношении отдельных лиц, но и целых организаций. В том же Воронеже 27 октября 1918 г. была закрыта Украинская Воронежская Громада, «поводом к закрытию этой громады послужило контрреволюционное направление этой организации». «При обыске обнаружено много литературы правых эс-еров, а также портреты профессора Грушевского и других врагов Советской власти». Разрушительную работу вести было легче, нежели созидательную. Так, библиотеку и читальню открыть удалось, но попытка открыть школу для «младшего возраста беженцев и эвакуированных украинцев» потерпела поражение: желающих обучаться на украинском языке попросту не оказалось¹⁰⁴.

Организация местных украинских отделов на территории РСФСР не всегда проходила успешно, и украинское представительство Наркомнаца вынуждено было признать в качестве «печального факта», что «в широких кругах русского общества, не исключая даже ответственных советских и партийных работников, до сих пор еще существует полное непонимание значения всестороннего развития украинской национальной культуры как основы строительства социалистического общества среди украинского народа». На деле это нередко приводило – «сознательно или бессознательно» – к печальным последствиям: «...по отношению к лицам украинского происхождения и даже к целым украинским организациям принимаются меры в лучшем случае тормозящие их деятельность, а в худшем – прямо... идущие

вразрез с постановлением руководящих правительственных и партийных органов РСФСР»¹⁰⁵.

Эту характеристику вполне можно распространить и на советско-партийный аппарат УССР, русскоязычный по своему составу. Несмотря на обилие постановлений о развитии украинского языка и культуры, в УССР в 1922 г. украинских школ было лишь 50% от всего наличного состава; подавляющее большинство высших и средних специальных учебных заведений было русскоязычным (на украинский язык перешли в 1923 г. лишь 17,1% институтов, 16,3% техникумов и 1,9% профшкол); в 1920–1921 гг. выходило 7–10 украинских газет¹⁰⁶.

Сложившуюся ситуацию объясняет один из рабочих документов украинского Совнаркома – справка, подготовленная в 1924 г. заместителем главы украинского Наркомпроса Я. Ряппо для В.Я. Чубаря, возглавлявшего на тот момент Совет народных комиссаров УССР. В этом документе подводился итог усилиям партии в области украинизации. Основные трудности с украинизацией возникали в городах, где население в своем большинстве говорило на русском языке, тем более что за годы Гражданской войны и интервенции здесь проводилась украинизация то «по-гетмански, то по-петлюровски»; были и периоды русификации «по-царски, по-деникински». «Менялись вывески и формы, но содержание оставалось за указанные годы старым – либо русско-черносотенным, либо петлюровским», – говорится в документе¹⁰⁷.

Без сомнения, трудности украинизации начала 1920-х гг. были связаны и с субъективными настроениями многих большевиков на Украине, для которых украинский язык нередко ассоциировался с М.С. Грушевским, П.П. Скоропадским и другими «буржуазными деятелями». Неудивительно, что Я. Ряппо делает следующий вывод: «Наряду с введением украинского языка, необходимо сохранить в качестве обязательного предмета преподавания во всех учебных воспитательных и культурно-просветительных учреждениях русский язык, имеющий государственное и общесоюзное

значение в приобщении к культуре Союза Социальных [так в тексте. – Е. Б.] Советских Республик»¹⁰⁸.

Очевидно, что в политике большевиков слово расходилось с делом, а требования центрального партийного руководства зачастую не соответствовали настроениям рядовых членов партии, тем более что численность украинцев в КП(б)У была невелика и к 1922 г. составляла лишь 23%.

Несмотря на трудности с воплощением в жизнь своих планов, большевики не намерены были отступать. Более того, в начале 1920-х гг. в статьях и речах высших партийных деятелей отчетливо стали проявляться те основные направления национальной политики, которые в 1923 г. составят основу коренизации.

В октябре 1920 г. в статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России» И.В. Сталин отмечал необходимость «взаимной поддержки центральной России и ее окраин», ибо без этого «невозможна победа революции, невозможно освобождение России от когтей империализма». Экономическая взаимозависимость РСФСР и национальных республик была особенно острой: «Центральная Россия, этот очаг мировой революции, не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия. Окраины России, в свою очередь, обречены на неминуемую империалистскую кабалу без политической, военной, организационной помощи более развитой центральной России». Между тем, «чтобы упорочить этот союз, нужно прежде всего ликвидировать ту отчужденность и замкнутость окраин, ту патриархальность и некультурность, то недоверие к центру, которые остались на окраинах как наследие зверской политики царизма».

Чтобы советская власть стала родной для «народных масс окраин России», Сталин предлагал «поставить школу, суд, администрацию, органы власти на родном языке»¹⁰⁹. Таким образом, уже в 1920 г. прозвучали слова о ликвидации недоверия к центру, которые тремя годами позже Сталин разовьет в тезис о полном взаимном доверии между русским пролетариатом и крестьянством иных национально-

стей. В сталинской речи на XII съезде партии в апреле 1923 г. не был новшеством и тезис о двоякой опасности – со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма. Требование развить «богатую сеть курсов и школ на окраинах по всем отраслям управления для создания инструкторских кадров из местных людей»¹¹⁰ также станет составной частью сталинского плана коренизации.

Обозначенные в 1920 г. направления национальной политики не были временным лозунгом или краткосрочным политическим расчетом. Мысль о необходимости развития национального языка, культуры, школы, введения делопроизводства на родном языке и т. п. была взята на вооружение и должна была непосредственно проводиться в жизнь аппаратом Наркомнаца. Так, Л.Б. Каменев, приветствуя от имени партии участников первого Всероссийского совещания представителей автономных республик и областей и губернских отделов по делам национальностей, которое проходило в Москве 18–21 декабря 1920 г., также особо отметил необходимость сохранения единства центра и окраин в интересах мировой революции: «...Мы в течение этой войны сами научились, поняли это, как урок стратегический: необходимое единство центра и окраин как для спасения центра, так и для спасения окраин».

Этот тезис стал краеугольным камнем национальной политики, именно из этого обстоятельства исходили большевики, призывая с осторожностью подходить к национальным чувствам нерусских народов. «Мы здесь, в Москве, поняли, что мы не можем жить и строить коммунистическое общество, не имея точного и определенного отношения с теми народами, которые живут и расположены вокруг Донецкого бассейна, или вокруг бакинской нефти, или вокруг сибирского хлеба, или вокруг степных пространств, на которых пасется скот»¹¹¹. Отмечая тот факт, что народы, населяющие территорию бывшей Российской империи, находятся на разных ступенях общественного развития, Каменев в качестве основной причины этого явления по традиции сослался на эксплуататорскую политику царского правительства.

«...Нам необходимо не забывать того, что эти угнетенные нации склонны не доверять тем, кто был еще недавно частью той машины, которая их угнетала, и что мы, как коммунисты, как Советская власть, должны завоевывать это доверие»¹¹², – эти слова Каменева, произнесенные в 1920 г., отражали желание большевиков завоевать доверие представителей различных национальностей за счет уничтожения пресловутых привилегий русского народа в царское время. Та же мысль прозвучит и на XII съезде партии в 1923 г., когда будет широко пропагандироваться опасность «великорусского шовинизма».

Как и Сталин, Каменев понимал необходимость создания опоры на местах путем воспитания национальных партийных кадров: «Без школы и администрации на родном языке, без управления людьми, которые знают местную обстановку и местное население, – без этого пробудить широкие массы, которые иногда тысячелетиями держались в рабстве, нам никогда не удастся, а мы с вами только что решили, что стоять один на один против мирового империализма, не имея резервов в миллионных хозяйствах, расположенных на окраинах, мы борьбы с империализмом не выдержим. Нам нужны эти резервы. Мы знаем, что нельзя эти резервы мобилизовать приказом. Они должны расти снизу, т. е. расти на основе собственного культурного развития, пользуясь собственным языком, собственным судом, пользуясь теми коммунистами, которые вышли из его собственной среды»¹¹³. Подобные рассуждения звучали и на XII съезде партии, во время обсуждения политики партии в области национального вопроса.

Уже в 1920 г. пропагандировалось мировое значение решения национального вопроса революционной Россией. Каменев говорил: «Наше решение национального вопроса стало центром притяжения громаднейших масс индийцев, китайцев и других народов, с которыми раньше никто не считался, они были слишком бедны и слишком отсталы, у них не было вождя. Этот вождь есть теперь в лице Советской России, и, конечно, степень доверия к нам со стороны этих

многомиллионных масс... будет зависеть от того, как мы решим у себя национальный вопрос»¹⁴.

Следующим этапом в развитии национальной политики был X съезд партии в марте 1921 г., где с докладом по национальному вопросу выступил Сталин. В тезисах к X съезду в качестве одной из задач РКП(б) он указывал на необходимость: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке». Данное положение, наряду с указанием на опасность «искажений политики партии в национальном вопросе» как в сторону «великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма», так и в сторону «буржуазно-демократического национализма»¹⁵, было одним из главных принципов курса РКП(б) в национальном вопросе и в дальнейшем составило основу для политики коренизации партийного и советского аппарата в национальных республиках.

Большевики стремились к тому, чтобы их подход к решению национального вопроса на Украине занял главенствующее положение. Между тем украинские национал-коммунистические партии могли составить в этой области опасную конкуренцию КП(б)У. Украинские большевики это понимали и шли на сотрудничество с другими партиями с величайшей осторожностью. В июле 1918 г. I съезд КП(б)У допустил сотрудничество партии лишь с «низами» левых украинских эсеров, провозгласив беспощадную войну всем другим партиям. II съезд в октябре того же года выступил и против сотрудничества с левыми эсерами, а III съезд в марте 1919 г. отказался разделить полномочия власти с борьбистами. Украинский исследователь О.Б. Бриндак считает, что только указание свыше – от РКП(б) – на опасность такого поведения украинских большевиков позволило бороть-

бистам возглавить 3 наркомата из 16 и получить несколько мест заместителей наркомов¹¹⁶.

Однако среди украинских большевиков были и сторонники более тесного сотрудничества с украинскими эсерами и социал-демократами. На совещании представителей партийных организаций Правобережной Украины в Гомеле 25 ноября 1919 г. группа так называемых федералистов выступила за объединение с левыми фракциями украинских социал-демократов и социалистов-революционеров и за создание отдельной от РКП(б) Украинской коммунистической партии¹¹⁷.

Большевики старались постоянно держать своих «друзей-противников» под контролем. Бриндак подробно рассказывает, как осуществлялся такой контроль. Ряды боротьбистов, укапистов, борбистов опустошались, с одной стороны, партийные мобилизации на фронт. В то же время на Украине была установлена ограничительная система выборов (25 тысяч жителей городов приравнивались к 125 тысячам крестьян) и контроль за прессой с помощью цензуры. Кроме того, финансирование национал-коммунистических партий было всегда невелико по сравнению с большевиками. Мирному сотрудничеству украинских большевиков с укапистами и боротьбистами отнюдь не способствовали и специальные циркуляры ЦК РКП(б) о борьбе с антисоветскими партиями, которые рассылались в губернские партийные организации¹¹⁸.

В конце концов, угрожая разрывом блока, ЦК КП(б)У добился самороспуска национал-коммунистических партий и включения их членов в КП(б)У на индивидуальной основе. Боротьбисты объявили о самороспуске в марте 1920 г., борбисты – в мае 1920 г. Дольше всего держались укаписты – до 1925 г.¹¹⁹ На 1 января 1926 г. в КП(б)У состояло 5100 выходцев из других партий, что составляло 3,4% от общего количества ее членов¹²⁰. Однако и в дальнейшем бывшие боротьбисты и укаписты оказывались первыми кандидатами на исключение из партийных рядов при проведении «чисток», и к 1938 г. в КП(б)У не осталось ни одного из них¹²¹.

Таким образом большевики обеспечили себе свободу политического маневра, в том числе в области национальной политики. Новая власть стремилась сохранить единство страны путем образования национальных советских республик. Усиление национального самосознания на Украине, деятельность национальных правительств, опиравшихся на заинтересованность в существовании независимой Украины со стороны Германии и других европейских стран, требовали воплощения в жизнь провозглашенных еще до революции лозунгов о самоопределении и свободном развитии национальной культуры. В этих целях партийное руководство всячески подчеркивало как единство интересов советских республик, так и необходимость бороться с «великорусским шовинизмом».

Вопреки мнению многих партийных и советских деятелей, ожидавших скорого осуществления мировой революции, центральное руководство настаивало на необходимости изучения национального языка служащими, на необходимости развития системы образования и средств массовой информации на национальном языке. Между тем множество насущных проблем – как экономических, так и внутриполитических – оттеснило на второй план вопрос о национальном языке и культуре вплоть до того момента, когда он стал актуальным в связи со сложным процессом образования Союза ССР.

КОРЕНИЗАЦИЯ НАСТУПАЕТ: ОБРАЗОВАНИЕ СССР, XII СЪЕЗД РКП(б) И СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ

Автономия, федерализм и национал-коммунизм

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ Гражданской войны встал вопрос об оформлении отношений РСФСР с образовавшимися советскими республиками. Как известно, в 1920–1921 гг. были заключены двусторонние договоры с Азербайджаном, Украиной, Белоруссией, Дальневосточной, Хорезмской и Бухарской республиками. В 1922 г. была образована Закавказская Федерация (Грузия, Армения, Азербайджан), также заключившая союз с РСФСР. Договоры предусматривали оборонительный и хозяйственный союз. В период подготовки к Генуэзской конференции был заключен и союз дипломатический. Однако стала очевидной необходимость официально оформить тесные взаимоотношения между советскими республиками. В августе 1922 г. центральное руководство приступило к окончательному оформлению союзного государства. Специальную комиссию Оргбюро ЦК РКП(б) возглавил Сталин.

Ставший к тому моменту генеральным секретарем партии, изучивший работу и настроения периферийных партийных организаций, Сталин подчеркивал необходимость немедленно изменить существующий порядок отношений «между центром и окраинами». Об этом говорится в его письме

Ленину от 22 сентября 1922 г. Причиной такой спешки было не столько удобство администрирования, сколько партийно-политические соображения. Сталин указывал на существование среди коммунистов большого числа «социал-независимцев», упорно признававших «слова о независимости за чистую монету» и недовольных централизаторской политикой ЦК партии, он объяснял их появление необходимостью «демонстрировать» в период Гражданской войны «либерализм Москвы в национальном вопросе»¹²².

Сталин настаивал на форсированных сроках образования СССР, указывая, что «через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик». Хотя единая партийная система казалась большевикам мощной объединительной силой, Сталин, по-видимому, опасался раскола партии на национальной почве, тем более что в официальных документах по отношению к советским республикам постоянно фигурировали определения «независимый» и «суверенный». Это давало республиканским руководителям основания требовать выполнения декларируемых принципов¹²³.

Действительно, в 1921–1922 гг., в период обсуждения вопроса о характере суверенности республик и принципе строительства СССР, среди украинских коммунистов было немало сторонников широких прав союзных республик в СССР. Л.М. Каганович вспоминал, что «на Украине национал-коммунисты из «боротьбистов» в содружестве с троцкистами... усиленно популяризировали идею «конфедерации» с сугубо урезанными правами: все, например, постановления правительства «конфедерации» должны подтверждаться правительствами республик; «конфедерации», как правило, не должны иметь своей армии, единого гражданства... своих законодательных органов и т. д.»¹²⁴. Самым известным из таких сторонников суверенитета был председатель Совнаркома (1919–1923) и нарком иностранных дел Украины Х.Г. Раковский. И хотя речь тут не шла о самостоятельном внешнеполитическом курсе, попытка установления самостоятельных международных связей была налицо. Центр

же не считал правильной концепцию признания национальных и государственных прав советских республик в качестве субъектов международного правоотношения¹²⁵.

Другой яркой фигурой, активным участником дискуссий того времени был член ЦК КП(б)У нарком внутренних дел УССР (1921), нарком юстиции и генеральный прокурор УССР (1922–1927) Н.А. Скрыпник, которого нередко считают символом украинского национал-коммунизма. Подобные настроения вызывали серьезную озабоченность центра. Так, летом 1922 г. Ленин в своей записке Сталину по поводу высылки из России «меньшевиков, н.-с.-ов, кадетов и т. п.» писал: «...Харьков обшарить, мы его не знаем, это для нас “заграница”»¹²⁶.

Однако в полной мере осуществить свои планы Сталину не удалось. Хотя 24 сентября 1922 г. комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) приняла резолюцию о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками, где говорилось о формальном вступлении советских республик в состав РСФСР, через несколько дней (предположительно 26 сентября 1922 г.) по настоянию Ленина в резолюцию были внесены уточнения. Теперь речь шла уже об их объединении в СССР «с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава союза».

Настаивая на подобной корректировке, В.И. Ленин руководствовался идеей мировой революции. В первые годы после завоевания власти большевики много говорили о «прямом штурме» бастионов капитализма. По воспоминаниям А.А. Андреева, тогдашнего секретаря ВЦСПС, «Владимир Ильич любил иногда до начала заседания Центрального Комитета в кругу собравшихся членов ЦК вслух помечтать с большой уверенностью и надеждой о направлении исторического развития и конечной победе социалистической революции». Ленин подходил с карандашом в руке к карте мира и, указывая на колониальные страны, говорил: «Вот где заключена величайшая сила социализма – в его решающей борьбе с капитализмом; здесь будет нанесено еще одно смертельное поражение империализму»¹²⁷.

Ленин видел в замыслах Сталина препятствие на пути объединения пролетариев всех стран в единую семью. С наступлением мировой революции федеральное устройство государства сделает возможным присоединение к этому союзу новых республик¹²⁸. Большевики всерьез рассчитывали на скорую революцию в Германии. Но вступить она смогла бы лишь в союз советских республик Европы и Азии, а отнюдь не в РСФСР.

Ленинский проект «федерализации» одержал победу, однако влияние Сталина на процесс государственного строительства в национальной области было неизменным и весьма значительным. Как и предлагал генсек, самостоятельный статус остался лишь за некоторыми наркоматами (юстиции, внутренних дел, земледелия, просвещения, охраны здоровья и соцобеспечения). Без сомнения, Сталин не оставил попыток претворить в жизнь свою идею о замене «фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, вудел, земледелия и прочее», пытаясь таким образом возместить ограничение самостоятельности «независимых республик».

В данном случае Сталин действовал как практический политик, он ставил во главу угла удобство администрирования и прочность создаваемого образования. Взгляды же Ленина выражали широко распространенную в этот период веру в грядущую – причем в ближайшее время – мировую революцию. Действительно, революции в Германии в ноябре 1918 г., в Венгрии в марте 1919 г. давали, казалось бы, все основания так думать. Правда, поведение польских рабочих и крестьян в 1920 г. не укладывалось в готовую схему, но к 1923 г. в Германии интенсивно готовилась новая революция.

В данной ситуации становится понятным не только принцип создания СССР, но и лозунги большевистской национальной политики, призванные революционизировать пролетарские массы соседних (и не только соседних) государств. Сталин в своих работах подчеркивал значение внешнеполитического аспекта. Если в 1921 г. отмечалось лишь «коренное улучшение отношений Турции, Персии,

Афганистана, Индии и прочих восточных окраин к России», то двумя годами позже речь шла о необходимости «расшевелить, революционизировать» «восточные колониальные и полуколониальные страны», видящие в СССР «знамя освобождения»¹²⁹.

Сталин как главный инициатор коренизации

ДУМАЕТСЯ, ЧТО провозглашенную на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. политику коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках (на местах она именовалась украинизацией, белорусизацией и т. п.) следует рассматривать именно как следствие двух факторов. С одной стороны, это внешняя политика: угроза со стороны Польши еще далеко не была устранена, и контакты польских спецслужб с украинской военной эмиграцией вызывали серьезную озабоченность в Москве. С другой стороны, в интересах развития мировой революции стоило продемонстрировать чуткое и эффективное решение национального вопроса в СССР.

В своей политике коренизации Сталин исходил из собственных теоретических построений о нации. В соответствии с ее признаками (общность языка, общность территории, общность экономической жизни, общность психического склада, проявляющаяся в общности специфических особенностей национальной культуры¹³⁰) были разработаны и основные направления коренизации.

Один из признаков сталинского определения нации – это общность территории. На XII съезде вопрос о территории национальных республик не обсуждался, однако вскоре было произведено и национально-территориальное размежевание в Средней Азии, и урегулирование вопросов об украинско-российской и украинско-белорусской границах (об этом будет сказано ниже). На съезде Сталин обратил внимание на фактическое экономическое неравенство союзных

республик, он особо настаивал на том, чтобы в этих республиках «были устроены очаги промышленности», приводя конкретные примеры¹³¹. Кстати, еще в 1921 г. на X съезде партии Сталин подчеркнул, что «если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»¹³².

На XII съезде говорилось и о проблеме языка и культуры. Так, Сталин предлагал «принять все меры к тому, чтобы советская власть в республиках стала понятной и родной... чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс»¹³³.

Новым было предложение создать такую «конструкцию комиссариатов в Союзе Республик», которая позволяла бы «безусловно удовлетворять» нужды и потребности отдельных республик. С этой же целью в составе Союзного ЦИКа учреждались две палаты: «первая выбиралась бы на союзном съезде советов, независимо от национальностей, а вторая палата выбиралась бы республиками и областями»¹³⁴.

Между тем представители республик прекрасно понимали подоплеку происходящих событий. Предлагаемая Сталиным коренизация практически не обсуждалась. Однако обстановка на съезде вокруг национального вопроса свидетельствовала о том, что дискуссии о характере только что созданного СССР далеко еще не закончились.

Так, Раковский еще в период подготовки к XII съезду предлагал свой вариант тезисов по национальному вопросу. Раковский писал: «Подчеркивая необходимость... централизма... в настоящее время... – Коммунистическая партия еще раз подчеркивает, что пролетарский централизм не исключает и признания равноправия национальностей Советского Союза в пользовании материальными благами.

Коммунистическая партия всегда утверждала, что централизм должен быть демократическим, даже когда идет речь о национально-однородном государстве, и что только широкая областная и местная автономия, хозяйственная

и административная, при соблюдении единого руководства и общего планового хозяйства, является единственно совместимой с интересами пролетариата и с интересами хозяйственного развития страны»¹³⁵.

Предложения Раковского не были приняты, однако он не переставал надеяться на успех. На съезде Раковский говорил о «смычке революционного российского пролетариата с 60 миллионами крестьян-инородцев», предлагая «идти по пути практического разрешения вопроса» и критикуя предложение Сталина о создании двухпалатного ЦИК СССР: «...в так называемой второй палате все национальности... будут участвовать с одинаковым числом голосов. Таким образом, каждая из 15 автономных республик и областей РСФСР будут иметь по 4 голоса... получается, что фактически РСФСР будет иметь 64 или 70 голосов, Украина будет иметь 4 голоса, Белоруссия будет иметь 4 голоса... Мы были бы довольны, если бы РСФСР удовлетворилась бы в этой палате голосами не более двух пятых, и пусть она эти две пятых голосов распределит между различными республиками...»¹³⁶. Раковский требовал «отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам». Прозвучала также явная критика в адрес только что созданного Союза: «Что получилось после создания Союза Республик? Союз – это было понято как сигнал обрушиться всей своей тяжестью на отдельные Республики, задушить их, расформировать их»¹³⁷. Раковский был недоволен действиями центральных комиссариатов, особое негодование вызывало то обстоятельство, что после образования СССР союзные функции временно были предоставлены комиссариатам РСФСР. «Я спрашиваю, кто кем руководит, – Центральный ли Комитет руководит советскими органами или советские органы под влиянием своих внутренних передаточных ремней руководят ЦК», – восклицал Раковский в полемическом задоре¹³⁸. Однако позже он решил вычеркнуть это свое последнее высказывание из стенографического отчета съезда, здраво рассудив, что оно может быть использовано против него, однако остался при

твердом убеждении в том, что «союзное строительство было несвоевременно и в корне ошибочно»¹³⁹.

Не менее эмоциональным было выступление на съезде Скрыпника. Последний обратил внимание на то обстоятельство, что партийные решения по национальному вопросу остаются лишь на бумаге: «Почему мы практически национальный вопрос не разрешаем. Дело в том, что мы балансируем в области национального вопроса... Возникает великодержавный шовинизм, он компенсируется другим, и всегда получается двойная бухгалтерия. Особенно это было заметно у нас на Украине – это борьба с великодержавным национализмом [так в тексте. – Е. Б.]... Не является ли это противопоставление двух национализмов поводом для того, чтобы многие и многие на практике свою бездеятельность в области национального вопроса оправдали?»¹⁴⁰ Скрыпник подчеркивает живучесть великодержавных предрассудков, он пытается переключить внимание на необходимость борьбы с «великодержавным шовинизмом».

Таким образом, выступления на XII съезде РКП(б) отражают основные настроения украинской парторганизации. Раковский и Скрыпник стояли за подлинную независимость союзных республик, указывая на их национальные права, Г.Ф. Гринько считал национальный вопрос пройденным этапом. Но все были совершенно убеждены в неправомерности централизаторских устремлений Москвы. Несмотря на подписание союзного договора, становление государственных институтов только началось, и острые дискуссии свидетельствовали о желании как центра, так и союзных республик оказать решающее влияние на этот процесс.

Стремление некоторых республиканских лидеров расширить полномочия республиканских органов власти натолкнулись на жесткую позицию центра, не желавшего «преувеличивать значение национального вопроса». «Кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и поэтому последнему праву подчинено право на самоопределение»¹⁴¹, – подчеркивал Сталин. А.П. Ненароков совершенно справедливо

отмечает, что для большинства оппонентов Сталина по национальному вопросу на XII съезде главным элементом независимости было «четкое разграничение сфер ведения Союза и местного самоуправления на всех уровнях», обеспечивающее «возможность самостоятельного определения основ экономического и культурного развития при эффективном ограничении централизма»¹⁴².

Действительно, в острых дискуссиях речь шла в основном о правах республик и центра, тогда как лозунг коренизации партии отходил на второй план. Необходимость коренизации не вызывала сомнений, однако на ее характер существенное влияние должны были оказать взаимоотношения республик и центра, не до конца выясненные на XII съезде партии.

Украинизация на старте

КРИТИКА НА СЪЕЗДЕ сталинского плана разрешения национального вопроса не осталась без последствий: Х.Г. Раковский и Б. Мдивани были отправлены на дипломатическую работу, а против другого оппонента генерального секретаря – видного татарского политического деятеля М.Х. Султан-Галиева – было выдвинуто целое «дело». Султан-Галиев резко критиковал план «автономизации» и в период подготовки к образованию СССР, и на XII съезде партии, считая ошибочным разделение «советских республик на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права»¹⁴³. Эти высказывания были расценены Сталиным как подрыв революционного объединительного движения, и за Султан-Галиевым было установлено специальное наблюдение. 4 мая 1923 г. Султан-Галиев был снят со всех постов, исключен из партии, а «дело» передано в ГПУ. Обвинения были достаточно серьезными, в частности, ему инкриминировалась связь с басмачами.

«Дело» Султан-Галиева появилось неспроста: конфликты между центральными и республиканскими органами уп-

равления, о которых не раз говорили участники XII съезда, становились все более острыми. В этих спорах участвовали и Политбюро ЦК РКП(б), и Оргбюро, и Секретариат. Центральное партийное руководство было этим крайне недовольно и попыталось взять реванш.

Вскоре после ареста Султан-Галиева было принято решение о созыве совещания национальных работников. Повестка дня включала два вопроса: исключение Султан-Галиева из партии и мероприятия по проведению резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. Характер совещания отражал очевидное желание Сталина «приструнить» непокорных «националов», указывая на пример Султан-Галиева.

Особое внимание было уделено Украине. Так, в речи Сталина по второму пункту повестки дня говорилось о необходимости «постепенной национализации правительственных учреждений» национальных республик и «в первую голову в такой важной республике, как Украина»¹⁴⁴. Выделение Украины из ряда других республик здесь не случайно: отношения украинского и центрального партийного руководства были в тот период далеки от идеала, Сталин же стремился подчинить эту крупную республиканскую парторганизацию своему жесткому контролю.

Намерения центрального руководства были совершенно ясны участникам совещания. В своем выступлении Скрыпник заявил, что вопрос о Султан-Галиеве «не является просто делом личным, он поставлен в плоскость партийной политики»: «Я опасаюсь, чтобы... постановка дела Султан-Галиева на настоящем совещании не привела бы к какому-нибудь сдвигу нашей линии»¹⁴⁵. Скрыпник правильно уловил намерение Сталина покончить с плюрализмом мнений по национальному вопросу, но не смог предугадать последствий: те, кто выступал в поддержку Султан-Галиева, через несколько лет оказались «врагами народа».

Раковский и Скрыпник воспользовались трибуной совещания, чтобы вновь поставить старые вопросы. Так, Раковский подробно информировал присутствовавших о ходе ук-

раинизации, приводил конкретные цифры, называл постановления и т. п. Однако в его выступлении по-прежнему звучало стремление добиться «расширения прав отдельных республик»: «Самое главное, однако, на что мы напираем в наших постановлениях, это дать республикам гораздо больше прав в финансовом хозяйстве и большую инициативу в распределении таких кредитов, каким является сельскохозяйственный кредит». Раковский предложил перевести несколько объединенных комиссариатов в состав самостоятельных, а слитных – в объединенные; сохранить два отдельных президиума в двухпалатном Союзном ЦИКе¹⁴⁶.

К вопросу о союзном строительстве обратился в своем выступлении и Скрышник: «Наш Союз Соц. Республик имеет свою суверенную волю... Это есть единое суверенное государство, выступающее как единое целое. Это вовсе не означает, что в таком союзе уничтожается воля объединяющихся в нем республик, что уничтожается суверенность объединяющихся республик. Это не так. Мы строим свое государство таким образом, что свободные объединяющиеся республики остаются внутренне независимыми...» Однако он придавал большое значение национальной форме союзной республики, во имя которой пытался «украинизировать» пролетариат УССР: «...Для того, чтобы понять украинское крестьянство, нам необходимо подойти к пролетариату и сказать: передовые отряды рабочего класса, научитесь украинскому языку для того, чтобы вести украинское крестьянство к социализму». При этом Скрышник признавал, что по данному вопросу ему пришлось «вести усиленную борьбу в партии на Украине»¹⁴⁷.

И Раковский, и Скрышник, уделяя основное внимание союзному строительству, отодвигали вопросы украинизации на второй план, что указывало на их подчиненный характер. Вопросы украинизации для Скрышника были тесно связаны с вопросами союзного строительства, так как для него было очевидно, что от характера взаимоотношений центра и республик будет зависеть и характер проводимой украинизации. Раковский же стремился добиться реальной самостоятельности Украины, проблемы же украинского языка в республике

его волновали в значительно меньшей степени, хотя он и считал необходимым выполнять решения съезда партии.

Другой представитель УССР на совещании – Г.Ф. Гринько также поддержал идею украинизации: «Я хочу сказать, что на Украине, хотя вопрос с проведением украинизации стоит чрезвычайно сложно, все же у меня такое впечатление, что мы отстаем, что на Украине мы не держим настоящего темпа развития в этом отношении». Особую озабоченность у Гринько вызывал национальный состав партии: «...мы не выравниваемся в сторону увеличения в ней [партии. – Е. Б.] украинских элементов», «нам нужно еще будет создать такое положение, чтобы широкие ряды националов в партии вовлечь в политическую работу и активность, потому что до сих пор еще мы имеем очень сложное и сильное давление великорусских тенденций и уклонов»¹⁴⁸. Высказался он и по поводу взаимоотношений республики и центра, указав на необходимость «обеспечить развитие хозяйственной инициативы, которой такая большая республика, как Украинская, должна обладать полностью и реально»¹⁴⁹.

Безусловно, конфликты, разгоревшиеся на совещании, были эхом недавних споров на XII съезде партии. Следует в целом согласиться с мнением П. Гобла, который считает, что «Сталин использовал атаку против татар только как шар в отношении украинцев» и что «таким образом Сталин реагировал на Украину, где его позиции в 1923 году были еще слабыми»¹⁵⁰. Необходимо, однако, учитывать, что Сталин на совещании рассчитывал припугнуть не только украинцев, но и других «националов», несогласных с политикой центрального партийного руководства.

В соответствии с решениями XII съезда и IV национального совещания ЦК РКП(б) наметил ряд мер по коренизации. В документе под названием «Меры по проведению в жизнь постановлений по национальному вопросу, принятых XII съездом и национальным совещанием» речь идет об обязательном преподавании национальных языков как в республиканских совпартшколах, так и «во всех без исключения учебных заведениях национальных областей

и республик», о предоставлении «достаточного количества мест» на рабфаках вузов национальных республик и областей представителям «коренной национальности», о систематическом субсидировании национальных газет ввиду их «невозможности немедленного перехода на хозрасчет». Устанавливалось правило, согласно которому «в каждом основном отделе Обкома или нац. ЦК или зав. или его зам. должен быть работником местной национальности». Кроме того, под жесткий контроль попадали как русские работники, «против которых возникли обвинения в русском шовинизме, колонизаторстве и непонимании задач партии в области национального вопроса», так и любые другие «отдельные работники», уклоняющиеся «в сторону местного шовинизма и национализма» и приверженные «к персональным группировкам и склокам». Особое внимание уделялось Украине (наряду с Туркестаном): подчеркивалась необходимость «особо наблюдать за проявлениями великодержавного национализма и местного шовинизма», «принимая своевременные меры к их предупреждению и изживанию»¹⁵¹.

Следует отметить те положения документа, которые касаются кадровых изменений в республиках. Осенью 1923 г. у главного тогда противника Сталина – Л.Д. Троцкого было немало сторонников на Украине¹⁵², что вызвало серьезную озабоченность «тройки» – озабоченность «тройки» – своеобразного «триумvirата» трех высших партийно-государственных деятелей – председателя Петроградского совета и председателя исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьева, заместителя главы Совнаркома Л.Б. Каменева и генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина. Вскоре после совещания в письме Г.Е. Зиновьева Сталину от 31 июля 1923 г. дается краткая характеристика положения на Украине: «Тут был на днях Раков/ский/. Приезжал к Тр/оцкому/, к нам не заходил. Украину, по-моему, надо серьезно укрепить новыми крупн/ыми/ людьми»¹⁵³. Таким образом, проблему украинизации и коренизации следует рассматривать в связи со сложной внутривосточной ситуацией, учитывая как

различные аспекты создания СССР, так и расстановку сил внутри партии и ее руководящих органов.

Суммируя сказанное выше, следует упомянуть о следующих причинах проведения коренизации. Этот курс обеспечивал национальный облик советской власти в республиках, для чего было необходимо привлечь на руководящие должности в республиках представителей коренных национальностей. Этот вопрос был особенно острым для советской власти, учитывая тот факт, что 14 марта 1923 г. Совет послов Антанты признал юридические права Польши на Восточную Галицию. Коренизация на Украине отвечала геополитическим интересам СССР, поскольку создавала притягательный образ Союза для западных украинцев, утративших надежду на создание в Восточной Галиции независимого государства.

Кроме того, украинизация затыкала рот украинской политической эмиграции, обвинявшей большевиков в притеснении украинской национальной культуры, а также не давала соседним европейским державам возможности разыграть «украинскую карту», используя недовольство украинского населения. Одновременно коренизация позволяла установить прочные связи с национально-освободительными движениями, прежде всего в Азии, и сохранить имидж большевиков как борцов за социальную и национальную справедливость.

Далее, коренизация окончательно выбивала почву из-под ног немногочисленных, но достаточно влиятельных украинских партий боротьбистов и укапистов с их национально ориентированной социалистической программой, которые могли конкурировать с правящей партией.

И наконец, коренизация должна была продемонстрировать образцовое решение национального вопроса в СССР и создать положительный образ страны в глазах европейского пролетариата и колониальных народов. Это должно было способствовать поднятию их революционного духа и служить интересам мировой революции.

Необходимое отрезвление произошло только после круп-

ного поражения Коминтерна в Германии в октябре 1923 г. Как известно, Коминтерн активно готовил там революцию, которая была назначена на 23 октября. Однако в последний момент восстание было отменено из-за его недостаточной подготовленности. Восстание произошло только в Гамбурге и было вскоре подавлено. События в Германии показали, что Советской России пока еще рано рассчитывать на помощь мирового пролетариата. И тут был поднят несущественный ранее вопрос о возможности построения социализма в одной стране.

В декабре 1924 г. Сталин выпустил работу «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», в которой говорилось о возникновении очагов социализма в мире. Вскоре, на апрельской конференции 1925 г., большинство членов ЦК поддержали мысль о том, что можно построить социализм в СССР и без революции в развитых странах¹⁵⁴. Несмотря на то что вера в мировую революцию была существенно поколеблена, намерение оказать революционное воздействие на мировой пролетариат не было оставлено, и пример коренизации в СССР пришелся тут как нельзя кстати.

* * *

¹ *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ с. – Київ, 1997. С. 20.

² Там же. С. 25, 40.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ Там же. С. 57–58.

¹² Там же. С. 58.

- ¹³ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. – Чернівці, 1998. С. 58.
- ¹⁴ Реент О.П. У робітнях історичної науки. – Київ, 1997. С. 71.
- ¹⁵ Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 гг. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. – М., 1997. С. 21–22.
- ¹⁶ Там же. С. 21.
- ¹⁷ Там же. С. 22.
- ¹⁸ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО). Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 13.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 14.
- ²¹ Булдаков В.П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. – М., 1999. С. 204.
- ²² Історія України. Нове бачення. У 2-х т. Київ, 1996. Т. 2. С. 6.
- ²³ Реент О.П. Указ. соч. С. 34–36.
- ²⁴ Мартынов А.С. Мои украинские впечатления и размышления. – М.–Пг., 1923. С. 43.
- ²⁵ Там же. С. 43–44.
- ²⁶ Там же. С. 44.
- ²⁷ Штаб организации располагался в Париже. В 1921–1923 гг. на Украине действовали ее агенты.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 98.
- ²⁹ Там же. Л. 99.
- ³⁰ Там же. Л. 98.
- ³¹ Там же.
- ³² Профессор Киевского политехнического института Коваль, ноябрь 1921 г.
- ³³ ГАРФ. Ф. 5768. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 5.
- ³⁴ Там же. Ед. хр. 57. Л. 160.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Симонова Т.М. «Прометеизм» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 гг. // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983). – М., 2001. С. 137.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Бриндак О.Б. Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопартійної системи в Україні в 20-ті роки ХХ століття. – Одеса, 1998. С. 96.

- ⁴⁰ Там же. С. 93.
- ⁴¹ Там же. С. 93–94.
- ⁴² См. *Верменич Я.В., Бачинський Д.В.* «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Вип. 3. – Київ, 1999. С. 140–155; «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. – Київ, 2003. С. 15–19.
- ⁴³ Об українізаторській діяльності Центральної Ради, Гетьманата і Директорії см. *Рубльов О.С., Реєнт О.П.* Українські визвольні змагання. 1917–1921 рр. – Київ, 1999. С. 89–95, 139–143, 182–185.
- ⁴⁴ *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. 1. – Київ: Відень, 1920. С. 125–126.
- ⁴⁵ *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // Революція на Україні по мемуарам белых. – М.–Л., 1930. С. 18.
- ⁴⁶ *Кардиналовская Т.* Жизнь тому назад. Воспоминания. – СПб., 1996. С. 62.
- ⁴⁷ *Винниченко В.* Указ. раб. С. 111.
- ⁴⁸ Перепечатка из газеты содержится в ЦДАГО. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Это один из немногих случаев, когда термин дается в кавычках.
- ⁵² *Могилянский Н.М.* Трагедия Украины // Революція на Україні... С. 121.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Цит. по: *Деникин А.И.* Гетманство и Директория на Украине // Революція на Україні по мемуарам белых... С. 139.
- ⁵⁷ *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. – Киев, 1994. С. 70.
- ⁵⁸ *Матвеев Г.Ф.* Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия – Украина: история взаимоотношений. – М., 1997. С. 237–238.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Ціхаміраў А.В.* Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду паславаеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). – Мінск, 2003. С. 22.
- ⁶¹ *Срібняк І.* Симон Петлюра на чолі держави та війська. До питання про польско-українські взаємини 1919–1920 рр. // Симон Петлюра та українська національна революція. Збірник праць другого конкурсу петлюрознавців України. – Київ, 1995. С. 142.
- ⁶² Там же. С. 143.

- ⁶³ *Вдовин А.И.* Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России (исторический и концептуальный аспекты). – М., 1993. С. 13.
- ⁶⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 234–235.
- ⁶⁵ *Сталин И.В.* Соч. Т.1. С. 31–32.
- ⁶⁶ *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922. – М., 1999. С. 222.
- ⁶⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 234.
- ⁶⁸ *Кравченко Б.* Указ. раб. С. 132.
- ⁶⁹ *Ресент О.П.* Указ. раб. С. 71.
- ⁷⁰ *Лозицький В.С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). – Київ, 2005. С. 7.
- ⁷¹ ЦДАГО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 12.
- ⁷² *Мейс Дж., Панчук М.* Український національний комунізм: трагічні ілюзії. – Київ, 1997. С. 13–14.
- ⁷³ *Этнополітичний розвиток України: досвід, проблеми, перспективи.* – Київ, 1997. С. 34.
- ⁷⁴ VIII съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. – М., 1959. С. 425.
- ⁷⁵ ЦДАГО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 11 об.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. Л. 25.
- ⁷⁸ *Грациози А.* Указ. раб. С. 83.
- ⁷⁹ Цит. по *Лозицький В.С.* Указ. соч. С. 19.
- ⁸⁰ *Лозицький В.С.* Указ. соч. С. 20.
- ⁸¹ *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). – Київ, 1996. С. 85.
- ⁸² Там же. С. 75–76.
- ⁸³ До історії міжнаціональних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 110.
- ⁸⁴ *Ленин В.И.* Неизвестные документы... С. 306.
- ⁸⁵ *Грациози А.* Указ. соч. С. 117.
- ⁸⁶ *Ленин В.И.* Неизвестные документы... С. 306–307.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ ЦДАГО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 13 об.
- ⁸⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 334–335.
- ⁹⁰ Там же. Т. 40. С. 42, 45–46.
- ⁹¹ *Ленин В.И.* Неизвестные документы... С. 314.
- ⁹² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 141–142.

- ⁹³ *Михутина И.В.* Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919–1920 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. – М., 1996. С. 165.
- ⁹⁴ *Никонов В.А.* Молотов: Молодость. – М., 2005. С. 492.
- ⁹⁵ *Матвеев Г.Ф.* Указ. соч. С. 240–241.
- ⁹⁶ *Трощинський В.П.* Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. – Київ, 1994. С. 20.
- ⁹⁷ До історії міжнаціональних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 110.
- ⁹⁸ Там же. С. 112.
- ⁹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 22.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 22–22 об.
- ¹⁰¹ Там же. Ед. хр. 26. Л. 30.
- ¹⁰² Там же. Ед. хр. 425. Л. 139.
- ¹⁰³ Там же. Ед. хр. 25. Л. 49, 66.
- ¹⁰⁴ Там же. Ед. хр. 26. Л. 97.
- ¹⁰⁵ Там же. Ед. хр. 425. Л. 139.
- ¹⁰⁶ *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине. – Киев, 1926. С. 37–41.
- ¹⁰⁷ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО). Ф. 4402. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 16.
- ¹⁰⁹ *Сталин И.В.* Политика советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. – М., 1937. С. 58, 61–62.
- ¹¹⁰ Там же. С. 63.
- ¹¹¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Ед. хр. 433. Л. 93, 94.
- ¹¹² Там же. Л. 98, 99.
- ¹¹³ Там же. Л. 97.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 102.
- ¹¹⁵ *Сталин И.В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос... С. 70.
- ¹¹⁶ *Бриндак О.Б.* Указ. соч. С. 94–95.
- ¹¹⁷ *Лозицький В.С.* Указ. соч. С. 25.
- ¹¹⁸ *Бриндак О.Б.* Указ. соч. С. 91–114.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же. С. 135.
- ¹²¹ Там же.

- ¹²² Документы и материалы о работе комиссии Орг. бюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму ЦК партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 199.
- ¹²³ Национальная политика России: история и современность. – М., 1997. С. 269.
- ¹²⁴ *Каганович Л.* Памятные записки. – М., 1996. С. 299.
- ¹²⁵ *Головко В.А., Станчев М.Г., Чернявский Г.И.* Между Москвой и Западом. – Харьков, 1994. С. 87–88, 100.
- ¹²⁶ *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. – М., 1999. С. 206.
- ¹²⁷ *Никонов В.А.* Указ. соч. С. 629.
- ¹²⁸ Там же. С. 657.
- ¹²⁹ *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос... С. 88–89, 112.
- ¹³⁰ Там же. С. 5–6.
- ¹³¹ XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1968. С. 486.
- ¹³² *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос... С. 81.
- ¹³³ XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 489.
- ¹³⁴ Там же. С. 492.
- ¹³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 72.
- ¹³⁶ Там же. Ед. хр. 19. Л. 167–168.
- ¹³⁷ Там же. Л. 32.
- ¹³⁸ Там же. Л. 34.
- ¹³⁹ Там же. Л. 35.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 13–14.
- ¹⁴¹ XII съезд РКП(б)... С. 650.
- ¹⁴² *Ненароков А.П.* 70 лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 117
- ¹⁴³ Цит. по *Ланда Р.Г.* Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 64–65.
- ¹⁴⁴ Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М., 1992. С. 102.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 61, 62.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 108–109.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 240, 242.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 257–258.

¹⁴⁹ Там же. С. 259.

¹⁵⁰ *Гобл П.* Рождение сталинской национальной политики: Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9–12 июня 1923 г. // *Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. Вып. 1.* – М., 1994. С. 19–20.

¹⁵¹ РЦХИДНИ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 55–62.

¹⁵² *Кульчицкий С.В.* Указ. соч. С. 238.

¹⁵³ «Ильич был тысячу раз прав» (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле – августе 1923 г.) // *Известия ЦК КПСС.* 1991. № 4. С. 200.

¹⁵⁴ *Шубин А.В.* Вожди и заговорщики. – М., 2004. С. 82–83.

Глава 2

Сущность украинизации: пробуждение национального начала или принудительная «укаинопляска»?

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УКРАИНИЗАЦИИ

За пределами Советской Украины

К НАЧАЛУ 1920-х гг. вне границ Украинской ССР оказались достаточно обширные территории, населенные украинцами. Они входили в состав трех государств – Польши, Чехословакии и Румынии. Украинцы в Польше проживали на территории Восточной Галиции и Западной Волыни. Массив украинских земель межвоенной Польши достигал 130 тыс. кв. км, там проживало 10 млн. украинцев (около 30% населения Польши)¹.

Румыния оккупировала Буковину и часть Бессарабии. По официальным румынским источникам, общая численность украинцев в этой стране достигала 580 тыс. человек. По данным украинских демографов, их количество в межвоенной Румынии приближалось к миллиону².

К созданной в 1918 г. Чехословакии отошли Закарпатская Украина и Пряшевщина. Территория Закарпатья (в Чехословакии эти земли именовались Подкарпатской Русью) составляла 11,4 тыс. кв. км, Пряшевщины – 3,5 тыс. кв. км. По переписи 1930 г. там проживало соответственно 438 тыс. и 87 тыс. восточнославянского населения³.

Политика, проводимая этими государствами в отношении украинского населения, значительно отличалась от национальной политики в СССР. Так, польские власти стремились с помощью

различных тактик не допустить единения национально ориентированной части общества на украинских землях. Между Галицией, где национальное движение было развито сильнее, и другими украинскими землями была создана своеобразная «граница», препятствовавшая распространению галицийских печатных изданий, нейтрализующая влияние политических организаций и т. п. Основные усилия правительства были направлены на политическую ассимиляцию украинцев.

Тогда еще свежи были воспоминания о войне между Польшей и ЗУНР в 1918–1919 гг. Польское правительство вынуждено было учитывать стремление к независимости политических сил Западной Украины. Чтобы стабилизировать ситуацию, на украинских землях проводилась «смешанная репрессивно-либеральная политика»: подавление любых радикальных проявлений украинской политической активности и одновременно достаточно либеральное отношение к украинским силам, лояльным польскому государству⁴. В целях усиления польского элемента поощрялась колонизация украинских земель польскими переселенцами, этот процесс был приостановлен только после переворота 1926 г. и установления режима «санации».

Что касается языка, то в 1924 г. был принят закон, объявлявший государственным языком польский, при этом допускались некоторые исключения в воеводствах с преимущественно украинским населением. Например, судопроизводство и делопроизводство велось на польском языке, но выступать в судах можно было и на украинском; апелляции же разрешалось подавать только на польском и т. п. Большая часть украинских школ переводилась в разряд двуязычных с преобладанием польского языка, упразднились украинские кафедры во Львовском университете.

В Румынии в отношении украинцев проводился жесткий курс на румынизацию культурной и религиозной жизни. Специальным декретом от 1924 г. румынское министерство просвещения обязывало «граждан румынского происхождения, которые утратили свой родной язык» отдавать своих детей учиться только в школы с румынским языком обучения.

Иной была ситуация в Закарпатье. Согласно решениям Парижской мирной конференции, в присоединенном к Чехословакии Закарпатье надлежало создать автономную единицу под названием Подкарпатская Русь. Здесь следовало установить наибольшую степень самоуправления, совместимую с единством чехословацкого государства⁵. Однако вплоть до конца 1930-х гг. обещанная автономия так и не была введена (автономной Подкарпатская Русь стала только в 1938 г., после Мюнхена). В Закарпатье чехословацкие власти позволяли пользоваться языком по собственному выбору, что привело к широкому развитию как украинофильского, так и русофильского течений. Что касается русинов, то чехословацкая администрация отождествляла их с малороссами-украинцами. Впрочем, ни о какой насильственной украинизации речи не было, официально поддерживались все национально-культурные направления⁶.

Неудивительно, что в этих условиях национально ориентированные этнические украинцы, проживавшие за пределами УССР, с большим вниманием следили за событиями на Большой Украине. Для многих из них к середине 1920-х гг. стало очевидно, что созданная большевиками Украинская ССР была единственным украинским государственным образованием и могла сыграть в будущем важную роль в судьбе украинского народа. Большевики же рассчитывали использовать УССР в качестве путеводной звезды движения к социализму для западных украинцев, не забывая при этом и об ослаблении восточноевропейских политических режимов, в первую очередь Польши. Политика коренизации придавала социалистическому выбору, к которому призывали большевики, привлекательность в глазах украинцев.

Перетягивание границ

УКРАИНИЗАЦИЯ – одна из региональных форм коренизации – была методом реализации советской политики национального строительства. Как уже говорилось, на-

правления украинизации отражали четыре основных признака сталинского определения нации: общность территории, общность языка, общность экономической жизни и общность психического склада, проявлявшаяся в общности специфических особенностей национальной культуры. Рассмотрим их подробнее и начнем с границ Украинской ССР.

Признав неизбежность самостоятельного существования Украины, 6 января 1919 г. большевики провозгласили ее Социалистической Советской Республикой. Требовалось очертить ее территориально. Как известно, западная граница УССР была определена по итогам советско-польской войны. Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. граница между Украиной и Польшей устанавливалась по реке Збруч.

Вопрос же о границах Украины с другими советскими республиками решался позже. 10 марта 1919 г. украинский Совнарком утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Советской Республикой», по которому административные границы украинских земель, входивших ранее в состав Российской империи, т. е. 9 бывших губерний (Киевская, Херсонская, Подольская, Волынская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская и Таврическая), были признаны государственными. В следующем году в состав Украины вошел также так называемый Донецкий округ.

Особое территориальное урегулирование 1924–1926 гг. должно было максимально подогнать границы УССР, определившиеся в 1919–1921 гг., к национально-этническим границам (по заключению известного российского этнолога С.В. Чешко, Сталин этнизировал нацию⁷).

В начале 1923 г. украинские руководители представили в Москву проект пересмотра украинских границ. Они предлагали присоединить к Минской губернии часть Словечанской и Юровской волостей Коростенского повета Волынской губернии⁸, требуя взамен от РСФСР значительную часть Курской, Воронежской и Брянской губерний⁹. В то же время уже с 1921 г. Краевой экономической совет Юго-Вос-

тока России поднимал вопрос о возвращении Юго-Востоку «поспешно отделенных от него Таганрогского, Александро-Грушевского и Каменского районов»¹⁰.

После ряда согласований и запросов местных российских властей в апреле 1924 г. постановлением Президиума ЦИК СССР была создана специальная комиссия по урегулированию границ между РСФСР, Украиной и Белоруссией. Комиссия работала долго, заседания ее проходили в ожесточенных спорах, поскольку российские губернские власти были настроены резко против украинского проекта. Вокруг проблемы границ УССР развернулась упорная борьба партийного начальства двух республик. Харьковские вожди умело оперировали лозунгами советской национальной политики, ссылались на решения XII съезда партии о «коренизации» и на волеизъявление украинского населения спорных районов¹¹.

Украинская сторона подчеркивала несовпадение этнографических границ Украины с границами девяти губерний, составивших УССР. «Еще при создании Украинской Социалистической Советской Республики, – подчеркивали в Харькове, – встал вопрос о несовпадении этнографических границ Украины с границами девяти губерний, заселенных в большинстве украинцами... Было решено этот вопрос отнести на более позднее время, когда, по окончании гражданской войны и укреплении советского строя, его можно будет решить во всей полноте после длительного и спокойного освещения со стороны этнографических и экономических данных»¹². Именно этот этнографический момент был для украинской стороны главной официальной причиной пересмотра российско-украинских границ. Предметом бесконечных прений стали данные о численности и процентном соотношении проживающего в приграничной зоне украинского и русского населения. Обосновывая свои территориальные притязания, украинские власти ссылались на авторитетное мнение двух крупнейших украинских историков – академиков Д.И. Багалая и М.С. Грушевского, которые специально по этому случаю представили небольшие исторические справки.

Багалей, в частности, писал: «Всем хорошо известно, что границы губерний, как в пределах России, так и в пределах Украины, не имеют под собой национальной хозяйственно-экономической почвы»¹³. Поэтому в основу государственного размежевания молодых советских республик должны быть положены принципы исторические, географические, этнографические, лингвистические и экономические. В своих выкладках академик уделил основное внимание этнографическим моментам и языку. Он подчеркивал, что «часть... уездов Курской и Воронежской губерний являлись в отношении колонизации продуктом смешанной великорусско-украинской колонизации с очевидно преобладающим количественно украинским этнографическим элементом...»¹⁴. Таким образом, по мнению ученого, спорная территория, если рассматривать вопрос с точки зрения этнографии, должна отойти к Украинской ССР. Багалей доказывал также «общность хозяйственно-экономической жизни» этой части Курской и Воронежской губерний со «Слободянщиной и Харьковщиной», ибо «первые... поселенцы принесли с собою в этот край свой общеукраинский хозяйственный уклад и культурно-бытовые формы с право- и левобережной Украины, откуда они сюда перешли... Этнографические черты всего этого населения также были более или менее одинаковыми, и это население чувствовало себя единым народом, который имел отличительные черты от населения великорусского»¹⁵.

Грушевский основное внимание уделил истории украинской колонизации. Ссылаясь на собственную «Историю Украины-Руси», бывший глава Центральной Рады, возвратившийся на Украину в марте 1924 г., рассматривал процесс «украинского движения на восток» начиная с конца XVI и вплоть до XIX века. В начале XVII века граница украинской колонизации, по мнению ученого, проходила по линии: Путивль – Старый Оскол – Костелки – Полтава – Старобельск – Богучар. После казацких войн с Польшей в первой половине XVII века «развернулось еще большее движение

на восток» – на Дон, по реке Тихая, Сосна, Острогоща. В конце XVIII и XIX веке с ликвидацией Крымского ханства это «расселение», согласно Грушевскому, проникает дальше на юг, «занявши всю территорию Азовского побережья и хребта Яйли». В результате «образовалась огромнейшая, необыкновенно однородная по языку и в этнографическом отношении область так называемого юго-восточного украинского наречия»¹⁶.

Отрицая сложный характер колониционных процессов указанных территорий, Грушевский в своей записке делал вывод о необходимости «восстановления справедливости»: «Как будто бы настало время объединить край по принципам экономической и культурной целесообразности, порвав совершенно со случайными и механическими губернскими делениями, и соответственно размежевать и восточные границы Украинской Республики в целях достижения более планового производства и культурного развития»¹⁷.

Однако желание местных чиновников сохранить существующую территорию российских губерний не уступало стремлению Украины расширить свои границы. Российская сторона ссылалась на «этнографическую чересполосность», затрудняющую разрешение вопроса о границах с точки зрения национального состава населения спорной территории. Причем такая чересполосность, указывали губернские власти, была характерна и для приграничных районов Украины. Одновременно они ссылались на то, что отторжение территории может нанести ущерб экономике российских губерний, в частности сахарной промышленности, а также изучению Курской магнитной аномалии¹⁸. Более того, курские большевики выдвинули контрпредложение, выразив пожелание присоединить к своей территории часть Черниговской губернии¹⁹.

После разбора мнений обеих сторон последовали бесконечные согласования и уточнения. В конце концов 16 октября 1925 г. председатель ЦИК СССР М.И. Калинин подписал постановление об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР. Белоруссия получала небольшую часть

Волынской губернии, РСФСР – часть территории Донецкой губернии, УССР – небольшую часть Мозырского округа БССР, часть Гомельской, Брянской, Воронежской и Курской губерний. Пожелания украинских властей при этом были удовлетворены лишь в малой степени²⁰, но формальное следование национальному принципу в территориальном устройстве государства в 1920-е гг. еще сохранялось, и вопрос о границах еще оставался предметом для обсуждения.

Вполне логично, что в подобных условиях украинские руководители не оставляли попыток расширить территорию республики. Уже в мае 1927 г. ЦК КП(б)У направил в ЦК ВКП(б) докладную записку по этому вопросу. Ссылаясь на то, что на непосредственно прилегающей к УССР территории РСФСР оставалось около 2 миллионов украинцев, расселенных компактными группами в Курской, Воронежской губерниях и Северо-Кавказском крае, украинский ЦК предлагал передать Украине часть районов Курской и Воронежской губерний, заселенных, по мнению Харькова, украинцами, а также вернуть УССР Шахтинский и Таганрогский округа²¹.

Не прошло и года, как в апреле 1928 г. на повестке дня Политбюро ЦК КП(б)У вновь стоял вопрос об урегулировании государственной границы между УССР и РСФСР. Пользуясь тем, что в центре началась подготовка к созданию Центрально-Черноземной области, Харьков опять выдвинул свои претензии – на этот раз только на часть Воронежской и Курской губерний. Украинские лидеры ссылались на «грубое извращение национальной политики партии по отношению к украинскому населению в Курской и Воронежской губерниях»: как доказывал украинский нарком просвещения Н.А. Скрыпник, украинизация там якобы не проводилась²². К тому же, по мнению вождей украинских большевиков, в экономическом плане указанные территории имели «гораздо больше общих черт с приграничными округами УССР». Таким образом, заключало украинское Политбюро, «проведение государственной границы между УССР

и РСФСР по этнографическому принципу вполне совпадает с сельскохозяйственными и экономическими районами»²³.

Украинские лидеры обратились со своими требованиями в Секретариат ЦК ВКП(б), куда и было отправлено соответствующее письмо²⁴. Кроме того, они пытались решить вопрос не только официальным путем: сохранился черновик письма тогдашнего украинского партийного лидера Л.М. Кагановича Сталину. В этом документе Каганович просил выслушать мнения украинских партийных руководителей «по национальному вопросу», частью которого он считал «вопрос о передаче Украине украинских уездов Воронежской и Курской губерний»²⁵.

Однако интересы республиканской элиты противоречили интересам центрального руководства, и обе попытки украинцев оказались безуспешными. Вопрос об «украинских уездах Курщины и Воронежчины» волновал не только партийных руководителей Украины, но и украинскую интеллигенцию. Вопрос о судьбе этих районов был задан Сталину 12 февраля 1929 г. во время встречи генерального секретаря ВКП(б) с украинскими писателями. Сталин ответил, что «этот вопрос несколько раз обсуждался у нас» и решено было ничего не менять: «слишком часто меняем границы – это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны»²⁶. Было упомянуто также, что у «некоторых русских это [изменение границ. – Е. Б.] вызывает большой отпор» и с этим «надо считаться». «У нас каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильно украинизировать и т. д.»²⁷, – рассуждал Сталин. Но с точки зрения вождя, в СССР нет никаких границ: «С точки зрения национальной культуры, и с точки зрения развития диктатуры, и с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и нашей работы, конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины и РСФСР»²⁸.

Украинизация системы управления

ОПРЕДЕЛИВ ТЕРРИТОРИЮ национальной республики, центральная власть в русле усилий по коренизации создавала и соответствующую украинскую номенклатуру. Первые шаги в этом направлении были сделаны на VII конференции КП(б)У в апреле 1923 г. Украинский партийный форум поручил местному Наркомпросу разработать план украинизации государственного и хозяйственного аппарата.

По мнению украинского партийного руководства, более или менее благополучная картина складывалась в системе образования, тогда как государственные и партийные органы требовали особого внимания. Глава украинского Совнаркома Х.Г. Раковский характеризовал ситуацию такими словами: «...У нас в центральных органах, т. е. в комиссариатах, в правлениях трестов, в кооперации, исключая сельскохозяйственную, – число украинцев, знающих и понимающих по-украински, чрезвычайно мало. Может быть 1/5, 1/8 и даже иногда 1/10 всех служащих...». Несколько лучше обстояло дело на периферии, где число украинцев в государственных учреждениях уже превышало 50%²⁹.

Для осуществления коренизации был принят ряд директивных решений, самым известным из которых является постановление от 1 августа 1923 г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка». Исходя из сложившейся ситуации, высшие республиканские органы власти – ЦИК и СНК – признали недостаточным формальное равенство между украинским и русским языками. «Вследствие относительно слабого развития украинской школы и украинской культуры вообще, вследствие отсутствия необходимых учебных пособий, отсутствия достаточно подготовленного персонала, жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка»³⁰, – отмечалось в документе.

Было решено «избрать в качестве преимущественного для официальных сношений – украинский язык»³¹, хотя по-прежнему на Украине господствующее положение занимали оба языка – украинский и русский. Согласно этому постановлению вновь поступающие на государственную службу должны в течение 6 месяцев изучить украинский язык (для других – «тех, кто уже находится на службе» – был определен срок в 1 год, в противном случае им грозило увольнение), делопроизводство предполагалось также перевести на украинский язык, ввести украинский язык в партийных школах, реорганизовать государственное издательство и т. п.³²

Были разработаны конкретные мероприятия по реализации постановления 1923 г., в том числе создание целой системы комиссий по украинизации. В 1923–1924 гг. при ЦК КП(б)У действовала Комиссия по национальному вопросу и Специальная комиссия по украинизации профсоюзов, при СНК УССР – Комиссия по претворению в жизнь декретов XII съезда по национальному вопросу, при ВУЦИК – Центральная комиссия по делам национальных меньшинств. С 1925 г. структура комиссий изменилась. При украинском ЦК теперь действовала Комиссия Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации со специальными подкомиссиями (по украинизации партии, народного просвещения, государственного аппарата, печати, профсоюзов, армии). При Совнаркоме была образована Центральная всеукраинская комиссия украинизации советского аппарата, возглавляемая председателем Совнаркома УССР В.Я. Чубарем. На местах действовали губернские и окружные комиссии, во всех наркоматах – специальные комиссии по украинизации³³.

Однако, как показало время, первоначальные установки были недостаточно продуманными. Украинское партийное руководство встало перед необходимостью разработки нового декрета по украинизации и определения новых сроков «полной украинизации». Это было вызвано угрозой одновременного увольнения значительного числа служащих, не овладевших украинским языком. Об этом стало извест-

но Сталину, и руководству КП(б)У пришлось оправдываться и обещать смягчить требования к государственным чиновникам³⁴.

30 апреля 1925 г. появилось новое постановление ЦИК и СНК УССР, предписывавшее всем государственным учреждениям и государственным торгово-промышленным предприятиям перейти на украинское делопроизводство не позднее 1 января 1926 г. Кроме того, постановление призывало увеличить тиражи учебных изданий и художественной литературы на украинском языке. На рабоче-крестьянскую инспекцию возлагалась обязанность проведения периодических проверок украинизации советского аппарата³⁵.

Необходимо упомянуть и еще один документ, касающийся украинизации, – постановление ВУЦИК и СНК УССР от 6 июля 1927 г., кодифицировавшее все законодательство в этой сфере. Согласно постановлению, все правовые документы государственных органов следовало публиковать на двух языках – украинском и русском, внутреннее делопроизводство велось на украинском языке, а сотрудники, не выучившие украинский язык в установленные сроки (или настроенные против украинизации), увольнялись без предупреждения и выходного пособия³⁶.

Однако и данное постановление опять пришлось корректировать. В июле 1928 г. Центральная всеукраинская комиссия по украинизации при СНК УССР издала специальную инструкцию. В этом документе говорилось о трудностях с подбором высококвалифицированных кадров, владеющих украинским языком, для работы в государственных учреждениях СССР, действовавших на территории УССР. Для этих учреждений допускалось – временно – ведение делопроизводства на двух языках (русском и украинском). В целях обеспечения учреждений высококвалифицированными кадрами инструкция разрешала принимать на работу людей, не владевших украинским языком, но с условием, чтобы они в течение года язык все-таки выучили³⁷.

Украинизация просвещения, науки и культуры

ВЫШЕУКАЗАННЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ существенно изменили статус украинского языка, они не просто его «легализовали», но даже предоставили ему определенные преимущества. По справедливой оценке О.А. Остапчук, «политика украинизации стала самым масштабным языковым экспериментом, продемонстрировав возможности активного воздействия на языковые процессы, причем как внешние, связанные с функционированием языков, так и внутренние, затрагивающие глубинные основы языка»³⁸. Активно велась работа по кодификации литературных норм, по упорядочению лексики и орфографии. В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, который разрабатывал научную терминологию.

Для осуществления задуманного необходимо было также унифицировать украинское правописание. С 1925 г. при украинском Совнаркоме работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка³⁹. В 1927 г. была проведена так называемая Правописная конференция, на которой предметом обсуждения стала единая система орфографии⁴⁰ (она была введена в действие в 1928 г. постановлением СНК УССР)⁴¹.

Весьма важно то обстоятельство, что в 1920-е гг. были созданы условия, позволявшие основной части населения УССР овладеть письменным украинским языком. Именно украинский язык с середины 1920-х гг. преимущественно использовался при ликвидации безграмотности. Так, в 1925/1926 учебном году на Украине существовало 13 350 ликбезов на украинском (на русском таких ликбезов насчитывалось только 3312)⁴². В 1927 г. 78% всех ликбезов проводили обучение на украинском⁴³.

Была создана система обучения на украинском, причем охватывающая все уровни – от начальной школы до высшей. Особенно впечатляющие результаты были достигнуты

в сфере украинизации начального образования. К 1930 г. на Украине насчитывалось 14 430 украинских начальных школ (русских – 1504)⁴⁴. В школах другого типа результаты не были столь показательными, однако, например, уже к 1925/1926 учебному году профшколы по языку обучения были на 51,9% украинскими и только на 27,6% – русскими⁴⁵. Определенные успехи были достигнуты и в украинизации высшей школы. По состоянию на 1927 г. среди институтов было 14 украинских, 2 российских и 23 двуязычных⁴⁶.

Однако практическое осуществление курса украинского руководства на коренизацию было чрезвычайно непростой задачей. Украинизация государственных учреждений и партийного аппарата на Украине зачастую шла не так, как планировали в Харькове. Темпы преобразований оказались значительно ниже предполагаемых. С одной стороны, катастрофически не хватало большевистских кадров, знающих украинский язык. В мае 1923 г. второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Лебедь направил записку в комиссию Политбюро ЦК КП(б)У по разработке мероприятий практического проведения национальной политики с предложением в короткий срок «взять на учет всех членов партии, говорящих на украинском языке, и членов партии – коренных украинцев... выяснить украинских работников, говорящих на украинском языке, отозванных и откомандированных на территории других республик»⁴⁷. Особенно остро ощущалась нехватка украиноязычных преподавателей в совпартшколах.

Два года спустя, в апреле 1925 г., Политбюро ЦК КП(б)У на своем заседании постановило «ввиду острого недостатка в коммунистическом университете и совпартшколах в преподавателях, владеющих украинским языком, настойчиво просить ЦК РКП об откомандировании на Украину всех товарищей, оканчивающих Свердловку, Университет Зиновьева, Институт Красной Профессуры и Коммунистическую Академию и знающих украинский язык»⁴⁸.

Особенно напряженной была ситуация на местах. Например, когда в августе 1924 г. в одном из городов Черниговской губернии было получено предписание вести дело-

производство на украинском языке, местные партийные власти «бросились искать украинцев, могущих хотя бы чему-нибудь научить по-украински. Нет никого. Наконец нашли кого-то, но оказался исключенным из профсоюза, как чуждый элемент. Пришлось пойти на поклон – предложить принять вновь его в профсоюз – учи только. Разве не анекдот!»⁴⁹

Особенно остро ощущалась нехватка преподавателей, знающих украинский язык, и учебников на украинском языке. Чтобы восполнить нехватку украинских кадров и сломить сопротивление старой профессуры, не желавшей переходить на украинский, привлекались украинские ученые, работавшие за границей, прежде всего в Галиции. Особенно много кадров из-за рубежа привлек к работе в вузах Н.А. Скрыпник в период своего руководства Наркомпросом в 1927–1933 гг.⁵⁰

Изменялся и социальный состав студенчества: на смену интеллигенции и мещанству, в массе своей русскоязычным, пришла рабочая и крестьянская молодежь. При этом четко проявлялась тенденция увеличения численности украинцев среди студентов за счет уменьшения количества евреев и русских. К 1928 г. число украинцев среди студентов вузов достигло 54%, в техникумах – 63%⁵¹. А к следующему учебному году показатель для вузов стал еще выше – 62,8%, в 1930 г. – свыше 70%⁵². Еще одним полем украинизации стала наука. Здесь также возросло число научных сотрудников – украинцев (с 28% в 1925 г. до 45,9% в 1929 г.)⁵³.

Помимо науки и просвещения, украинизация затронула все стороны культурной жизни республики. На украинский язык переводились произведения русской и зарубежной классики, выросло количество периодических изданий и увеличились их тиражи. К 1928 г. выходило 58 газет на украинском языке, что составляло 68,8% от их общего количества в УССР⁵⁴. Быстро росло количество книжной продукции на украинском языке. Если в 1927 г. она составляла 53,9%, то в 1931 г. – уже 76,9%⁵⁵. Интенсивно шел процесс создания украинской литературы и искусства.

Украинизация в Красной Армии

ПОЛИТИКА УКРАИНИЗАЦИИ велась и в Красной Армии. В 1923 г. согласно декрету ЦИК и СНК СССР от 8 августа армия перешла на территориальную систему комплектования. В декабре этого же года решением Реввоенсовета СССР армия перешла на национально-войсковой принцип строительства. Под непосредственным руководством главы Реввоенсовета Л.Д. Троцкого была принята первая программа национально-войскового строительства в СССР.

Как известно, Троцкий был сторонником создания в республиках национальных армий, которые должны были составить общесоюзную Красную Армию. Это должно было продемонстрировать нерусским народам последовательность советской власти в решении национального вопроса. К тому же, по мысли Троцкого, такие армии могли очень пригодиться для мировой революции.

Однако в целом центральное партийное руководство во главе со Сталиным относилось к идее создания национальных войсковых центров и армий негативно: они опасались, что такие армии подпадут под влияние сепаратистов, и соглашались лишь на организацию национальных частей⁵⁶.

Первоначальная программа не была выполнена. Уже в марте 1924 г. она была пересмотрена и существенно ограничена, а центр тяжести в деле организации национальных войсковых частей был перенесен на восток. При непосредственном участии М.В. Фрунзе специальной комиссией во главе с Ф.Э. Дзержинским была подготовлена другая – пятилетняя – программа национально-войскового строительства (1924–1929), в основе которой лежал принцип единства советских вооруженных сил. Фрунзе прямо указывал на опасность тенденции «к превращению национальных формирований в ядро национальных армий», подчеркивал ошибочность такой позиции, ее несоответствие «классовым интересам рабочих и крестьян»⁵⁷.

В соответствии с программой в течение пяти лет предполагалось украинизировать четыре территориальные дивизии. Национальный подход предусматривал комплектацию украинским красноармейским и командно-политическим составом, использование украинского языка командованием, в политработе, украинизацию военных школ. В середине 1920-х гг. красноармейский состав частей и объединений Украинского военного округа стал в большинстве своем украинским⁵⁸.

Однако темпы украинизации в Красной Армии были значительно ниже, чем в других сферах, особенно это касается изучения украинского языка командным составом. Красноармейский командно-политический состав с трудом переходил на украинский, а подготовка украинских кадров была явно недостаточна. Так, в 1925 г. в украинизированных дивизиях 40,9% командиров и 37,1% политработников вообще не владели украинским языком⁵⁹. А в 1926 г. выпуск украинизированных военно-учебных заведений смог бы покрыть нехватку кадров только в двух дивизиях⁶⁰.

В мае 1927 г. РВС СССР утвердил шестилетний план национально-войскового строительства на 1927–1933 гг., в соответствии с которым национальными должны были стать еще две территориальные дивизии. Однако выполнение этого плана тоже наткнулось на значительные препятствия. Проверка 1929 г. показала, что командный состав с трудом овладевал украинским языком, при этом чем выше была категория комсостава, тем меньше там использовали и понимали украинский⁶¹. Украинизация невольно приводила к обострению отношений между русскими красноармейцами, пополнявшими кадровые и специальные части, и украинцами. Украинские исследователи приводят немало примеров стычек между красноармейцами на бытовом уровне. При этом русские вполне могли назвать украинский язык «петлюровским» и «китайской грамотой», а украинцы настаивали на необходимости «все украинизовать»⁶².

Неукраинцы в УССР. Украинцы в союзных республиках

СОСТАВНОЙ ЧАСТЬЮ коренизации была политика в отношении национальных меньшинств. Каждая из вошедших в состав Советского Союза национальных республик была многонациональной. Так, на Украине проживали, помимо украинцев и русских, евреи (по переписи 1926 г. они составляли 5,4% населения), поляки (1,6%), немцы (1,3%), молдаване (0,8%), греки (0,3%), болгары (0,3%), белорусы (0,2%) и др.⁶³

Разрешать организационные, просветительные, правовые вопросы национальных групп должны были специально созданные при высших республиканских органах власти комиссии и отделы. С апреля 1921 г. при НКВД УССР работал отдел национальных меньшинств, осуществлявший контрольно-административные функции. В сентябре 1923 г. была создана Центральная комиссия по делам национальных меньшинств при ВУЦИК, куда входили представители национальных меньшинств, проживавших на Украине. При отделе пропаганды и агитации ЦК КП(б)У работало национальное бюро⁶⁴.

Для реализации провозглашенного принципа равноправия наций и недопустимости какого-либо ограничения прав национальных меньшинств на Украине были созданы национально-территориальные административные единицы. Количество их было немалым. Если на 1 апреля 1925 г. на Украине действовали 188 национальных сельсоветов, то к началу 1930 г. их насчитывалось 1121. Кроме того, на тот момент в республике насчитывалось 26 национальных районов. При этом следует учитывать, что национальные районы не были мононациональными. Поэтому, например, в рамках польского национального района могли действовать немецкие сельсоветы, а в болгарском – русские и немецкие⁶⁵. В этих национально-территориальных образованиях школы, газеты, органы власти и т. п. должны были ис-

пользовать язык большинства населения (т. е. немецкий, польский, болгарский и т. п.).

С другой стороны, немало этнических украинцев проживало за пределами УССР: в Воронежской и Курской губерниях, в Северо-Кавказском крае, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахской АССР. После создания СССР Народный комиссариат национальностей РСФСР, курировавший работу с национальными меньшинствами, был упразднен. Отныне эта обязанность переходила в руки Совета национальностей ЦИК СССР. Но если Наркомнац мог опереться на сеть местных отделов, то подобная структура при Совете национальностей не предусматривалась, что существенно усложняло ситуацию.

Вопросы повышения культурного уровня и уровня образования национальных меньшинств курировал один из главков Наркомпроса – Центральный совет по просвещению национальных меньшинств⁶⁶. Работа на местах велась в разных направлениях: открывались национальные школы, курсы, библиотеки, детские и дошкольные учреждения, издавалась литература.

В большинстве случаев успехи в осуществлении коренизации зависели от наличия профессионально подготовленных кадров и местных активистов. Их недостаток существенно затруднял работу. Конечно, определенную помощь (в основном литературой и кадрами) оказывал украинский Наркомпрос⁶⁷. Однако местные российские партийные и советские власти далеко не всегда проявляли заинтересованность в организации украинских школ, ведении культурной работы на украинском языке и т. п., так что полученные результаты зачастую не оправдывали возложенных надежд.

Экономический аспект украинизации

КАК УЖЕ ОТМЕЧАЛОСЬ, на XII съезде партии в 1923 г. Сталин подчеркивал, что политика коренизации должна выравнивать экономический и социальный уровень

разных наций. «Равенство правовое мы провозгласили и проводим его, – объяснял генеральный секретарь, – но от правового равенства, имеющего само собой величайшее значение в истории развития советских республик, все-таки далеко до равенства фактического»⁶⁸.

Фактическое равенство понималось Сталиным прежде всего как равенство экономическое. Поэтому экономическое развитие республик имело не меньшее значение, чем культурное развитие: «...На школах тут далеко не уедешь, они, эти самые школы, развиваются, язык тоже развивается, но неравенство фактически – это основа всех недовольств и всех трений. Тут школами и языком не отговоришься, тут нужна действительная, систематическая, искренняя, настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей. Необходимо, чтобы, кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках... добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности»⁶⁹.

Таким образом, составной частью политики коренизации стала политика выравнивания экономического уровня республик, развитие промышленности, строительство заводов и фабрик. Решалась эта задача путем индустриализации и создания «национальных отрядов рабочего класса». Если к выравниванию культурного уровня республик приступили (или должны были приступить) уже после XII съезда, то экономический аспект коренизации стал реализовываться фактически после разработки стратегии форсированной индустриализации, сформулированной Сталиным в речи на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г.

В период индустриализации (и, конечно, коллективизации) Украина испытала на себе все преимущества и недостатки курса центрального партийного руководства на форсированное экономическое развитие. Темпы экономического роста на Украине были весьма высокими, и согласно данным, достоверность которых признают современные украинские историки, к 1940 г. промышленное производство выросло

в 7,3 раза по сравнению с показателями 1913 г.⁷⁰ В 1932 г. УССР производила 70% угля, железной руды и чугуна, а также 63% стали по всему СССР⁷¹. Из 35 промышленных объектов первых пятилеток 12 приходилось на Украину⁷². Были построены три крупнейших металлургических завода (Запорожсталь, Криворожсталь, Азовсталь), Днепрогэс, Днепровский алюминиевый комбинат, Краматорский завод тяжелого машиностроения, Харьковский тракторный завод. Были реконструированы Луганский паровозостроительный завод и четыре металлургических завода (в Макеевке, Днепродзержинске, Днепропетровске, Коммунарске). Помимо Днепрогэса было построено множество электростанций: Штеровская, Зуевская, Криворожская, Северскодонецкая, Киевская, Харьковская, Днепродзержинская ГРЭС, Краснозаводская ТЭЦ в Харькове, Киевская ТЭЦ.

Однако советский вариант индустриализации предусматривал преимущественное развитие отраслей тяжелой промышленности (энергетики, металлургии, машиностроения, химической промышленности). Это обуславливала необходимость строительства военно-промышленного комплекса и создания базы для индустриального развития других секторов производственной деятельности. Поставленные задачи решались при помощи крайне централизованной системы управления экономикой и путем концентрации огромных материальных ресурсов на нескольких ключевых участках.

На Украине основное внимание уделялось Донецко-Днепровскому угольно-металлургическому комплексу, имевшему первостепенное значение для промышленности всего Союза. Из-за такой экономической стратегии региональная диспропорция развития промышленности Левобережной и Правобережной Украины продолжала сохраняться. В то же время Украина оставалась важной базой развития сельскохозяйственного производства: по данным С.В. Кульчицкого, в 1933 г. Украина дала 317 млн. пудов хлеба, в 1935 г. – 462 млн., в 1938 г. – 545 млн. пудов⁷³.

Экономический прогресс Украинской ССР был заметнее на фоне того, что западноукраинские земли оставались

в индустриальном плане гораздо менее развитыми. Так, промышленность украинских регионов Польши специализировалась в основном на переработке сельскохозяйственной продукции. По переписи 1931 г. из 730 тыс. наемных работников 332 тыс. работали в сельском хозяйстве⁷⁴. В Румынии украинские земли также оставались слабо развитыми, а промышленные предприятия – мелкими и полукустарными. Крупные же заводы и фабрики вывозились в центральные районы Румынии, как это произошло с Аккерманскими трамвайными мастерскими, прядильной фабрикой, оборудованием Измаильского и Ренийского портов⁷⁵. Никаких крупных промышленных объектов не было построено и в чехословацком Закарпатье. В 1930 г. доля промышленной продукции в совокупном общественном продукте края равнялась 2%, а численность занятых в промышленности составляла 16 тыс. человек⁷⁶.

На этом фоне успехи экономического развития Советской Украины производили большое впечатление. При этом следует учесть, что экономические задачи решались в рамках единого пространства. СССР выступал как единый народнохозяйственный комплекс, а не как совокупность республиканских хозяйственных единиц. Это объяснялось многими факторами и прежде всего самими условиями форсированной индустриализации, дефицитом капитальных вложений и материальных ресурсов и, как следствие, сложившейся крайне централизованной системой управления экономикой. Несомненно, единое экономическое пространство должно было стать еще одной мощной объединяющей силой для республик, как и единая партийная система.

Этносоциальные факторы украинизации

В 1920–1930-е гг. социальный облик Украины сильно изменился. Предусмотренная курсом коренизации политика выравнивания экономического уровня республик дала свои плоды. Бурное экономическое развитие,

ставшее возможным благодаря большевистской индустриализации, приводило к изменению национального облика рабочего класса и городского населения Украины. Если перепись населения 1926 г. в УССР показала низкий процент украинцев среди рабочего класса и служащих (урбанизация украинского населения достигала всего 11%), то к концу 1930-х гг. положение резко изменилось. К 1939 г. численность украинцев среди рабочих достигала 66,1%, служащих – 56%⁷⁷. Вообще на 1939 г. доля рабочих среди украинцев составляла 29%, служащих – 13% и колхозников – 55%⁷⁸.

Быстрыми темпами шел прирост рабочих украинского происхождения на заводах Донбасса и Днепропетровского региона. Например, в 1930 г. 80% вновь завербованных рабочих для шахт Донбасса составляли выходцы из украинского села⁷⁹. В 1932 г. украинцы составляли половину – 50% – всех шахтеров УССР, 53% всех металлургов, 58% тружеников химической промышленности, 77% работников железорудной промышленности, столько же – железнодорожников⁸⁰.

С другой стороны, повысился спрос на высококвалифицированные кадры, что в условиях коренизации способствовало количественному росту украинской интеллигенции. Украинизация, по замыслу ее творцов, должна была способствовать росту национального, но при этом непременно советского образованного слоя. Предполагалось использовать старые кадры, доказавшие свое лояльное отношение к новой власти, а параллельно воспитывать новое поколение украинских ученых, писателей, художников и т. д.

Привлечение западноукраинской интеллигенции к активному участию в культурной жизни Советской Украины было не случайным. Прежде всего этих людей отличала активная позиция, и они были настроены работать на благо украинской нации даже в рамках советской украинизации. Большевики же остро нуждались в украинских культурных кадрах: людей интеллигентных профессий, владеющих украинским языком, на Большой Украине явно не хватало, а политика коренизации требовала все больше и больше украинских учителей, литераторов, художников, артистов...

Большое внимание к украинскому языку, в том числе внедрение его в делопроизводство, появление украинских школ, институтов, театров, издание литературы на украинском – все это создавало иллюзию движения к подлинной национальной государственности на Украине. Украинизация внесла разлад в ряды сторонников национальной идеи в эмиграции, убедив многих украинских деятелей в том, что «советская Украина является последней надеждой создать истинную государственность, поэтому казалась бессмыслицей оппозиция к ней», особенно когда крестьянские волнения начали затухать⁸¹.

Курс большевиков на коренизацию дал возможность национально настроенной украинской интеллигенции «вести свою деятельность в более легальных формах, нежели до этого», что наряду с постоянными репрессивными мерами ГПУ привело к существенному ослаблению деятельности украинских националистических группировок как на территории УССР, так и за границей⁸². Как справедливо отмечают украинские историки, украинизация явно способствовала повороту части оппозиции «лицом к власти»⁸³. В мае 1924 г. Всеукраинская конференция КП(б)У приняла так называемое «Воззвание к украинской интеллигенции». Этот документ призывал украинскую эмиграцию вернуться на родину и принять активное участие в строительстве новой жизни.

Украинизация образования и науки, всей культурной жизни республики требовала большого количества специалистов. Поэтому 6 августа 1925 г. комиссия по украинизации Политбюро ЦК КП(б)У специально рассматривала вопрос об использовании украинской интеллигенции из Восточной Галиции. Было решено выявить «все способные к работе силы и использовать их» в УССР⁸⁴.

Чтобы повысить авторитетность проводимой коренизации, в 1924 г. украинское руководство позволило возвратиться на родину М.С. Грушевскому. С его помощью украинское партийное руководство демонстрировало серьезность своих намерений в деле строительства национальной

культуры и внесло раскол в ряды убежденных противников советской власти, прежде всего в эмигрантской среде.

В 1926 г. вернулся на Украину географ С.Л. Рудницкий, а в 1927 г. – другой известный ученый, специалист по международному и государственному праву и истории юриспруденции М.М. Лозинский⁸⁵. Вообще в период украинизации на родину вернулось немало галичан, особенно представителей творческой интеллигенции и инженерно-технических работников. Украинские специалисты А.С. Рублев и Ю.А. Черченко полагают, что речь шла о десятках тысяч выходцев из Западной Украины⁸⁶. В одном из писем М.С. Грушевский сообщает, что в УССР из Галиции переехало около 50 тыс. человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди, мужчины⁸⁷. Много галичан работало в аппарате Наркомпроса Украины. В Укрнауке работали М.И. Яворский, К.И. Коник, М.Л. Баран; учеными секретарями Наркомпроса были А.И. Бадан-Яворенко, а затем И.М. Зозуляк; личным секретарем Скрыпника был галичанин Н.В. Ерстенюк⁸⁸.

Немало галичан было среди писателей, художников, артистов. Активно работал Союз революционных писателей «Западная Украина», объединивший около 50 литераторов и художников, выходцев из Западной Украины. До 1929 г. этот союз возглавлял С.М. Семко-Козачук, который в 1927–1929 гг. был также ректором Киевского института народного просвещения. В 1929 г. после возвращения из Канады союз возглавил М. Ирчан. Активными членами этой организации были В. Атаманюк, В. Гжицкий, Л. Дмитерко, Д. Загул, М. Гаско, В. Касьян, М. Козорис, Ф. Малицкий, М. Марфиевич, Я. Струхманчук, И. Ткачук и другие. Руководство союза располагалось в Харькове, а филиалы работали также в Киеве, Днепропетровске, Одессе⁸⁹. В труппу Государственного драматического театра «Березиль» также входили уроженцы западноукраинских земель А. Бучма, И. Гирняк, М. Крушельницкий, С. Федорцева⁹⁰.

Постепенно вырасталось и новое поколение. Уже в 1929 г. украинцами были 50% инженеров в угледобывающей промыш-

ленности⁹¹. В этом же году доля украинцев среди занятых интеллектуальным трудом составила 58%⁹². В целом, по данным переписи 1926 г., национальный состав интеллигенции Украины был следующим. Среди работников культуры и просвещения украинцы составили 69,2%, среди работников суда, прокуратуры и адвокатуры – 43,6%, среди технических специалистов – 47,6%. В медицине 56,7% составляли евреи.

Доля же русских нигде не составила и половины от общей численности интеллигенции. Больше всего русских было среди технических специалистов (35,1%) и художников (30,2%). В то же время среди руководителей промышленности места среди русских, украинцев и евреев распределились почти поровну и составляли соответственно: 31,5, 30,7 и 25,8%. Среди руководящего состава в сельском хозяйстве украинцы преобладали со значительным отрывом – 62,3% (русские – 15,8%, евреи – 9,6%)⁹³.

Выросло и молодое поколение украинской творческой интеллигенции (Н. Хвылевой, А.С. Курбас, М.Л. Бойчук, Г.И. Нарбут), которое пользовалось покровительством наиболее активной в плане проведения украинизации части коммунистов. Правда, большинство из этих коммунистов были выходцами из небольшевистских партий (А.Я. Шумский, Г.Ф. Гринько, В. Блакитный и др.); до поры до времени на их «неблагонадежное происхождение» в Москве смотрели сквозь пальцы.

Направленная на усиление национального аспекта партийного и государственного строительства, украинизация способствовала также выдвижению местных национальных кадров для руководящей работы и переходу на украинский язык в работе аппарата. Поэтому украинизация имела особое значение в контексте бюрократизации советского общества и образования нового правящего слоя – номенклатуры.

Кандидатуры на руководящие посты в партийном и советском аппарате предварительно рассматривались и обсуждались партийными комитетами. Партийный контроль за назначением на должности был упорядочен и стандартизирован решением Политбюро в ноябре 1923 г.⁹⁴

Список номенклатурных должностей постоянно расширялся и касался уже не только высшего, но и среднего звена управления. Поскольку кадры для номенклатуры пополнялись за счет «выдвиженцев», коренизация, проходившая в советских республиках, создавала благоприятные условия для формирования национальной партийно-советской бюрократии.

Первоначально основу партийно-государственных служащих составляли неукраинцы – преимущественно русские и евреи. Однако постепенно ситуация стала меняться. Если накануне официального принятия курса на коренизацию доля украинцев среди служащих составляла лишь 35%, а государственный аппарат функционировал исключительно по-русски, то в 1925 г. украинцами были уже 50% государственных служащих, в 1926 г. – 54%⁹⁵. Правда, оставалось немало чиновников, всячески сопротивлявшихся украинизации.

В партийной системе ситуация складывалась лучше, нежели в государственной. Если в 1920 г. доля украинцев среди коммунистов была невелика и достигала всего 20,1%, то в 1927 г. это уже 52%, в 1933 г. – 60%, а в 1940 г. украинцы составляли 63% членов КП(б)У⁹⁶. При этом в 1925 г. численность украинцев в Центральном комитете украинской компартии достигла всего 25%⁹⁷.

Таким образом, в ходе украинизации была заложена основа для формирования этнической республиканской элиты, включавшая, помимо партийных функционеров и управленцев, представителей научной и творческой интеллигенции. Как справедливо замечают украинские специалисты, в результате украинизации изменилась мотивация использования украинского языка: если раньше она носила в основном культурный характер, то теперь появился и политический аспект⁹⁸. Действительно, национальная принадлежность стала одним из условий успешной карьеры. Чтобы занять определенную должность или положение, следовало знать украинский язык, а еще лучше – быть украинцем по происхождению. Все это приводило к тому, что формирующаяся

бюрократия, фактически монополизировавшая право на формирование низшего и среднего звена республиканского аппарата управления, приобрела национальный характер. Интересы именно этой национал-бюрократии и выражал в конце 1920-х гг. молодой экономист М.С. Волобуев, отстаивавший приоритет украинских государственных и хозяйственных органов в управлении республикой.

Изменение отношения к украинскому языку и украинцам вообще, существенная материальная поддержка украинской культуры поднимали престиж украинской интеллигенции. Украинские писатели, художники, артисты активно участвовали в общественной жизни и составляли едва ли не самую активную в национальном плане часть общества. Н. Хвылевой верно отразил господствовавшие в этой части общества настроения, их «самостийную» ориентацию, усиливавшуюся из-за присутствия на Большой Украине большого количества галицийской интеллигенции.

Формирующаяся элита (и партийно-государственная, и интеллектуальная) осознавала свою особую идентичность и рассматривала Украину как самостоятельную национальную республику, правда, входившую в состав СССР. Она была заинтересована в сохранении и упрочении своего положения, а следовательно, всячески поддерживала равноправие отдельных республик в Советском Союзе и пыталась поставить вопрос о компетентности союзных органов в республиканских делах.

Особенно отчетливо это проявилось в период создания СССР: независимый характер украинцев доставил в 1922–1923 гг. немало неприятных минут союзному руководству. Именно желание подчеркнуть равноправие в созданном Союзе ССР, а также расширить свои владения (видимо, идея соборности украинских земель также оказывала свое влияние на партийно-государственное руководство УССР) и лежало в основе территориальных претензий Украины к РСФСР.

Привилегированное положение украинской элиты в период проведения коренизации вызывало раздражение дру-

гой части общества: большевиков, веривших в мировую революцию и лозунги интернационализма, с одной стороны, и носителей русской культуры (русских и евреев, интеллигенции и рабочих) – с другой.

Высшее украинское руководство именovalo настроения этой части общества «великорусским шовинизмом» и отмечало его распространенность как среди пролетариата, так и среди партийцев русского происхождения⁹⁹. При этом «социальные корни русского шовинизма», как отмечалось на одном из украинских партийных форумов 1926 г., «залегают в толще русского городского мещанства... и в интеллигентско-спецовской прослойке»¹⁰⁰. Отношения между частью общества, ориентированной на украинскую культуру, и приверженцами «великорусского шовинизма» складывались весьма напряженно, поскольку речь шла не только об отвлеченных материях и идеях вообще, но и о чисто практических вопросах (прием в вузы, рабочие места и т. д.).

УКРАИНИЗАЦИЯ ГЛАЗАМИ ОБЩЕСТВА. «ЗА» И «ПРОТИВ»

Глядя из Львова и Харькова

ПРОВОДИМЫЙ БОЛЬШЕВИКАМИ КУРС коренизации привлекал пристальное внимание украинцев, живших вне УССР. В целом до конца 1920-х гг. украинизацию позитивно оценивали и в западноукраинском обществе, и в украинской эмиграции. Она воспринималась как частичное осуществление национальных устремлений. Как отмечало львовское «Діло», «при всей ограниченности теперешних украинизационных попыток, они имеют определенно позитивное значение». Украинизация, говорилось далее, свидетельствует о силе украинского национального движения: «...осуществление наших национальных идеалов реализуется хотя и медленным, но уверенным шагом»¹⁰¹.

О несомненном пропагандистском успехе украинизации свидетельствует и увеличение желающих выехать в УССР. При общем положительном настрое широких слоев западноукраинского населения различные политические силы восприняли украинизацию по-разному. Позитивно оценила переход к украинизации Коммунистическая партия Западной Украины (КПЗУ), что было вполне естественно ввиду ее теснейшей идейной и материальной зависимости от ВКП(б). Украинская социал-демократическая партия на страницах своего еженедельника «Вперед» также отзывалась об укра-

инизации одобрительно, тогда как Украинская социалистическая радикальная партия расценила политику большевиков как тактический шаг, рассчитанный на закрепление власти над стремившейся к независимости Украиной. Украинское национально-демократическое объединение в своей оценке украинизации отмечало ее позитивное значение в деле продвижения украинской советской государственности к полной независимости. Однако позднее УНДО называло украинизацию формальной и пропагандистской и призывало использовать ее в чисто тактических целях для укрепления украинского национального сознания.

Решительно негативно оценивали украинизацию консервативные круги. Например, идеолог украинского монархизма В. Липинский видел суть украинизации в стремлении большевиков навязать под прикрытием украинского языка свои «московско-интернациональные политические устремления». Непримиимые позиции в отношении Советской Украины и ее национальной политики занимали и украинские националистические организации, видевшие в украинизации средство деморализации нации¹⁰².

В УССР политика коренизации осуществлялась на фоне достаточно богатой и разнообразной культурной жизни. Действительно, в идеологическом и культурном плане 1920-е гг. на Советской Украине отличались плюрализмом. Существовали различные научные школы и направления. На Украине возникли многочисленные художественные объединения и союзы, кружки и студии. Например, в области литературы активно действовали группа неоклассиков, союз крестьянских писателей «Плуг», литературная организация пролетарских писателей «Гарт», «Вольная академия пролетарской литературы» (ВАПЛИТЕ). Существовали объединения художников, композиторов и др. деятелей искусства, среди которых стоит вспомнить Товарищество художников имени К. Костанди, Ассоциацию художников Красной Украины, Товарищество имени Леонтовича.

В целом в УССР в 1920-е гг. действовало 40 литературно-художественных организаций, которые объединяли писа-

телей, художников, музыкантов, артистов¹⁰³. При этом интеллигенция не только искала новые приемы творческого самовыражения, но и активно обсуждала актуальные проблемы общественно-политической жизни. В стране часто проходили дискуссии (литературные, театральные и т. п.), участники которых выражали зачастую полярные взгляды.

В УССР особенно активно обсуждались вопросы, так или иначе связанные с национальной украинской проблематикой вообще и большевистской политикой коренизации в частности. Сторонники национальной идеи считали коренизацию реальным средством воплощения в жизнь своих убеждений, о чем свидетельствует, к примеру, развернувшаяся в 1925 г. на Украине активная дискуссия по вопросу о путях развития украинской литературы (1925–1928)¹⁰⁴. В процессе дискуссии обсуждалась роль Украины в мире, ориентиры украинского мировоззрения. Украинские литераторы и другие деятели культуры пытались найти ответ на вопрос: какой должна быть новая украинская культура, как соединить пролетарский интернационализм, коммунистический дух новой культуры с ее национальной сущностью? Обычно все соглашались с необходимостью выхода украинской культуры из узких этнографических рамок, чтобы она могла встать в один ряд с культурами других народов. Первоначально дискуссия была сугубо литературной, однако вскоре в значительной степени политизировалась: широко обсуждавшиеся в обществе проблемы часто выходили за границы сугубо литературных и трансформировались в политические.

«Хвылевизм», «бойчукизм» и «волобуевщина»

ОСОБУЮ АКТИВНОСТЬ в дискуссии проявил молодой литератор Н. Хвылевой (псевдоним Н.Г. Фитилева, 1893–1933), с именем которого связано распространение

идей «европеизма», то есть обращение к Европе как образцу классического высокохудожественного искусства. Хвылевой предупреждал об опасности чрезмерного влияния русской культуры на украинскую. Это опасность, как предостерегал писатель в своем известном памфлете «Украина или Малороссия?», двоякого рода. Прежде всего речь идет о «борьбе за книжный рынок, за гегемонию на культурном фронте двух братских культур на Украине – русской и украинской»¹⁰⁵. Поэтому, говорит он, исходя из «логики национального возрождения», необходимо создать материальные условия для «выявления культурных возможностей молодой нации»¹⁰⁶.

С другой стороны, Хвылевой опасался, что «украинская интеллигенция в массе своей не способна побороть в себе рабскую природу, которая северную культуру всегда обожествляла и тем не давала возможности Украине проявить свой национальный гений»¹⁰⁷. Из всего этого был сделан следующий вывод: «Украина несколько иначе будет идти к социализму, хотя и в одном советском политическом союзе с Россией»¹⁰⁸.

Выдвинутый Хвылевым лозунг «Геть від Москви! (Прочь от Москвы!)» получил широкий резонанс и послужил достаточным основанием для обвинения его в национализме. Сторонники Хвылевого отвергали упреки в политическом подтексте лозунга и недооценке достижений русской культуры. По их мнению, речь шла об опасности некритического копирования культурных достижений других народов и о необходимости проявлять в творчестве национальные черты, темы и мотивы.

Лозунг «европеизации культуры» нашел широкий отклик у украинской интеллигенции. Новые формы западноевропейской театральной культуры активно внедрял Лесь Курбас, возглавлявший художественное объединение «Березиль». Украинские исследователи считают его «творцом и реформатором украинского национального театра, который в 20-е годы прокладывал новые пути в культурно-художественной жизни республики»¹⁰⁹. Курбас разделял позиции

Хвылевого в плане борьбы с провинциализмом и «хохлацкой малоросийщиной». Его постановки пьес Н. Кулиша «Народный Малахий» (1928) и «Мина Мазайло» (1929) вызвали широкий общественный интерес из-за своей политической направленности. Например, в пьесе «Мина Мазайло» речь шла как раз об украинизации. Среди действующих лиц – «малоросс-карьерист», «представитель украинского национализма унровского типа», «великодержавный шовинист» и, конечно, «патриот украинизованной УССР». Персонажи высказывали свои взгляды довольно резко. Например, одному из них принадлежат такие слова: «Ихняя украинизация – это способ выявить всех нас, украинцев, и тогда разом уничтожить, чтоб и духу не было...»¹¹⁰. Партийное руководство республики критически отнеслось к этим постановкам и использовало Всеукраинский театральный диспут в июне 1929 г. для наступления на «Березиль»: Курбас был обвинен в национальной контрреволюции¹¹¹.

Поиск путей взаимодействия украинской и европейской культур шел и в изобразительном искусстве. Украинский художник-монументалист М.Л. Бойчук пытался соединить традиции византийского искусства с элементами украинского народного орнамента, мозаики и фрески периода XVII–XVIII веков («бойчукизм» был заклеимен позже как формалистическое искусство)¹¹².

Между тем в украинском обществе звучали призывы покончить не только с «культурной», но и с экономической колонизацией. Об этом говорили такие украинские функционеры, как С. Яворский и П. Солодуб. Особенно ярко подобные взгляды выражены в работах украинского экономиста М.С. Волобуева (1903–1972), недовольного положением Украины в составе СССР. В его статье о проблемах украинской экономики, опубликованной в 1928 г. в журнале «Большевик Украины», поднимался вопрос о целостности украинского национально-хозяйственного пространства и о характере руководства промышленностью УССР. Волобуев считал, что следует раз и навсегда признать целостность украинского национально-хозяйственного пространства. «Конечно,

можно условно называть СССР «одной страной», если речь идет о противопоставлении СССР как целого всему капиталистическому миру, – писал Волобуев. – Если же речь идет о *внутренней* [курсив автора. – Е. Б.] характеристике экономики СССР – называть ее экономикой *одной страны* было бы большой ошибкой. Ведь такая постановка вопроса выявила бы непонимание того, что после революции украинская экономика перестала быть «придатком» к русской, что эта экономика теперь *равноправна...*»¹¹³

Украинский экономист считал ошибочным подход Госплана СССР: этот высший хозяйственный орган рассматривал экономику Союза как единое целое, без деления на самостоятельные национальные народно-хозяйственные комплексы. По мнению Волобуева, это в корне неправильно, поскольку в этом случае Госплан забывает о перспективе. В будущем, как писал Волобуев, «национально-хозяйственные комплексы должны войти в состав мирового хозяйства» в соответствии с мировым разделением труда¹¹⁴. Вследствие такого неправильного подхода общесоюзные органы рассматривают экономические организации национальных республик как «подведомственные им организации», а не как часть национального хозяйственного организма¹¹⁵. Украинский экономист считал также несправедливым распределение союзного бюджета, поскольку прибыль от украинской экономики шла на союзные нужды, а не на развитие УССР¹¹⁶.

Волобуев считал необходимым исправить отмеченные им ошибки хозяйствования. Прежде всего, говорилось в статье, руководство народным хозяйством УССР должно принадлежать украинским экономическим центрам, а за союзным Госпланом следует оставить общедирективные функции. Последней инстанцией в утверждении украинского бюджета должен стать ВУЦИК. Волобуев подчеркивал, что доходы от украинской экономики должны использоваться на нужды республики. Он требовал также установить контроль над деятельностью союзных органов со стороны республиканских органов власти¹¹⁷.

Взгляды, высказываемые Волобуевым и Хвылевым, нередко падали на благоприятную почву, особенно в среде молодой украинской интеллигенции. Так, в 1928 г. ОГПУ заинтересовалось деятельностью аспиранта Института марксизма С.В. Шудрика, который, «использовав свое пребывание в институте марксизма, на кафедре национального вопроса» снабжал сторонников Украинской коммунистической партии¹¹⁸ «секретными партийными документами»¹¹⁹. Шудрик считал, что никто, кроме украинцев, никогда не разрешит украинского вопроса, и поэтому необходимо создавать в КП(б)У «украинский базис», «чтобы иметь возможность впоследствии разрешить украинский вопрос не так, как его теперь разрешают в области языка, и то неудачно, а в плоскости государства, хозяйства, партий, союзов и т. д.»¹²⁰. Основной целью кружка Шудрика была «прививка своих (укапистских) взглядов членам КП(б)У» под лозунгами «Хай живе Вільна Україна! Хай живе вільна українська культура, яку породила Жовтнева Револуція!»¹²¹. Действия Шудрика были расценены как антисоветская работа и «шовинистическая обработка своих земляков», а сам он был объявлен украинским националистом.

Взгляды Волобуева вызывали сочувствие прежде всего у интеллигенции: и профессуры, и студенчества. Например, доцент зернового института в Харькове, преподававший экономическую географию, Кривицкий попал в поле зрения властных структур именно из-за того, что разделял «волобуевскую точку зрения» и считал, что «УССР является сейчас российской колонией»¹²². Приведем еще один пример – слова студента из Днепропетровска Покотило: «На что нам союз, нам нужно, чтобы Украина была свободной так же, как Англия, Франция, чтоб она имела право заключать торговые сделки без морального или другого влияния Москвы... Разве у нас жительство на Украине? У нас зажим. Истинное возрождение украинской культуры на Западной Украине»¹²³.

Разговорчики в строю

В АРХИВАХ СОДЕРЖАТСЯ любопытные документы, свидетельствующие о том, что политика украинизации обсуждалась и в широких массах. В приветствии XIII съезду РКП(б) в 1924 г. «группа беспартийных товарищей» высказала свои «мысли о национальном вопросе в связи с декретами правительства УССР об украинизации»¹²⁴. Авторов письма беспокоили антиукраинизационные настроения, распространенные среди чиновников на местах, в данном случае – в южных степных губерниях Украины. «Многие в провинции, а бывает и в центре, смотрят на распоряжения правительства об украинизации как на дело не особенно важное, не серьезное, предпринятое, мол, лишь для отвода глаз Европе...»¹²⁵ – указывается в письме. Приводятся также случаи бестактного отношения к украинцам («потрудитесь говорить на понятном языке, а не на турецком»¹²⁶) и формального отношения к украинизации («курсы украинского языка устраиваются только для формы»¹²⁷).

Нередко вопросы украинизации тесно связывались с проблемой статуса Украины в СССР. Так, в письме президиуму XIII Всеукраинского съезда Советов (февраль 1931 г.) группа делегатов съезда («прибывших из различных районов УССР, и группы рабочих столицы УССР – Харькова, от заводов ХПЗ, ГЭЗа, “Серпа и молота”») «ставила правительству ряд вопросов». «Необходимо немедленно взяться за выдвижение руководящих кадров из местного населения, – говорилось в письме. – А то председатель какого-либо треста или комендант, или генеральный, занимающий всякие другие государственные должности, будут обязательно кончатся на «ов» – Козаков – председатель, а заместитель какой-либо «малоросс», чтобы не обидно было – Гонтаренко, Кобаченко. Генеральный – на «ов», и ниже чином на «ко». Это, знаете, плохая политика. К добру она не приведет. Надо строить украинскую советскую государственность, так как уже пора»¹²⁸. В письме также подчеркивалось, что «до

сих пор говорят только о языке, культуре». По мнению авторов письма, необходимо было сделать все, «чтобы УССР действительно была суверенной республикой в Союзе Советских Республик, а не выглядела как культурно-национальная автономия...»¹²⁹.

На почве украинизации нередко вспыхивали конфликты по национальному признаку. Один из таких фактов приведен в монографии А.С. Рублева и Ю.А. Черченко. Директор Украинского института лингвистического просвещения в Киеве И.М. Сияк (галичанин по происхождению) запрещал говорить в институте на русском языке. Над студентом Ивановым, продолжавшим говорить по-русски, по инициативе директора был проведен общественно-показательный суд, после чего студента исключили из института.

Рублев и Черченко подчеркивают, что Сияк руководствовался благими целями развития украинской культуры и исключение было целиком оправданно – студент-лингвист не удосужился выучить украинский язык¹³⁰. Но стоит заметить, что и в действиях студента Иванова присутствовала своя правда – на его стороне был главный пролетарский писатель Максим Горький. В известном горьковском письме украинскому писателю А. Слесаренко говорится следующее: «Уважаемый Алексей Макарович! Я категорически против сокращения повести «Мать». Мне кажется, что и перевод этой повести на украинское наречие тоже не нужен. Меня очень удивляет тот факт, что люди, ставя перед собой одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий – стремятся сделать наречие «языком», но еще и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия»¹³¹.

Приведем еще один случай. В 1927 г. профессура Киевского художественного института резко выступила против приглашения на работу преподавателей из числа русских художников. В украинский Наркомпрос было подано соответствующее заявление с 26 подписями. По свидетельству ЦК КП(б)У, «еще до подачи заявления в Киеве проводилась классовая борьба. Националисты распространяли листов-

ки-протесты»¹³². В этих листовках говорилось о том, что «украинский художественный фронт» наводняется «кацапами» и «жидами», что все народное украинское глушится и что все, кому дорого развитие украинской культуры, должны чинить отпор и т. д.¹³³ Любопытна реакция украинского Наркомпроса на положение дел в Киевском художественном институте. Скрыпник посчитал, что причиной тому – чрезмерное использование российских кадров и явно недостаточное – кадров украинских, что и привело к обострению «национальной борьбы в институте и около него»¹³⁴.

С нашей точки зрения, эти примеры свидетельствуют о том, что ситуация в республике, по крайней мере среди интеллигенции, была, мягко выражаясь, не совсем здоровой. Украинизация приводила к обостренному размежеванию людей по национальному признаку. При этом следует учитывать, что привлечение украинскими властями к сотрудничеству галицийской интеллигенции, в свою очередь, отнюдь не вызывало восторга у интеллигенции русскоязычной, ориентировавшейся на русскую культуру.

Рублев и Черченко подчеркивают, что антагонизм между приезжей и местной интеллигенцией существовал на всем протяжении 1920-х гг.¹³⁵ После переезда в Харьков М.М. Лозинский вспоминал: «Мое несчастье в том, что я – галичанин. Тут галичан никто не любит. Старшая русская публика относится к ним враждебно как к большевистскому орудию украинизации (вечные разговоры о «галицийской мове»). Старшие местные украинцы относятся еще хуже, считая галичан «предателями» и «большевистскими наймитами». А советский актив и партийцы тоже их считают чем-то отличным от себя»¹³⁶.

Действительно, русскоязычная интеллигенция, особенно профессура, часто крайне негативно относилась к украинскому языку. Некоторые даже ставили под сомнение сам факт его существования. Например, преподаватель математики Белинский из Днепропетровска заявлял, что «украинский язык годен только для песен, ведь им нельзя пользоваться всегда, ведь это выдумка, чуждая даже для украин-

цев»¹³⁷. Преподаватель физики Бароновский заявлял: «На этом [украинском. – Е. Б.] языке невозможно два слова сказать, он груб и непригоден для такого предмета, как физика... Чрезвычайно глупо и то, что требуют строительства какой-то национальной культуры, ведь, по сути, Украина сейчас не что иное, как часть России. Никогда она не будет самостоятельной, всегда будет жить по указке матушки России»¹³⁸.

Таким образом, проводимая большевиками политика украинизации создавала напряженность в обществе. «Властью проводится такая политика, что сильно обострилась классовая и национальная борьба, ненависть одного к другому, нет никакого братства...» – читаем в одном из писем во Всеукраинский ЦИК¹³⁹.

Кто против?

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ПОЛИТИКА коренизации, создававшая довольно благоприятные условия для деятельности национально ориентированных групп населения, вызывала неприятие со стороны тех слоев общества, чьи интересы учитывались далеко не полностью или вообще игнорировались. Против были настроены чиновники (они были почти поголовно русскоязычными), старое городское население¹⁴⁰, пролетариат, русскоязычная интеллигенция (инженерно-технические работники, часть профессорско-преподавательского состава вузов).

В КП(б)У было также немало противников коренизации и лиц, занимавших выжидательную позицию, в частности, из числа «старых большевиков», веривших в мировую революцию. Приведем несколько характерных примеров. В Краматорске заведующий тарифно-экономическим отделом заводууправления Т. Файнберг высказывался в таком духе: «Нам нет надобности изучать украинский язык, потому что при социализме все языки сольются в один»¹⁴¹. На заводе К. Либкнехта в Днепропетровске часто слышались такие

разговоры: «Зачем нам украинизоваться, изучать украинскую культуру, если мы должны быть интернационалистами и иметь один общедоступный язык, функции которого выполняет русский язык»¹⁴². Студент Приходько из Харькова заявлял: «Украинизоваться не буду, революцию проводили на русском языке»¹⁴³.

«Антикоренизационные настроения» зачастую находили пассивное выражение, однако при столкновении с позицией сторонников коренизации создавали напряженность в украинском обществе. О том, насколько серьезное препятствие для реализации политики коренизации могло оказать «бездействие» некоторых слоев общества, свидетельствуют жесткие меры контроля над соблюдением постановлений по украинизации. Так, уже упомянутый декрет «О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка» 1923 г. предусматривал ограничения по языковому признаку при приеме на работу: «С введением в действие настоящего декрета никто из граждан, не владеющих обоими наиболее распространенными языками, не может быть принят на службу в госучреждение»¹⁴⁴. Украинский Совнарком в сентябре 1925 г. предлагал центральным учреждениям УССР, комиссариятам и окружным исполкомам «уволить с должности сотрудников, которые до этого времени не овладели украинским языком»¹⁴⁵.

Большинство же чиновников ни в какую не желало изучать национальный язык. Украинские партийные власти неоднократно обращали внимание на данное обстоятельство. В докладной записке Центральной всеукраинской комиссии украинизации соваппарата при СНК УССР (1925) отмечалось, что в большом количестве учреждений не выполняются постановления и декреты по украинизации, в частности на работу принимаются люди, не знающие украинского языка¹⁴⁶.

Комиссия ЦКК ВКП(б), обследовавшая практику проведения национальной политики на Украине в 1928 г., отмечала несколько факторов, существенно затруднявших украин-

низацию партийных и государственных учреждений. В качестве объективных причин комиссия указывала на трудности, связанные с незавершенностью формирования украинского литературного языка: «несколько раз менялась грамматика, и лица, раз уже сдавшие экзамен по украинскому языку, снова подвергались испытанию»¹⁴⁷. Кроме того, чиновники, вынужденные изучать украинский язык, отнюдь не горели желанием вникать в историю Украины, украинского театра, украинской литературы и т. п., которые были включены в «программу испытаний»¹⁴⁸.

Комиссия также отмечала, что «требование знания украинского языка распространяется на слишком широкий круг служащих». Например, «преподаватели школ наименьшинств жалуются на то, что с них требуют обязательно знание украинского языка, а между тем никто не интересуется... насколько они владеют тем языком, на котором преподают»¹⁴⁹. Кроме того, поскольку знание украинского языка требовалось от всех госслужащих, это обстоятельство, по признанию комиссии, существенно ограничивает круг лиц, «из среды которых производится выбор служащих»¹⁵⁰.

Следует обратить внимание на еще одну особенность украинизации. Сторонники коренизации на Украине стремились к тому, чтобы для служащих национальный язык стал разговорным, чтобы им пользовались не только для деловой переписки. Та же комиссия ЦКК ВКП(б) сетовала на то, что «для большинства госслужащих украинский язык все еще является языком официальным, которым пользуются лишь в стенах учреждений и то, главным образом, для составления «бумаг». Разговорным же языком вне стен учреждения, но зачастую и в самом учреждении, для многих все еще является русский язык»¹⁵¹.

Служащие нередко высказывались об украинизации довольно резко. Например, в Николаеве заместитель главного бухгалтера завода «Марти» Новиков (беспартийный) заявил: «Украинский язык – собачий язык, и учить я его не буду. Пошлите лучше меня в Великороссию». Товарищеский суд вынес постановление об увольнении Новикова с завода,

но за своего бухгалтера вступился директор. Дело закончилось выговором¹⁵².

Не всегда находила поддержку политика коренизации и среди крестьянства, составлявшего в 1920-е гг. большинство населения УССР. Для крестьян первостепенное значение имела социальная и аграрная политика советской власти. К тому же в восточных и юго-восточных районах УССР проживало много русских, и тут ассимиляция украинского населения зашла дальше, нежели в других районах. Большинство населения там пользовалось русским языком, и переход на украинский школ, печатных изданий и делопроизводства не всегда встречал одобрение.

Вот как описывал рабочий-партиец в своем письме в ЦК КП(б)У положение в Луганске¹⁵³: «Убежден, что 50% крестьянства Украины не понимает этого украинского языка, другая половина, если и понимает, то все же хуже, чем русский язык... Тогда зачем такое угодение для крестьян?» Особенно возмутил автора письма перевод на украинский язык партийной печати: «Я не говорю уже о «Коммунисте» на украинском языке. Одна часть, более сознательная, подписку не прекращает и самым добросовестным образом складывает газеты для хозяйственных надобностей. Это ли не трагедия... Другая часть совсем не берет и не выписывает газет на украинском языке и только озираясь по сторонам (на предмет партлица), запустит словцо по адресу украинизации»¹⁵⁴.

Один из жителей села Никольского Павловского района Сталинского округа УССР в своем письме в редакцию «Крестьянской газеты» в 1927 г. сетовал на то, что «у нас на Украине Сталинского района издаются книги, объявления, разные распоряжения» на украинском языке, «непонятном для народа». «На сходах читают указы, распоряжения, объявления и т. д. на украинском языке. Народ заявляет: «Читать на русском понятном языке, не надо нам читать на венгерском», т. е. на непонятном языке»¹⁵⁵. Вызывали затруднения и различные объявления, «расклеенные на РИКе [райисполкоме. – Е. Б.] и сельсовете», их никто не хотел читать, «потому что написано на украинском непонятном язы-

ке». Украиноязычное делопроизводство вызывало недовольство граждан: «Разругается другой гражданин и уйдет, и так большинство недовольно»¹⁵⁶.

Не лучше обстояли дела и с литературой на украинском: «Газеты русские из Москвы разворачиваются читать нарасхват, а украинское «Рад[янське] село» лежит рядом, никто не берет»; «какие имеются [книги] на русском языке – нарасхват разбирают, а от украинских отбегают...»; «большинству интересно прочитать биографию В.И. Ленина и др., но на русском понятном языке нет, а на украинском есть, никто не хочет читать, а если кто возьмется, то ничего не поймет без переводчика»¹⁵⁷. «Для чего это?» – спрашивал автор письма.

Отнюдь не всегда находила поддержку политика украинизации и среди рабочих. Партийный деятель 1920-х гг. И. Майстренко, по роду службы вынужденный заниматься практическим проведением украинизации, оценивая в своих воспоминаниях сложившуюся ситуацию, отмечал «русифицированность» Харькова, Донбасса, Днепропетровска, Одессы и их упорное нежелание украинизироваться. «Харьковская улица все еще говорила на русском языке», – писал Майстренко. Показательно, что хотя сын мемуариста учился в Донбассе в украинской школе, но «на улице и дома говорил на русском языке»¹⁵⁸. В то же время «старинные украинские города быстро дерусифицировались». В качестве примера Майстренко приводил Полтаву, где к концу 1920-х гг. «на улицах господствовал украинский язык»¹⁵⁹.

Рабочие юго-восточных промышленных областей УССР к необходимости изучения украинского языка относились явно негативно. Даже те из них, кто немного владел украинским, им не пользовались. «Некоторые товарищи знают много украинских слов и фраз, но «стесняются» начать говорить, – сообщалось в одной из пропагандистских брошюр Днепропетровской окружной комсомольской организации. – Такое стеснение беспочвенно и достаточно наивно, ибо зазорно теперь совсем не знать украинского языка»¹⁶⁰. Ситуация осложнялась тем, что Сталин высказывался резко против применения административного нажима на этот

слоем населения. Единственным средством воздействия на пролетариат оставался метод разъяснения и убеждения, эффективность которого в течение всего советского периода оставалась сомнительной.

«Определенно не считают себя малороссами»

ВЕСЬМА НАСТОРОЖЕННО и далеко не всегда позитивно воспринимало украинизацию и украинское население РСФСР. Например, во время урегулирования вопроса о границах между РСФСР и УССР в середине 1920-х гг. возможность присоединения к Украине активно обсуждалась самим населением приграничных районов. Вопрос был поднят на уездных съездах Советов. Делегаты высказывались против присоединения их уездов к Украине, мотивируя это нежеланием населения подвергаться украинизации. Так, в протоколах Россошанского и Острогужского съездов подчеркивалось, что «имеющаяся в уезде часть украинского населения в силу проводившейся до революции национальной политики и по своим бытовым и культурным условиям к данному моменту ассимилировалась с великорусским»¹⁶¹.

При этом украинское население, по словам делегатов съездов, категорически отказывалось от преподавания в школах на украинском языке и не соглашалось вообще как бы то ни было подвергаться украинизации, «которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых условий и языка»¹⁶². Один из членов губисполкома крестьянин Россошанского уезда Скляренок заявлял, что украинский язык среди населения совершенно не пользуется популярностью: «Как-то в уезде проводилась кампания по организации украинских школ, населению предлагалось, по его желанию, устраивать школы с обучением на украинском языке, и, несмотря на это, не было создано ни одной украинской школы»¹⁶³. «Боль-

шинство жителей Острогожского уезда определенно не считают себя малороссами», – делал вывод председатель местного исполкома и приводил интересный пример. В губернской крестьянской «Нашей газете» была открыта специальная рубрика, так называемый «украинский куток», в расчете на то, что крестьяне будут присылать заметки на украинском языке. Что же получилось? «После двух-трех заметок «Куток» заглох», «крестьянство осталось глухим, совершенно не интересуясь данным вопросом... Жители не считают себя хохлами»¹⁶⁴.

Сходная ситуация обнаруживается и в Таганрогском округе. Прослышав о возможном пересмотре границы, местное сельское население высказалось за вхождение в состав РСФСР. Помимо чисто экономических мотивов, прозвучало мнение о том, что в данный момент жители испытывают «тяготение к русскому языку»¹⁶⁵. Граждане слободы Матвеев Курган Таганрогского округа также высказались против «изучения чуждого населению языка», отмечая «непонимание всех распоряжений советского правительства, издаваемых на украинском языке»¹⁶⁶.

«Нежелание примириться в особенности с украинизацией школ, письмоводства и т. п.» высказали крестьяне Амвросиевского района Сталинского округа Донской губернии¹⁶⁷. А жители Екатериновского района Таганрогского округа написали письмо-заявление председателю ЦИК СССР М.И. Калинину с просьбой о присоединении района к РСФСР, мотивируя это тем, что «украинский язык мы уже забыли, охотно мы и наши дети учим русский язык. Украинская литература для нас непонятна»¹⁶⁸.

В 1928 г. украинские чекисты подготовили справку об украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа и об отношении к ней населения. Отношение местных жителей, которых официально считали украинцами, к украинизации не изменилось. «Украинизация школы... не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения, – говорится в справке. – В большинстве случаев преподавание на украинском языке вы-

зывает явное недовольство, как среди иногородних, так и казачества»¹⁶⁹.

Сотрудники ГПУ признали, что местное население не понимало литературного украинского языка, значительно отличавшегося от «местного наречия». К тому же из русских школ был обеспечен «бесперебойный переход учащихся в учебные заведения повышенного типа»¹⁷⁰. В результате на Кубани и Дону русские школы были переполнены, тогда как в украинских ощущался недобор учащихся. Например, в станице Пашковская Кубанского округа в 1927/1928 учебном году в украинскую школу поступило всего 14 человек, а в русскую школу – 144; в станице Корсунской того же округа в первую группу украинской школы записалось только 10 человек, в русскую же – 130; «то же имело место в станицах Гривенской, Поповнической, Северской, Холмской и ряде других»¹⁷¹. Родители учащихся стремились перевести своих детей из украинских школ в русские. Когда они писали соответствующие заявления, то указывали, что «не считают себя украинцами»¹⁷².

Сотрудники ГПУ, знакомясь с ситуацией на Дону и Кубани, старательно изучали настроения рядовых граждан. Высказывания последних были обобщены и приводились в указанной справке. Особенно часто встречались выражения типа «советская власть навязывает украинизацию против нашей воли», «наши дети портятся в украинских школах по приказу советской власти»¹⁷³.

Данные ГПУ подтверждают и другие источники. Так, в июле 1928 г. при Кубанском окрисполкоме было созвано совещание по украинизации. Участница совещания Борисенко, работавшая учительницей в станице Марьянской на Кубани, отмечала отрицательное отношение местного населения к украинской школе. За все время существования этой школы в данной станице (а она была образована еще до революции) состоялся только один выпуск. Борисенко замечала: «Население в нашей станице против украинского языка»¹⁷⁴. Она привела интересный пример: «В прошлом году в нашей станице украинизовались все школы... И что же получается?

Родители подают заявления, чтобы одна-две группы были русские. Заявления отклонили. Они настаивают, кинулись хлопотать сюда, в район, в округ»¹⁷⁵. Другой участник совещания отмечал: «Число украинских школ у нас увеличивается, но число учащихся в них уменьшается»¹⁷⁶.

Борьба двух культур

СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ в обществе отражена и в тех замечаниях и предложениях, которые присылали украинские коммунисты в ЦК партии. Как и все общество, партия разделилась на сторонников и противников украинизации. К числу первых принадлежали бывшие боротьбисты и укаписты. Они действовали весьма активно, а их письма в ЦК всегда содержали программу практических действий. Ярким примером является письмо в ЦК КП(б)У В.М. Блакитного, одного из организаторов и руководителей партии боротьбистов, после ее ликвидации принятого в КП(б)У и введенного в состав ЦК. Письмо было написано еще в 1920 г.¹⁷⁷

Блакитный предлагал решить кадровый вопрос за счет привлечения из всех регионов советского пространства, прежде всего РСФСР, «партийных и советских работников, знающих украинский язык и условия Украины», с одной стороны, и обучения украинскому языку уже работающих в УССР служащих¹⁷⁸. При этом «для перелома пренебрежительного отношения к украинскому языку мещанской массы советских служащих необходимо издать приказ, хотя бы с предварительным обозначением срока, в какой они должны изучить украинский язык»¹⁷⁹. Характерно, что свои предложения Блакитный выдвинул еще до принятия XII съездом РКП(б) курса на коренизацию.

Помимо этого, он предлагал усиленно развивать украинскую периодическую печать и литературу. Именно в этих областях, по мнению Блакитного, существовали «неизжитые тенденции упорного общеруссизма»¹⁸⁰.

Среди украинских коммунистов было немало тех, кто разделял мнение Волобуева о положении Украины в СССР. К ним принадлежал, например, заместитель наркома просвещения П.К. Солодуб. 11 марта 1929 г. состоялась его беседа с членом ЦК и Оргбюро ЦК КП(б)У А.А. Хвылей. В это время Центральная контрольная комиссия обсуждала положение на Украине в связи с проведением украинизации. По словам Хвыли, Солодуб предлагал заявить на заседании комиссии о том, что, мол, «никакой правильной национальной политики у нас сейчас не проводится и не проводилось»¹⁸¹.

Хвыля так передает слова собеседника: «Имеет ли сейчас украинский народ свое государство? Не имеет! Представляет ли сейчас Украина собою какое бы то ни было единое политическое целое? Не представляет! Представляет ли собою Украина хозяйственное целое? Не представляет! Имеет ли Украина свой бюджет? Не имеет! Сейчас, мол, на Украине и в Советском Союзе проводится не ленинская национальная политика... а программа еврейского «Бунда», программа культурно-национальной автономии»¹⁸².

Однако убеждения активных сторонников украинизации разделяли далеко не все члены партии. Ярким примером отношения партийно-советской элиты к украинскому языку и культуре служит «теория борьбы двух культур», выдвинутая вторым секретарем ЦК КП(б)У Д.З. Лебедем. Готовясь к одному из своих выступлений в марте 1923 г., он писал: «Мы знаем теоретически, что неизбежна борьба двух культур. У нас, на Украине, в силу исторических обстоятельств, культура города – это русская культура, культура деревни – украинская. Ни один коммунист и настоящий марксист не может сказать, что «я стою на точке зрения победы культуры украинской», если только эта культура будет задерживать наше поступательное движение. Вот почему в этом вопросе для Украины задача сводится к тому, чтобы изыскать сочетание между правильным теоретическим решением вопроса, давно уже имеющимся в партии, и трезвым, реальным, и в то же время не вредным социалистиче-

скому культурному строительству планом практического овладения партией культурной работой на селе»¹⁸³.

Лебедь признавал, что партия должна овладеть украинским языком и через него проводить культуру, поскольку «надо иногда идти в деревню и разъяснять крестьянам на понятном им языке вопросы, их интересующие»¹⁸⁴. В то же время он отмечал, что для большевиков «язык является не средством проведения национализма», а «средством проведения советского, пролетарского, коммунистического влияния»¹⁸⁵. Вследствие этого второй секретарь предостерегал от «украинизации во имя украинизации»: «Если в одних случаях хорош украинский язык, – им надо уметь воспользоваться, и наоборот, там, где язык превращается в средство для национализации во что бы то ни стало, украинизации не из сознания, а из чувства, там должна быть вовремя противопоставлена настоящая марксистская истина, что для коммунистов-интернационалистов национальный вопрос в принципе не существует, что это есть только одно из средств изменения быстроты социалистического строительства»¹⁸⁶.

Под культурой Лебедь понимал «культуру – экономику города и культуру – экономику села, язык же для марксиста – средство»¹⁸⁷. Говоря о борьбе двух культур, он говорил о борьбе «крупной промышленности» и «мелкособственнического, почти натурального крестьянского хозяйства». Целью партии, по мнению Лебеда, было «подчинение развития сельского хозяйства промышленности проникновением крупного производства в сельское хозяйство»¹⁸⁸. Это должна была сделать «культура города», то есть «культура, которая имеет больше элементов социалистических, пролетарских»¹⁸⁹.

Против такой трактовки национального вопроса резко выступил нарком просвещения УССР А.Я. Шумский, назвавший теорию «борьбы двух культур» «неотъемлемой собственностью националистического мракобесия». «Гов. Лебедь, предостерегая «коммунистов и настоящих марксистов» от украинских националистических опасностей, в своей статье сам занял по существу ту же националистическую позицию, что и шаповало-винниченковцы, но только расположился по

другую сторону созданных ими баррикад»¹⁹⁰, – настаивал Шумский.

Свои взгляды Лебедь изложил накануне XII съезда партии. Провозглашение курса на коренизацию обеспечило победу противников теории борьбы двух культур. Однако и в самый разгар украинизационной политики Лебеда волновал вопрос: кто будет проводить украинизацию и на какие слои населения она рассчитана? В июне 1925 г. Лебедь подал записку членам комиссии по разработке мероприятий нацполитики, в которой высказал свою точку зрения по этим проблемам. «Я считаю, – писал Лебедь, – что при назначениях украинцев, т. е. знающих украинский язык, ЦК не может не считаться с тем, насколько эти работники выдержаны марксистски, чтобы иметь гарантии, что они вместе с украинизаторской водой не выбросят и коммунистического ребенка»¹⁹¹.

Лебедь настаивал на том, что украинизацию «в жизненно-необходимых и революционно-полезных размерах» надо проводить руками верных испытанных коммунистов. «Безграничный активизм» укапистов и бывших боротьбистов может, по его мнению, привести к тому, что инициатива перейдет «в руки наших политических противников»¹⁹².

Волновали Лебеда и антиукраинизационные настроения, весьма распространенные среди рабочих: «Украинизация петлюровская в свое время, помимо ее классовой неприемлемости, вызывала и среди рабочих недовольство по самой своей форме»¹⁹³. Кроме того, украинизация высших учебных заведений уменьшит доступ туда рабочим, чего допускать было нельзя. «Нельзя забывать, что если нам надо считаться с национальными настроениями крестьянства, то то же необходимо учитывать и в отношении рабочих»¹⁹⁴.

Второй секретарь сделал вывод об опасности «раздувать вопросы национальной политики на Украине», поскольку это вызывает «усиление украинопляски в среде петлюровски настроенной общественности», а «в глубоких рабочих и крестьянских массах такое раздувание вызовет только лишнюю настороженность, а иногда и враждебность»¹⁹⁵.

Лебедь был не единственным из тех, кто пытался анализировать сложившуюся в связи с украинизацией ситуацию. Многих правоверных большевиков волновала активизация деятельности национально настроенной интеллигенции. Об этом, к примеру, писал в своей докладной записке некий С. Семковский (июнь 1926 г.). Размышляя над методами и последствиями политики активной украинизации, Семковский, с одной стороны, признавал необходимость украинизации для укрепления диктатуры пролетариата «в сложной обстановке медленного продвижения к социализму в крестьянской стране». Но в то же время он с тревогой наблюдал за ростом «стихии национализма». «...Идеология «национальной культуры», – писал он, – окружается ореолом, вызывает пафос, оттесняет идеологию революционного интернационализма и в потенции создает предпосылки для своего рода национально-демократического блока...»¹⁹⁶

Опасность этой «стихии национализма» была двоякого рода. Во-первых, она «определенно угрожает захлестнуть и часть коммунистических рядов – те элементы, которые к большевизму пришли не по линии классово-марксистской, а по линии национального радикализма». Во-вторых, рано или поздно это вызовет пробуждение великорусского национализма среди русских рабочих, особенно на Донбассе, а социальное недовольство, вызванное «хозяйственными трудностями», может сделать подобные настроения особенно опасными¹⁹⁷.

Выход из сложившейся ситуации Семковский видел в ограничении украинизации определенными рамками (он использовал словосочетание «пределы украинизации»). Безусловно, партия, по мнению коммуниста, не могла отказаться «от активной принудительной украинизации», но последняя должна применяться лишь в отношении «соответствующих аппаратов» (видимо, Семковский имеет в виду госучреждения). Всякое же искусственное форсирование украинизации («украинификация») в отношении населения вообще и «массового члена партии» в том числе, должна быть прекращена¹⁹⁸. Более того, «выделение русского населения

в городах в «конституционно» оформленное нацменьшинство является преждевременным», а «массам русского населения в городах (и особенно в рабочих районах) должно быть – и фактически, и программно – обеспечено достаточное административное обслуживание на родном языке, не исключая и высшей школы...»¹⁹⁹.

Тем же духом проникнуто письмо Н.И. Бухарину конца 1926 г., написанное неким А. Дятловым из Киева. Он озабочен тем, что «под флагом украинизации, необходимость которой вытекает не из «принципиальных» основ ленинской тактики, а из соображений чисто фактического характера, начинает протискиваться и завоевывать укромное, но прочное местечко мелкобуржуазное понимание проводимого мероприятия»²⁰⁰. На Украине, утверждал Дятлов, «проводится энергичное возрождение «своей, национальной, украинской культуры», организуются различные общества архимелкобуржуазного толка, проводится генеральное внедрение «украинской культуры» в общественный и индивидуальный быт, вплоть до ношения селянских козушков, смазных сапог и т. п.»²⁰¹. Организация всевозможных «академий по изучению Шевченко», украинизация научных учреждений и вузов, запрещение приема в аспиранты лиц без знания украинского языка и т. п. приводит, по мнению автора письма, к «возрождению украинской культуры мещанского толка»²⁰².

Дятлов предлагал не просто «оздоровить личный состав ответственных партработников», а «признать, что задачей партии является не украинизация пролетариата и не внедрение украинской культуры... а внедрение социалистической культуры, которая по своему существу интернациональна»²⁰³. «Ясно, – пишет он, – что никто не отрицает того, что партия должна внедрять социалистическую культуру среди украинцев на украинском языке, среди русских на русском...»²⁰⁴ Главное, по мнению автора письма, «устранить всякий принудительный характер украинизации, исходящий сверху». Все должно делаться на добровольной основе, хотя неизбежно «процесс вызре-

вания социализма... ведет, если хотите сказать, то к “русификации”...»²⁰⁵.

Хотя автор и не упоминал теорию борьбы двух культур Лебеда, но, без сомнения, относился к числу ее сторонников. Дятлов настаивает на том, что партия должна расширять социалистическую культуру на языке населения, среди которого работает, но не предпринимать никаких административных мер к ускорению этого процесса и тем более – внедрять украинский язык насильно. «Никакого принуждения! Никакого угнетения! Иначе... восторжествует культура украинского мещанства...»²⁰⁶ – призывает киевский большевик.

Положение русскоязычного населения на фоне проводимой украинизации волновало многих партийцев. Например, во время своего выступления на собрании партактива в Одессе в январе 1926 г. член ЦК КП(б)У Ф.Д. Корнюшин получил из зала несколько записок относительно украинизации. Одну из них он направил секретарю ЦК КП(б)У В.П. Затонскому. В записке некто Кравчук писал: «Для вас более, чем для кого другого, должно быть ясным, что подавляющее большинство населения в Одессе и на Одесщине составляют русские и евреи. Зачем же по-ребячьи тешить себя и других, что это не так. Ведь поголовная украинизация – подавляющим большинством неукраинского населения – есть акт насильственного действия, свойственный колонизаторской политике буржуазии... Ведь нынешняя линия ведет к искусственному ассимилированию русского и еврейского населения среди привилегированной украинской нации... Надо же снять, наконец, шоры с глаз и не душить свободу языка неукраинской нации. Долго ли ЦК КП(б)У будет заниматься насильственной украинизацией и к чему это поведет?»²⁰⁷

Подобные высказывания свидетельствуют о том, с каким напряженным вниманием на Украине следили за нововведениями большевиков в области языка и культуры, поскольку возросшее значение национальной культуры не могло пройти незамеченным в пестром по этническому составу обществе. Расширение сферы применения украин-

ского языка вызывало недовольство представителей русской культуры. Неудивительно, что чиновники всячески саботировали введение национальных языков в делопроизводство, а те слои населения, которые привыкли объясняться, читать и обучать своих детей на русском языке, не желали переучиваться.

В то же время национально настроенная часть общества, стремившаяся с помощью коренизации компенсировать неудачи в построении национального государства, выступала за ускорение ее темпов. В этих условиях большевистское руководство вынуждено было лавировать, то упрекая чиновников в «великодержавном шовинизме», то наказывая «буржуазных националистов», постоянно усиливая контроль за деятельностью интеллигенции. Лозунги, подобные выдвинутому Хвывелевым («Прочь от Москвы!»), были для центрального руководства потенциально опасны и вынуждали принимать решительные меры против «темной стороны украинизации», а в конечном итоге партийное руководство нацелилось на искоренение инакомыслия в национальной сфере.

Итак, первоначальная установка на коренизацию как стабилизирующий фактор в национальных республиках не соответствовала ожиданиям большевиков. Более того, в дальнейшем эта политика заложила основы многих последующих конфликтов.

Таким образом, украинизация существенно изменила облик Украины и в социальном, и в культурном, и в экономическом планах. Противопоставляя политику украинизации политике царского правительства на Украине, большевики создавали прочную базу для развития украинской культуры, что вело к вытеснению культуры русской и русскоязычной и изменяло облик Украины как таковой. Советское национальное строительство ориентировалось на пространственно очерченные этнизированные нации, составившие ядро союзных республик. Коренизация как метод воплощения теоретических установок большевиков в национальном вопросе позволяла придать этим республикам необходимый

внешний и внутренний национальный облик. Таким образом, украинизация существенным образом повлияла на становление украинской нации.

* * *

¹ Кульчицкий С.В. Україна між двома війнами (1921–1939 рр.). – Київ, 1999. С. 268.

² Там же. С. 270.

³ Там же. С. 272.

⁴ На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотношения. – М., 2004. С. 224–227.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Там же. С. 238.

⁷ См. Чешко С.В. Распад Советского Союза. – М., 2000. С. 196–217.

⁸ Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І. Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 67.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5677. Оп. 4. Ед. хр. 393. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 11.

¹¹ Там же. Ф. 6892. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 18; ед. хр. 11. Л. 2.

¹² Там же. Ед. хр. 5. Л. 18.

¹³ Там же. Ед. хр. 9. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 17–18.

¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 4. Л. 7–14, 91, 99.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 5. Л. 23.

²⁰ См. Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. – Київ, 1994; Борисёнок Е.Ю. Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между УССР и РСФСР в 1920-е годы // Родина. 1998. № 8. С. 111–115; Ее же. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. – М., 2005. С. 205–237.

²¹ Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І. Кордони України: історія та проблеми формування... С. 70.

- ²² ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 2673. Л. 80–94.
- ²³ Там же. Л. 36–37.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 120. Л. 57.
- ²⁵ Там же. Л. 60.
- ²⁶ Полный текст стенограммы встречи приведен Ю.И. Шаповалом. См. *Шаповал Ю.И. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії.* – Київ, 2001. С. 112.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М., 1992. С. 107–108.
- ³⁰ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. – Київ, 1997. С. 42–43.
- ³¹ Далее цит. по: *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине. – Харьков, 1926. С. 116.
- ³² Там же. С. 109.
- ³³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. – Київ, 2003. С. 70–78.
- ³⁴ Там же. С. 73.
- ³⁵ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. – Київ, 1997. С. 57–58.
- ³⁶ «Українізація» 1920–30-х років... С. 83–84.
- ³⁷ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2632. Арк. 5.
- ³⁸ На путях становления украинской и белорусской наций... С. 210.
- ³⁹ «Українізація» 1920–30-х років... С. 129.
- ⁴⁰ На путях становления украинской и белорусской наций... С. 213.
- ⁴¹ «Українізація» 1920–30-х років... С. 131.
- ⁴² Там же. С. 105.
- ⁴³ *Кравченко Б.* Указ. раб. С. 175.
- ⁴⁴ «Українізація» 1920-30-х років... С. 89.
- ⁴⁵ Там же. С. 91.
- ⁴⁶ Там же. С. 102.
- ⁴⁷ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 1660. Арк. 6.
- ⁴⁸ Там же. Спр. 1976. Арк. 18.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 136.
- ⁵⁰ *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки ХХ ст. – Київ, 1994. С. 41–45; «Українізація» 1920–30-х років... С. 100.

- ⁵¹ «Українізація» 1920-30-х років... С. 94, 96.
- ⁵² Там же. С. 102.
- ⁵³ Там же. С. 109.
- ⁵⁴ Там же. С. 140.
- ⁵⁵ «Українізація» 1920–30-х років... С. 145.
- ⁵⁶ Історія українського війська (1917–1995). – Львів, 1996. С. 231–232.
- ⁵⁷ «Українізація» 1920-30-х років... С. 152.
- ⁵⁸ Там же. С. 153.
- ⁵⁹ Там же. С. 155.
- ⁶⁰ Там же. С. 156.
- ⁶¹ Там же. С. 160.
- ⁶² Там же. С. 162.
- ⁶³ Рафальський О.О. Національні меншини України у ХХ столітті: Історіографічний нарис. – Київ, 2000. С. 128.
- ⁶⁴ Там же. С. 123–125.
- ⁶⁵ Там же. С. 130–131, 133.
- ⁶⁶ Национальная политика России: история и современность. – М., 1997. С. 283–284.
- ⁶⁷ «Українізація» 1920–30-х років... С. 275.
- ⁶⁸ XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1968. С. 486.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. – Київ, 1997. С. 154–155.
- ⁷¹ Там же. С. 154.
- ⁷² Кульчицький С.В. Україна між двома війнами (1921–1939 рр.)... С. 214.
- ⁷³ Там же. С. 198.
- ⁷⁴ Там же. С. 288.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Кравченко Б. Указ. соч. С. 173.
- ⁷⁸ Там же. С. 169.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Там же. С. 170.
- ⁸¹ Українська державність у ХХ столітті. Історико-політологічний аналіз. – Київ, 1996. С. 37.
- ⁸² См. подробнее Политичний терор і тероризм в Україні: ХІХ–ХХ ст. Історичні нариси. – Київ, 2002. С. 267 и далее.
- ⁸³ См. там же. С. 267.

- ⁸⁴ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Указ. раб. С. 34.
- ⁸⁵ Там же. С. 33, 37.
- ⁸⁶ Там же. С. 28.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же. С. 42.
- ⁸⁹ Там же. С. 31.
- ⁹⁰ Там же. С. 32.
- ⁹¹ Там же. С. 173.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Кульчицький С.В. Україна між двома війнами... С. 120.
- ⁹⁴ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991. – М., 1994. С. 25.
- ⁹⁵ Кравченко Б. Указ. раб. С. 141–142.
- ⁹⁶ Там же. С. 135, 195.
- ⁹⁷ Там же. С.135.
- ⁹⁸ «Українізація» 1920–30-х років... С. 184.
- ⁹⁹ См., например, материалы июньского пленума ЦК КП(б)У 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 1. Л. 79 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 79.
- ¹⁰¹ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Указ. раб. С. 19–20.
- ¹⁰² См. Чумак В.М. Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. Вип. 13. Схід і захід України: проблеми єднання. – Київ, 2001. С. 185–196.
- ¹⁰³ Комаренко Т.О., Шипович М.А. Влада і літературно-мистецька інтелігенція Радянської України: 20-ті роки ХХ ст. – Київ, 1999. С. 22–23.
- ¹⁰⁴ См. подробнее Собачко О.М. Літературні дискусії доби українізації в контексті процесів зміцнення тоталітаризму // Національна Академія наук України. Інститут політичних і етнонаціональних досліджень. Наукові записки. Вип. 13. Схід і захід України: проблеми єднання. – Київ, 2001. С. 197–204.
- ¹⁰⁵ Хвильовий М. Новели, оповідання. «Повість про санаторійну зону». «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. – Київ, 1995. С. 734.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 735.
- ¹⁰⁹ Цвілюк С.А. Українізація України: Тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. – Одеса, 2004. С. 65–66.

- ¹¹⁰ Большой отрывок из пьесы помещен в монографии С.А. Цвилюка. См. *Цвілюк С.А.* Указ. соч. С. 69.
- ¹¹¹ *Комаренко Т.О., Шипович М.А.* Влада і літературно-мистецька інтелігенція Радянської України: 20-ті роки ХХ ст. – Київ, 1999. С. 45–46.
- ¹¹² Там же. С. 35, 47–48.
- ¹¹³ Волобуєв М. До проблеми української економіки // *Більшовик України.* 1928. № 3. С. 44.
- ¹¹⁴ Там же. С. 49.
- ¹¹⁵ Там же. С. 51.
- ¹¹⁶ Там же. С. 59.
- ¹¹⁷ Там же. С. 61.
- ¹¹⁸ Украинская коммунистическая партия (УКП), основана в 1919 г. на базе вышедшего из Украинской социал-демократической рабочей партии левого крыла. Стояла на платформе украинского коммунизма (одной из разновидностей национал-коммунизма).
- ¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 11.
- ¹²⁰ Там же. С. 11 об.
- ¹²¹ Там же. Л. 12 об., 18 об.
- ¹²² ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 4127. Арк. 40.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 130. Л. 12.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. Л. 13.
- ¹²⁸ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 4171. Арк. 19.
- ¹²⁹ Там же. Арк. 21.
- ¹³⁰ *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Указ. соч. С. 44.
- ¹³¹ Цит. по: *Мейс Дж.* Микола Хвильовий // *Історія України в особах.* ХІХ–ХХ ст. – Київ, 1995. С. 374.
- ¹³² ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 2. Спр. 6220. Арк. 55.
- ¹³³ Там же. Арк. 56.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Указ. соч. С. 39.
- ¹³⁶ Там же. С. 40.
- ¹³⁷ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 4172. Арк. 33.
- ¹³⁸ Там же. Арк. 34.
- ¹³⁹ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2906. Арк. 19. Письмо без даты, предположительно – 1929 г., подпись – К. Цыбульский, член партии с 1905 г.

- ¹⁴⁰ Имеется в виду русское и еврейское население городов Украины. В период индустриализации в украинские города прибыло немало выходцев из украинского села.
- ¹⁴¹ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2631. Арк. 33.
- ¹⁴² Там же. Л. 34.
- ¹⁴³ Там же. Л. 38.
- ¹⁴⁴ *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине... С. 120. (В приложении приведен текст декрета.)
- ¹⁴⁵ ЦДАВО. Ф. 1. Оп. 3. Спр. 182. Арк. 26.
- ¹⁴⁶ Там же. Арк. 22.
- ¹⁴⁷ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2631. Арк. 10.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Там же. Арк. 11.
- ¹⁵¹ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2631. Арк. 9.
- ¹⁵² Там же. Спр. 4172. Арк. 17.
- ¹⁵³ К сожалению, документ не датирован. Однако можно предположить, что он относится к 1926 г.
- ¹⁵⁴ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2253. Арк. 91–92.
- ¹⁵⁵ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. – М., 1998. С. 183. В цитате сохранен стиль источника.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ *Майстренко И.* Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. – Едмонтон, 1985. С. 204, 206.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 207.
- ¹⁶⁰ За цілковиту українізацію! Чому треба вивчати українську мову та як її треба вивчати. – Дніпропетрівськ, 1929. С. 11.
- ¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 35.
- ¹⁶² Там же. Л. 31, 35.
- ¹⁶³ Там же. Л. 26.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 26–27.
- ¹⁶⁵ Там же. Ед. хр. 14. Л. 28.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 30.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 31.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 33.
- ¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 200.

- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ Там же. Л. 201.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ ЦДАВО. Ф. 1. Оп. 4. Спр. 616. Арк. 38–39.
- ¹⁷⁵ Там же. Арк. 39.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Точной даты документ не содержит.
- ¹⁷⁸ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 159. Арк. 45.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Там же. Арк. 46.
- ¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 130. Л. 71–72.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ Выступление на Киевской партийной конференции в марте 1923 г. Рукописный вариант выступления сохранился в архиве. См. ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2255. Арк. 12. См. также: Коммунист. 1923. 24 марта.
- ¹⁸⁴ Там же. Арк. 11.
- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ Там же. Арк. 20.
- ¹⁸⁸ Там же. Арк. 21.
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ Там же. Арк. 17–18.
- ¹⁹¹ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 1660. Арк. 13.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ Там же. Арк. 14.
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ Там же. Арк. 16.
- ¹⁹⁶ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2253. Арк. 20.
- ¹⁹⁷ Там же. Арк. 21.
- ¹⁹⁸ Там же. Арк. 22–23.
- ¹⁹⁹ Там же. Арк. 24–24 об.
- ²⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 130. Л. 4.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. Л. 4–5.

²⁰⁶ Там же. Л. 5.

²⁰⁷ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2247. Арк. 3.

Глава 3

**Подкововерные
сражения:
тактические маневры
большевиков вокруг
украинизации**

УКРАИНИЗАЦИЯ И ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В 1923–1928 гг.

Изложение Квинринга

КУРС НА КОРЕНИЗАЦИЮ был принят XII съездом РКП(б) в 1923 г. на фоне ожидания, что вот-вот произойдет революция и в Германии. Однако вскоре стало очевидно, что мировой пролетариат не спешит прийти на помощь революционной России, а тем временем в стране не прекращались экономические и политические кризисы, весьма опасные для неустойчивой новой власти. Большеви́стское руководство, столкнувшись с крайне тяжелой экономической и социальной ситуацией в стране после окончания Гражданской войны, вынуждено было ориентироваться на нэповскую социально-политическую модель. Как известно, последняя предусматривала административную рыночную экономику при жестком политическом режиме (фактически партийное управление страной при номинальной власти Советов, активная работа государственных карательных органов, система цензуры, лишение отдельных категорий граждан избирательных прав и т. д.).

Противоречия между жесткой системой политической власти и многоукладной рыночной экономикой выливались в острые кризисы (так называемые кризисы нэпа в 1923, 1925, 1927 гг.). Естественным итогом сложившейся ситуации было обострение противоречий в центральном партийном

руководстве вокруг вопроса о корректировке экономического курса, и эти противоречия усугубила борьба за власть после смерти Ленина в январе 1924 г. Первый этап такой борьбы заключался в противостоянии Л.Д. Троцкого так называемой «тройке», состоящей из Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина. При этом украинские партийные лидеры, особенно первый секретарь КП(б)У Э.И. Квиринг, принимали довольно активное участие в этой борьбе. Квиринг поддерживал «тройку» в ее борьбе с Троцким и активно помогал Сталину в устранении одного из главных украинских троцкистов – Х.Г. Раковского.

Именно личная позиция главы КП(б)У, как считают украинские историки, привела к тому, что курс на коренизацию поначалу реализовывался лишь на бумаге. Так, С.В. Кульчицкий полагает, что глава украинских коммунистов уделял мало внимания украинизации, поскольку полностью был поглощен внутрипартийной борьбой в Москве¹. Несмотря на принятые постановления и распоряжения, к практическому воплощению украинизации харьковское партийное руководство приступило далеко не сразу.

Участие Квиринга во внутрипартийной интриге в конечном счете определило его дальнейшую судьбу. Расстановка сил в Москве постепенно изменилась: уже в начале 1925 г. обозначилось расхождение Сталина с Зиновьевым и Каменевым по ключевым вопросам политической стратегии партии.

«Новая оппозиция» Зиновьева и Каменева пыталась изменить расстановку сил внутри партии в свою пользу и решила привлечь на свою сторону первого секретаря КП(б)У (с марта 1925 г. – генерального секретаря). Первая такая попытка состоялась, по-видимому, еще в январе 1925 г. Квиринг, прибывший вместе с другими украинскими коммунистами в Москву на пленум ЦК РКП(б), был приглашен Зиновьевым к нему на совещание. На этом совещании речь шла о смещении Сталина с поста генерального секретаря. «Тов. Квиринг об этом совещании и о том, что там обсуждалось, нам никому ничего не сказал»², – оправдывались позже украинские делегаты. Однако сторонники Сталина сра-

ботали оперативно – о совещании им стало известно уже на второй день.

Квириг же о своей договоренности с Зиновьевым и Каменевым молчал до тех пор, пока это было возможно. После «питерских событий» весны 1925 г., когда Зиновьев сделал попытку противопоставить центральному органу ЦК РКП(б) журналу «Большевик» собственный теоретический орган, украинские коммунисты собрались на совещание, чтобы «выразить свое отношение к происшедшим событиям». И только там, «и то не подробно», Квириг изложил «информацию об упомянутом совещании у т. Зиновьева»³. На состоявшемся в апреле 1925 г. пленуме ЦК КП(б)У говорилось, что эта история вызвала недоверие к Квиригу; было созвано заседание Политбюро, на котором поставили вопрос о «необходимости ухода тов. Квирига с поста генерального секретаря», с чем тот «вполне согласился»⁴.

В своих «Памятных записках» Л.М. Каганович так описывал дальнейшие события: «Осложнение и обострение борьбы с троцкистско-оппозиционными течениями в связи с новыми проявлениями антиленинской оппозиционности со стороны Зиновьева и Каменева и так называемой ленинградской оппозиции, обострение явлений националистических уклонов и местнических группировок... потребовали улучшения и укрепления руководства самого ЦК КП(б) Украины, которое на новом этапе обнаружило известные слабости»⁵.

Украинификация по Кагановичу

В МОСКВЕ СОСТОЯЛОСЬ совещание, в котором участвовали представители украинского Политбюро. Кандидатом на пост нового генерального секретаря ЦК КП(б)У был выдвинут секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов, а после его отказа – 32-летний Каганович. «Я заявил, что согласен поехать на Украину, тем более что я вырос как большевик и работал в подполье на Украине, но не уверен, справлюсь

ли с такой большой работой. Мои сомнения не нашли поддержки. В частности, товарищ Сталин доказывал их несостоятельность, а представители ЦК Украины обещали мне всяческую поддержку»⁶, – вспоминал позже Каганович. Таким образом, смена руководства украинской парторганизации была напрямую связана с борьбой против оппозиции в центре.

В Харькове Каганович приехал в апреле 1925 г., к пленуму ЦК и ЦКК КП(б)У, на котором он и был избран генеральным секретарем украинской компартии. К этому времени во внешнеполитической стратегии сталинского руководства произошли существенные изменения. Провал «германского октября» заставил по-новому взглянуть на послереволюционную реальность. Правда, еще несколько лет большевики, видимо, ожидали возобновления национально-классовой борьбы на своих западных рубежах, в связи с чем активно проводили диверсионную военно-подрывную работу в Польше. Как раз в 1925 г., 25 февраля, Политбюро ЦК РКП(б) в секретном постановлении приняло решение ликвидировать «активную разведку», то есть руководство диверсионными отрядами в Польше и соответствующую организацию связи и снабжения. Вся боевая и повстанческая работа передавалась в «полное подчинение коммунистических партий данной страны» и должна была вестись исключительно в интересах «революционной работы данной страны»⁷.

Большевицкое руководство хотя и рассчитывало определенное время на скорую мировую революцию, однако одновременно уделяло немало усилий сплочению недавно созданного Союза ССР и всячески противодействовало любым тенденциям, которые могли привести к дезинтеграции нового государственного образования. А таким дезинтегрирующим фактором относительно Украинской ССР могли стать украинские земли, оказавшиеся в составе других государств – Польши, Чехословакии и Румынии. При этом Польше уделили особое внимание, поскольку именно в ее состав входил пресловутый «украинский Пьемонт» – Гали-

ция, где украинское движение было развито значительно сильнее, нежели в Буковине или Подкарпатской Руси.

Советское руководство опасалось возможных шагов польских властей по «собираанию» украинских земель. Если учесть внешнеполитические убеждения Ю. Пилсудского, это была не выдуманная угроза. Именно с именем Пилсудского и его соратников связано такое специфическое направление восточной политики польского государства межвоенного периода, как «прометеизм». Напомним, что целью такой политики было разделить Советскую Россию по национальным «швам», свести ее границы к тем, какие были у России в XVI веке, а также расширить сферы политического и экономического влияния Польши на востоке путем создания федерации в составе Финляндии, балтийских государств, Белоруссии, Украины, крымского и казаческого государств, союза государств Кавказа⁸.

Особое внимание советского руководства к Польше на протяжении всех 1920-х гг. объясняется, в частности, тем, что начиная с 1919 г. западные соседи предпринимали попытки координировать свою политику в отношении Москвы. Так, в первой половине 1920-х гг. (1919–1926) состоялось около 60 различных «балтийских конференций» с участием Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши. Правда, Большой балтийский блок создать не удалось (в значительной степени из-за захвата поляками в октябре 1920 г. Вильно, ранее переданного большевиками Литве), однако эта идея постоянно беспокоила советских руководителей⁹.

К тому же еще в январе 1921 г. Польша заключила договор с Румынией о взаимных гарантиях на случай советской агрессии, а в апреле и июне 1921 г. были заключены пакты Румынии с Чехословакией и Югославией, что привело к окончательному оформлению Малой антанты. К тому же в феврале 1921 г. был заключен франко-польский, а в январе 1924 г. – франко-чехословацкий союзы, в результате чего эта сеть соглашений на рубежах СССР была укреплена поддержкой сильной военной европейской державы¹⁰. Как счи-

тают О.Н. Кен и А.И. Рупасов, «логика международных комбинаций придала Малой Антанте побочную антисоветскую функцию»¹¹.

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 3 апреля 1925 г. говорилось, что «факт создания блока из Прибалтийских стран, Польши и Румынии таит в себе непосредственную угрозу безопасности СССР». Эта настороженность сохранялась и в последующие годы. Так, 19 апреля 1928 г. на заседании Политбюро также отмечалось, что военная опасность угрожает Советскому Союзу главным образом со стороны Польши¹². В 1925 г. действиям по «разложению этого блока» уделялось большое внимание, и прекращение диверсионно-разведывательной работы в Польше должно было сыграть тут свою роль. Можно думать, что большевистское руководство предпочло перейти от подобных открытых действий к методу убеждения и продемонстрировать украинцам в Польше (а также в Чехословакии и Румынии) все преимущества социалистического общественного устройства. В феврале 1925 г. Политбюро принимает упомянутое выше решение о прекращении «активной разведки», а уже в апреле Л.М. Каганович оказывается в Харькове, где, с одной стороны, приступает к искоренению оппозиции, с другой – интенсифицирует процесс украинизации в республике.

Уже в июле 1925 г. на пленуме ЦК КП(б)У обсуждались вопросы «продолжающейся фракционной оппозиционной работы старых и вновь возрождаемых групп оппозиционеров и усиления более глубокой, идейно-принципиальной и организационной борьбы с ними; вопросы улучшения руководства парторганизациями со стороны ЦК»¹³. Это было особенно важно на фоне грядущих перевыборов партийных органов и подготовки к IX съезду КП(б)У, который должен был состояться в декабре 1925 г.

Для Кагановича было важно расширить ряды последовательных сторонников Сталина. Украинский ЦК организовал «выезд членов Политбюро ЦК КП(б)У на места». Сам Лазарь Моисеевич посетил те регионы, которые требовали постоянного контроля: Киев, Донбасс и Екатеринослав. По-

ездки предпринимались с целью «улучшения и укрепления общегосударственной и общепартийной дисциплины в направлении выполнения общепартийных и общегосударственных решений ЦК партии и Советского правительства»¹⁴. Каганович с гордостью подчеркивал, что все окружные и крупные районные конференции, состоявшиеся в конце 1925 г., «одобрили работу ЦК КП(б)У и особенно политику и деятельность ЦК РКП(б)». IX съезд КП(б)У также полностью одобрил «политическую и организационную линию ЦК РКП(б)» и «решительно осудил оппозиционные атаки на проводника ленинской линии – ЦК нашей партии»¹⁵. Сделано это было в основном при помощи жесткого административного нажима – оппозиционеры жаловались на «давление», «зажим» и «травлю» со стороны ЦК¹⁶.

За недовольными зорко следили органы госбезопасности. Так, 8 января 1926 г. председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий сообщал «всем членам Политбюро ЦК КП(б)У» и лично Кагановичу о настроениях в одесской парторганизации. Начальник одесского окружного отдела ГПУ доносил Балицкому о том, что «после XV-й партконференции [по-видимому, описка в документе, должно быть – XIV. – Е. Б.¹⁷] в отдельных ячейках Свердловского района принимаются оппозиционные резолюции, имеются случаи значительного числа голосовавших против и воздержавшихся. На некоторых собраниях ячеек Свердловского района также создавалось впечатление, что оппозиционерами руководит какая-то группа»¹⁸. Распространялись листовки «группы членов ВКП и ЛКСМ, стоящих на платформе т. Троцкого». Листовки имели целью «отмести от оппозиции те обвинения, которые предъявлены... ЦК и не находятся в прямой связи с сущностью вопросов разногласия. Сюда относятся: нарушение партдисциплины в системе проведения взглядов оппозиции, отход от ленинизма и меньшевистский уклон»¹⁹.

По подобным сигналам принимались оперативные решения, что дало возможность Кагановичу в своих «Памятных записках» констатировать: «Борясь с неотроцкистами-зиновьевцами, которые в период между XIV конференцией и

XIV съездом партии откатывались на антиленинские, троцкистские позиции, партия решительно отклонила троцкистско-зиновьевские позиции. В первых рядах борцов с ними была закалившаяся ленинская парторганизация Украины»²⁰.

В условиях упорной борьбы со сторонниками Зиновьева и Каменева Каганович не мог не думать о выдвижении новых кадров, всецело ему преданных. Уже на IX съезде КП(б)У (6–12 декабря 1925 г.) в состав ЦК были введены новые члены, среди которых были «выдающиеся рабочие-большевики». Для такого рода выдвиженцев украинизация открывала широкие возможности.

С первых же дней своего пребывания в должности главы украинских коммунистов уроженец деревни Кабаны Киевской губернии Каганович проявил себя ярким сторонником украинизации. Сразу же – уже 30 апреля 1925 г. – было принято постановление о срочном проведении полной украинизации и о переходе на украинское делопроизводство. Центральная всеукраинская комиссия по руководству украинизацией также была создана Кагановичем*.

Желания нового руководства сразу же стали понятны украинским коммунистам. Д.З. Лебедь, автор известной нам «теории борьбы двух культур», теперь выказывал свою лояльность и готовность проводить в жизнь решения партии по украинизации. В письме Кагановичу от 5 июня 1925 г. Лебедь писал: «То, что Вы уже начали проводить украинизацию, в этом меня убеждает первое заседание комиссии по украинизации. Все-таки надо иметь в виду, что сопротивление со стороны аппаратов центральных ведомств будет оказано основательное... Нам, очевидно, придется по проверке выделить несколько наиболее злостных случаев бюрократизма, волокиты, сопротивления и использовать для специального какого-нибудь судебного или иного процесса, чтобы тем самым взять тон в деле украинизации»²¹.

Лебедь предлагал создавать благоприятную «общественную атмосферу» в городах путем использования таких «ме-

* См. гл. 2.

лочей», как объявления, вывески, указатели в государственных ведомствах, учреждениях и частных организациях. Таким образом, то, что ранее многие называли «петлюровщиной», теперь стало вполне приемлемым и необходимым: если «Петлюра украинизацию начал с вывесок и плакатов, то теперь, по-моему, это не более не менее как средство, облегчающее создание положительной и общественной атмосферы вокруг дела украинизации»²².

Крушение «шумскизма»

МЕЖДУ ТЕМ, КАК УЖЕ ОТМЕЧАЛОСЬ, мероприятия по украинизации далеко не всегда и не везде получали поддержку и одобрение. В этой ситуации партийное руководство решило по-прежнему использовать в своих интересах бывших боротьбистов. Если в 1920–1923 гг. украинский Наркомпрос возглавлял Г.Ф. Гринько, то в 1924–1927 гг. этим учреждением руководил А.Я. Шумский. Активный сторонник украинизации, Шумский был недоволен ее темпами. Он считал, что генеральный секретарь КП(б)У уделяет этому вопросу незаслуженно мало внимания и придает украинизации формальный характер. Особую озабоченность Шумского вызывала роль пролетариата УССР в решении национального вопроса. Он отстаивал необходимость украинизации пролетариата: «Имея полную возможность обеспечивать свои культурные запросы по-русски, русские рабочие должны в то же время принимать активное участие и в украинском общественно-культурном строительстве»²³. По мнению Шумского, украинизация пролетариата на Украине способствовала бы «смычке» его с крестьянскими массами и нейтрализации воздействия на эти массы «буржуазной интеллигенции». «...В силу отсутствия у нас руководства общественно-культурным процессом интеллигенция начинает реставрировать утраченные в 1919 и 1920 гг. связи и влияние»²⁴ – вот чего опасался нарком просвещения.

Кроме того, Шумский был недоволен положением и численностью украинцев в партии. Исправить ситуацию он рассчитывал с помощью кадровых перестановок, настаивая на необходимости замены главы украинских коммунистов. Шумский предлагал назначить вместо Кагановича В.Я. Чубаря и обратился с этим предложением к Сталину. Тот решил сыграть роль «третьей стороны» и направил 26 апреля 1926 г. письмо «Л.М. Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б)У». Московскому генсеку не было резона менять состав Политбюро, а в роли главы украинской парторганизации ему был необходим именно преданный Каганович. Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе Шумского.

Сталин подверг резкой критике его позицию, особенно требование украинизировать пролетариат. «Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком – украинский, – писал Сталин. – Это противоречит принципу свободного развития национальностей»²⁵. В этом же письме было указано на «теневые» стороны «нового движения на Украине за украинскую культуру и общественность»: «Тов. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения – против ленинизма»²⁶.

Заслуживает особого внимания сталинская оценка ситуации на Украине как состояния «все более и более реальной» опасности²⁷. Сталин предупреждает членов Политбюро ЦК КП(б)У, что увлекаться украинизацией нельзя и что она должна носить прежде всего большевистский, советский характер. «Прав т. Шумский, утверждая, что руководящая верхушка на Украине... должна стать украинской. Но он

ошибается в темпе... Он забывает, что чисто украинских кадров не хватает пока для этого дела»²⁸.

Говоря об опасности, Сталин имел в виду прежде всего творчество Н. Хвывелего с его лозунгом «Геть від Москви». Приговор Шумскому и Хвывелевому был вынесен Сталиным окончательно и бесповоротно. «Тов. Шумский не понимает, – писал он, – что овладеть новым движением на Украине за украинскую культуру возможно лишь борясь с крайностями тов. Хвывелего в рядах коммунистов. Тов. Шумский не понимает, что только в борьбе с такими крайностями можно превратить подымающуюся украинскую культуру и украинскую общественность в культуру и общественность советскую»²⁹.

Украинские коммунисты составили ответ генеральному секретарю ЦК ВКП(б). Они писали: «...Нельзя отрицать... того, что несмотря на несомненный перелом в отношении широких партийных масс к украинизации, – мы еще далеко не изжили здесь настроений инерции и косности, в значительной мере связанных с остатками антагонизмов периода острой гражданской войны, принимавшей в отдельных случаях, в силу специфических особенностей Украины, национальную окраску»³⁰. «Инерция» и «косность» Шумского выражались в том, как «понимать украинскую культуру». Шумский «солидаризировался» в этом вопросе с Хвывелевым (впоследствии, когда разгорелась борьба с «хвывелизмом» и «национал-уклонизмом», эти фамилии очень часто упоминались рядом).

Члены Политбюро ЦК КП(б)У прекрасно отдавали себе отчет в возможных последствиях «ошибок Шумского». В условиях ожесточенной внутривластной борьбы в центре, опасаясь обвинений в создании очередного «уклона» или оппозиции, они решительно отмежевались от «эсеровского прошлого» наркома просвещения: «...Наше расхождение с т. Шумским по вопросу о вовлечении украинских работников заключается в том, что тов. Шумский и его единомышленники часто склонны понимать под украинскими работниками только украинцев по национальности и то не всех, а фактически – людей, имеющих стаж пребывания в наци-

онал-социалистических партиях [так в тексте. – Е. Б.] в прошлом, да и то лишь в том случае, если эти люди разделяют... ошибки тов. Шумского...»³¹

Шумский считал необходимым разъяснить свою позицию на состоявшемся 15 мая 1926 г., через три недели после появления упомянутого письма, заседании Политбюро ЦК КП(б)У. Отстаивая свою точку зрения на необходимость углубления украинизации, нарком просвещения коснулся главным образом трех моментов: положения украинцев в компартии, вопроса об украинизации пролетариата и творчества Хвильевого. «У нас был недавно съезд партии, и там никто даже не говорил на украинском языке», – возмущался Шумский. «А почему они не выступали? – задавал он вопрос и тут же отвечал на него: – Потому, что они в партии забыты, загнаны и составляют меньшинство даже арифметическое, не говоря уже о влиянии. Потому, что в партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу»³².

Горячность Шумского не могла не вызвать негодования его коллег по партийной верхушке, большинство из которых были русскими по происхождению или пользовались в быту исключительно русским языком. Причем последним досталось по первое число. «Господствует, – негодовал Шумский, – опираясь на презренный, шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно-лицемерен, рабски двоедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим лже-интернационализмом, бравивирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может, иногда и по-украински), если это дает возможность выслужиться и получить теплое местечко».

Основной вывод Шумского был категоричен: «Наша партия должна стать украинской по языку и по культуре»³³. Оратор с возмущением говорил и об отношении украинских большевиков к коммунистам – выходцам из других партий. Может ли «этот бывший боротьбист когда-нибудь изба-

виться от этого своего рода волчьего билета, каким является в настоящем его пребывание в прошлом в рядах украинской компартии [имеется в виду Украинская коммунистическая партия (боротьбистов). – Е. Б.], и что нужно для того, чтобы это – его революционное прошлое – не являлось какой-то каиновой печатью, мешающей ему быть полноправным гражданином в партии»³⁴.

В ответ на это заявление Шумского Каганович признал, что «отдельные факты в отношении затирания «бывших» имеются, этого оспаривать нельзя. Партия с этими извращениями борется и будет бороться, но нельзя, как это делает тов. Шумский, доказывать, будто это у нас такая общая система в партии»³⁵.

Невзирая на критику со стороны Сталина Шумский продолжал отстаивать необходимость украинизации пролетариата. «...У нас получается смычка интеллигенции с крестьянскими массами, а не пролетариата с крестьянством»³⁶, – негодует он, прекрасно отдавая себе отчет в том, какое положение может занять украинская интеллигенция благодаря проводимой компартией кампании по коренизации.

Нарком просвещения принялся защищать и Н. Хвылевого: «Нельзя же, говоря о Хвылевом, написавшем целые трактаты по вопросам литературы и искусства, выхватывать один отрывок из его произведений, одну лишь часть и по ней судить... Чем иначе объяснить, как не юношеским задором, такую логику, как “Росія самостійна? Самостійна. Ну, так і Україна самостійна”?»³⁷

Шумский не учел, что в позиции Хвылевого отчетливо просматривались отголоски недавней дискуссии о роли национальных республик в Союзе ССР, когда многие украинские коммунисты отстаивали большую самостоятельность Украины. Сепаратистские же устремления ряда украинских партийных лидеров вызывали серьезную озабоченность Москвы. Еще свежи были воспоминания о «конфедерализме» Раковского. Думается, высказывания Шумского в защиту Хвылевого принесли обоим больше вреда, нежели

пользы. Каганович не мог не насторожиться, памятуя о жесткой позиции Сталина, стремившегося не допустить расширения полномочий республиканских органов власти.

Ю.И. Шаповал справедливо отмечает, что именно письмо Сталина послужило толчком к развертыванию Кагановичем кампании против «национал-уклонизма»³⁸, причем Шумский был представлен как глава целой «опасной группы». Каганович вспоминал: «В процессе борьбы со взглядами Хвылевого... вскрылось, что среди части бывших боротьби-стов и других бывших социал-националистских партий во главе с Шумским сложилась опасная группа национал-уклонизма, с которой парторганизация большевиков Украины во главе со своим ЦК КП(б)У повела решительную борьбу»³⁹.

На состоявшемся в июне 1926 г. пленуме ЦК КП(б)У Каганович особо подчеркнул приоритет классового принципа. Хотя «Украина должна служить образцом и примером разрешения пролетариатом проблемы национального освобождения угнетенных масс», тем не менее «основной нашей задачей является строительство социализма и укрепление диктатуры рабочего класса...» Поэтому «само собой разумеется», что национальный вопрос подчинен «этим двум основным задачам»⁴⁰. Глава украинских коммунистов брал пример со Сталина: отвечая на XII съезде партии «одной группе товарищей», «слишком раздувшим национальный вопрос», последний также настаивал на приоритете социального вопроса перед национальным⁴¹.

В вопросе украинизации Каганович придерживался осторожной позиции, постоянно противопоставляя великорусскому шовинисту украинского националиста, а русскому коммунисту, не понимающему необходимости украинизации, – Хвылевого, которого «губит утеря классового подхода». При этом он предупреждал украинских большевиков об опасности «внутренней драки по национальному вопросу».

Так же осторожно глава КП(б)У решал вопрос о старых и новых большевистских кадрах. «Всякую возможность выдвигать свежих, здоровых, ведущих правильную линию украинских работников мы будем использовать... Но мы имеем

и попытку выступить против действительно старых большевистских кадров, при помощи которых строилась большевистская партия, на которых зиждилась ленинская партия»⁴². В такой позиции Кагановича отчетливо проглядывает манера его «друга и соратника» Сталина, предпочитавшего разыгрывать перед партией роль «золотой середины» в преддверии разгрома соперников.

Позиция Шумского подверглась на июньском пленуме ЦК КП(б)У 1926 г. беспощадной критике. Особо ожесточенный спор вызвал вопрос о бывших боротьбистах. Н.А. Скрыпник от лица большинства ЦК утверждал, что «бывшие боротьбисты – незалежники-укаписты – вошли в партию [большевиков. – Е. Б.], отказавшись от своих прежних ошибочных позиций», и настаивал на включении данного тезиса в резолюцию пленума. Шумский заявил, что «ошибок в партии боротьбистов не было и что ее отличие от партии большевиков было лишь в постановке национально-го вопроса». Однако под давлением большинства ЦК он вынужден был согласиться, что «ошибки имели место», но безуспешно продолжал настаивать на нецелесообразности упоминания о них в резолюции⁴³.

От Шумского требовали открытого признания ошибок, поскольку своими действиями тот поставил «под удар Политбюро, Центральный Комитет, всю партийную организацию Украины». Нарком просвещения сначала пытался доказать, что ему было «чрезвычайно трудно работать», причем ответственность за это он возлагал на генерального секретаря КП(б)У. В конце концов Шумский был вынужден заявить, что его предложение снять Кагановича являлось ошибочным, и выразить последнему свое доверие⁴⁴.

Каганович нейтрализует зиновьевцев

ЛЮБОПЫТНО, ЧТО КАГАНОВИЧ практически не принимал участия в полемике с Шумским, заняв выжидательную позицию. Это неудивительно, если принять

во внимание большой резонанс, который получили события на Украине. Оппозиция обращала особое внимание на перегибы украинизации в УССР. Так, в начале декабря 1926 г. Ю. Ларин направил в редакцию «Украинского большевика» статью, в которой обрушился на «перегибы национализма» на Украине. Резкой критике подверглись проявления «зоологического русофобства» в общественной жизни. Речь шла не столько о литературе (статьях Хвылевого), сколько о принудительной украинизации русскоязычного населения Украины. По мнению Ларина, совершенно недопустимо «устранение русского языка из общественной жизни (от собраний на рудниках и предприятиях до языка надписей в кино)»; переход профсоюзов на украинский язык, которого не понимало подавляющее большинство рабочих; применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения, и т. п.⁴⁵ «Недочеты украинизации, – писал Ларин, – объясняются тем, что некоторые местные партийные и государственные органы перегнули палку». Последствием же стала «не украинизация, а раздражение против украинизации», что подрывало основу «под действительным ростом украинской культуры»⁴⁶.

С аналогичных позиций критиковали национальную политику КП(б)У известные оппозиционеры Г.Е. Зиновьев и В.А. Ваганян. Весьма характерно заявление Зиновьева о том, что украинизация «льет воду на мельницу петлюровцев», что вызвало взрыв негодования среди украинских сторонников Сталина⁴⁷.

В этой ситуации Каганович, действуя по рекомендациям Сталина, решил выбить почву из-под ног сторонников оппозиции. На заседании Политбюро, посвященном народному образованию⁴⁸, он подверг резкой критике работу Наркомата просвещения. По существу Шумского обвиняли в ущемлении прав нацменьшинств. Например, в Одессе, «в которой из 9700 учеников, находящихся в школах, 3100 являются украинцами, 3156 русскими и 2926 евреями», все школы были украинизированы. Шумский попытался возразить: «Украинизированы с тем, чтобы перевести их потом в другие

школы». На это Каганович резонно заметил: «Так вы бы раньше перевели в другие школы, а потом уже украинизировали школы. Нельзя же лишать детей возможности обучаться на своем языке»⁴⁹.

Весьма грозно звучало обвинение Шумского в «утере классического подхода». В вину ему ставились некоторые учебные пособия, выпущенные украинским Наркомпросом. «Конечно, детям не следует преподавать глубокие научные анализы, но нужно, чтобы то, что преподается детям, было строго выдержано и соответствовало нашему коммунистическому мироощущению», – настаивал генеральный секретарь КП(б)У. Так, например, в пособии О. Курьило по начальной грамматике украинского языка «ни одного слова нет о деятелях партии, о Ленине, о советском правительстве»; в пособии по истории украинской литературы А.К. Дорошкевича «излагается содержание дискуссии, которая у нас была недавно по вопросам литературы», но совершенно не освещается позиция июньского пленума, осудившего творчество Хвильевого⁵⁰.

Вывод из всего этого был очевиден: все достижения украинизации являются результатом «серьезнейшей работы всей нашей партии» и «меньше всего в этом заслуга Наркомпроса, который не сумел охватить и руководить этим процессом, шедшим мимо Наркомпроса»⁵¹.

Пытаясь дискредитировать Шумского как главу Наркомпроса, Каганович на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У в феврале – марте 1927 г. заявил, что Комиссариат просвещения «дошел до невероятного развала». «Я думаю, что так могут поступать только люди, которые ставят интересы своей «парламентской» политики выше деловой работы по руководству крупнейшим и важнейшим наркоматом, только люди, для которых игра в дискуссию дороже крупнейших, важнейших задач нашего строительства», – с пафосом воскликнул генсек. И продолжал, уже обращаясь к новому наркому просвещения: «Я думаю, что тов. Скрыпник наконец упорядочит работу Наркомпроса, там очень длительное время руководитель почти не работал»⁵².

Кампания, развернутая против шумскизма, послужила причиной осложнения в отношениях между ВКП(б) и КПЗУ. Член ЦК КПЗУ К.А. Саврич (Максимович) заявил, что не видит принципиального расхождения Шумского с линией ЦК КП(б)У и поэтому не согласен с решениями об отзыве Шумского с Украины. Большинство КПЗУ во главе с Васильковым, Турянским, Максимовичем солидаризовалось с национал-коммунистами в КП(б)У в отношении сути, темпов и перспектив украинизации. На этой почве в 1927 г. и произошел первый конфликт между руководством КПЗУ и КП(б)У, переросший в идеологическую кампанию и приведший к расколу в КПЗУ. Руководство КП(б)У, по мнению большинства ЦК КПЗУ, сделало ряд отступлений от линии XII съезда, выразившихся в торможении темпов украинизации, недооценке украинизации пролетариата, формализме, кампании против «бывших» (то есть боротьбистов и укапистов). Раскол КПЗУ в 1927–1929 гг. ослабил ее влияние на Западной Украине и стал «началом конца». Следующий кризис КПЗУ произошел в 1933 г., он связан с разногласиями по поводу коллективизации и свертывания украинизации. В 1938 г. КПЗУ по решению Коминтерна прекратила свое существование.

Для публичного выражения своих убеждений Шумский выбрал не слишком удачное время. Возможно, кампания против Шумского развернулась именно в 1926–1927 гг. не случайно. В это время международное положение СССР начало ухудшаться. С весны 1926 г. обострились англо-советские отношения из-за поддержки Коминтерном всеобщей забастовки английских шахтеров. Летом 1926 г. во Франции к власти пришел антисоветски настроенный четвертый кабинет Пуанкаре. В 1927 г. положение стало еще сложнее: весной советское руководство тяжело переживало разгром коммунистического движения в Китае. Однако гораздо более серьезные последствия мог представлять разрыв дипломатических отношений с Великобританией (27 мая 1927 г.). В Москве опасались, что страны Запада предпримут военную акцию против СССР с помощью стран

Восточной Европы. В стране нарастала военная тревога, особенно после убийства советского посла П.Л. Войкова в Варшаве 7 июня 1927 г. Под угрозой войны сталинское руководство стремилось к уничтожению оппозиции. Сразу же после печального события в Варшаве ОГПУ расстреляло 20 «белогвардейцев», что было расценено мировым общественным мнением как возвращение красного террора. Весь год на организованных по всей стране партийных собраниях принимались резолюции, осуждающие «троцкистско-зиновьевский блок». Учитывая возможную внешнюю угрозу, сталинское руководство не могло допустить и других проявлений оппозиционности, особенно в граничащей с Польшей Украине.

К тому же центральное руководство вынуждено было учитывать и настроения большинства членов КП(б)У. Как справедливо замечают Дж. Мейс и В.Ф. Солдатенко, «пророссийски настроенные члены партии, а они составляли 2/3 от общего числа, были недовольны политикой украинизации, и существовала определенная угроза, что они могли примкнуть к так называемому “антипартийному блоку”»⁵³. С этим нельзя не согласиться, если учитывать, что открыто критиковать политику украинизации было небезопасно, а Зиновьев как раз придерживался негативной оценки национальной политики на Украине.

И Зиновьев, и Каганович, каждый по-своему, стремились заручиться поддержкой украинских коммунистов. Каганович сделал тактически верный ход, убрав Шумского с поста наркома просвещения. «Отстранение Шумского было политическим сигналом русским, что украинизация носит временный характер»⁵⁴, – пишут Мейс и Солдатенко. Каганович стремился заручиться поддержкой старых большевистских кадров на Украине, нейтрализовав слишком уж горячее «украинизаторское» рвение бывших боротьбистов.

Таким путем он мог получить опору среди украинцев-выдвиженцев, а одновременно помешать большинству членов КП(б)У свернуть к оппозиции. Отношение Кагановича к украинизации весьма ярко характеризует следующий

факт: несмотря на то что Лазарь Моисеевич выучил украинский язык, которого раньше не знал, говорил он на нем в основном тогда, когда было необходимо показать знание «мови». Так, выступая в июле 1928 г. на выпускном собрании курсов окружных работников, Каганович говорил о необходимости изучения чиновниками украинского языка исключительно по-русски. На просьбу с места говорить по-украински он заявил: «Я сегодня не выступаю по-украински исключительно потому, что страшно устал и голова болит... Я украинский язык знаю, но не настолько, чтобы думать по-украински»⁵⁵.

Таким образом, украинизационную политику большевиков следует рассматривать в контексте партийно-политической борьбы в РКП(б)-ВКП(б). В одном из писем Сталину Каганович писал: «3-го июня [1927 г. – Е. Б.] собираем пленум ЦК... придется остановиться на внутривнутрипартийных вопросах было бы очень хорошо если бы я имел кое-какие указания или материал хотя для меня ясно, что... придется [ставить] вопрос о Зиновьеве и вообще о разворачивающ [ейся] вновь фракционной работе ставить твердо и решительно у нас заметно оживление фракционной работы, они слабы, слабее чем в прошлом году в это время, но работу оппозиция разворачивает с той же беспардонностью не только в Харькове но и в других городах Украины (Николаев, Запорожье и т. д.) успех или правильнее не успех прежний, но внимание партии мы мобилизуем...»⁵⁶

Обратим внимание и на то, что Каганович, критикуя Шумского, стремился противопоставить его компартии. В своих воспоминаниях украинский генсек указывал на тесную связь различных «националистических уклонов» и оппозиции: «Нами... велась идейно-партийная борьба с группами, отражавшими и выражавшими в большей или меньшей степени идеи... буржуазных националистов и внутри партии оказывавшими поддержку троцкистскому оппозиционному блоку»⁵⁷.

Курс на украинизацию определялся не только программными положениями коммунистической партии, но и

сугубо политическими расчетами, а сама кампания приобрела немалое практическое значение в борьбе за власть. Перед Кагановичем стояли конкретные цели, обусловленные расстановкой сил во внутривнутрипартийной борьбе в центре. Защищая позиции Сталина на Украине, Каганович вынужден был постоянно бороться с «националистическими уклонами различного типа». На X съезде КП(б)У в ноябре 1927 г. он выступил с разоблачением ряда «выступлений в общепартийном масштабе, которые целиком поддерживают и прикрывают русский националистический уклон в рядах КП(б)У»⁵⁸. Инициаторами таких выступлений он считал Зиновьева, Ваганяна и Ларина. Они, «взяв под сомнение всю политику партии на Украине в области национального вопроса», наносили, по мнению Кагановича, непоправимый вред ВКП(б), поддерживая «шовинистический уклон в партийных рядах». По своему обыкновению, глава украинских коммунистов стремился проявлять объективность. Разоблачая Зиновьева, Ваганяна и Ларина, он указывал и на недопустимость «национального шовинизма Хвылевого», «серьезные ошибки» Шумского. «Несмотря на разный подход, несмотря на разные полюсы, уклон шовинизма великорусского – Зиновьева, Ваганяна, Ларина – и уклон Шумского имеют сходство, потому что корень у них один и тот же. Это – мелкобуржуазный мещанский национализм»⁵⁹, – подводил итоги генеральный секретарь КП(б)У.

Таким образом, Каганович, подражая Сталину, стремился вести борьбу на двух фронтах – и против великодержавного шовинизма, и против украинского национализма. В марте 1928 г. на активе харьковской парторганизации Каганович определил основные принципы национальной политики КП(б)У такими словами: «В своей политике, при проведении своей национальной линии мы ведем и будем вести решительную борьбу с теми элементами, которые не понимают нашей национальной политики или не хотят ее понять, будь то украинский уклонист, будь то русский уклонист... мы будем бороться со всей силой и против шовинизма украинского, и против шовинизма российского»⁶⁰.

Генеральный секретарь КП(б)У признавал, что борьба с оппозицией оказывала большое влияние на ход процесса украинизации. Так, с трибуны объединенного пленума ЦК и ЦКК 9 апреля 1928 г. он заявил: «Мы к делу подбора людей, к делу подбора работников в значительной мере подходили под политическим углом зрения, обеспечивающим единство партии, обеспечивающим правильную политическую линию»⁶¹. Действительно, низовой партийный аппарат при Кагановиче заметно обновился. Так, если в 1926 г. среди секретарей окружных партийных комитетов было только 26% украинцев, то в 1927 г. их было уже 46%, а в 1928 г. – 55%; среди секретарей районных партийных комитетов в 1927 г. было 48% украинцев, а через год – уже 60%⁶².

Подводя итоги своей работы на закрытом объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК КП(б)У 27 апреля 1928 г., Каганович заявил, что «в последний период мы изжили окончательно всякую семейственность и внесли в работу ПБ [Политбюро. – Е. Б.] исключительно деловой дух». Как бы то ни было, но в резолюции президиума ЦКК КП(б)У было отмечено, что «отзыв тов. Кагановича вредно отразится на состоянии украинской парторганизации, вызовет недоумение в умах членов партии, так как нет наличия тех причин, которые вызывают необходимость его ухода с Украины»⁶³.

Действительно, причин оставлять должность, таких как в случае Квиринга, у Кагановича не было. Ситуация была скорее противоположная: Каганович выполнил поставленные Сталиным задачи, и украинская парторганизация отныне стала верной сторонницей генсека ЦК ВКП(б). Отпала необходимость и в жестком контроле над действиями оппозиционеров на Украине. За четыре месяца до отъезда Кагановича из Харькова, в середине декабря 1927 г., XV съезд ВКП(б) поставил крест на партийной карьере Троцкого, Зиновьева и Каменева. Верный соратник нужен был Сталину уже в Москве.

Каганович так вспоминал беседу с генсеком о необходимости своего возвращения: «Перед нами новые организационные задачи, особенно в области подготовки и распределе-

ния кадров... У вас теперь новый опыт работы на Украине, да и старый московский опыт теперь очень пригодится в борьбе с поднявшими голову правыми, особенно в Москве во главе с Углановым, – так что давайте, без сопротивления и оговорок возвращайтесь в Москву. На Украине парторганизация устойчивей – пошлем туда товарища Косиора С.»⁶⁴. Украинская парторганизация стала «устойчивой»; в Москве же начинали с тревогой говорить о «правом уклоне» в партии. Лазарь Моисеевич нужен был теперь в качестве секретаря ЦК ВКП(б).

Таким образом, в 1925–1928 гг. на характер украинизации повлияло множество причин: это и внешнеполитические обстоятельства, и расстановка сил в центре, и национальные устремления украинской интеллигенции. Борьба Сталина с оппозицией вынудила сменить генерального секретаря КП(б)У – вышедшего из доверия Э.И. Квиринга – на верного Л.М. Кагановича. Украинизаторское рвение наркома просвещения А.Я. Шумского дало московским оппозиционерам основания заявить о господстве в УССР «зоологического русофобства».

Ответные действия Кагановича преследовали двоякую цель: не дать примкнуть к оппозиции тем украинским коммунистам, которые проявляли недовольство украинизацией, и направить украинизацию в нужное сталинскому руководству русло, не переходя пока к жестким репрессивным мерам в отношении ревностных ее сторонников. Успешно балансируя между «великодержавным шовинизмом» и «украинским национализмом», связав различного рода «уклоны» с «антипартийной оппозицией» в Москве, Каганович сумел обеспечить Сталину необходимую во внутривнутрипартийной борьбе поддержку одной из самых крупных республиканских партийных организаций, что оказало определенное воздействие на исход политической борьбы в центре.

КОНЕЦ 1920-х – НАЧАЛО 1930-х: НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ

Большевистская национал-романтика по Скрыпнику

В КОНЦЕ 1920-Х ГГ. УКРАИНИЗАЦИЯ В УССР вступила в новую фазу своего развития. О необходимости ее проведения по-прежнему говорилось на всех партийных форумах. Особенно активно политику украинизации проводил Н.А. Скрыпник, возглавлявший с 1927 г. Наркомпрос Украины. Позиция Скрыпника во многом определила успехи украинизации в этот период. Нарком просвещения считал развитие украинской культуры важным элементом построения социалистического общества. Скрыпник связывал культурно-просветительную работу с работой по строительству социалистической экономики и социализма в целом. С неграмотным рабочим реконструировать промышленность невозможно, так же как с неграмотным крестьянином невозможно поднять сельское хозяйство на более высокий технический уровень, утверждал Николай Алексеевич⁶⁵.

При этом Скрыпник не сомневался в том, что противопоставлять Украину остальному Советскому Союзу опасно. Критикуя позиции Хвылевого, Шумского и Волобуева, он указывал, что коммунист не должен противопоставлять интересы СССР и интересы УССР. «Кто стоит на позиции противоположных интересов Украины и СССР, тот сторонник

или русского, или украинского национализма», – утверждал глава украинского Наркомпроса⁶⁶. Точно так же следовало, по его мнению, рассматривать и вопросы взаимодействия национальных культур: достижения русской культуры и достижения украинской культуры, полученные на основе сотрудничества, послужат созданию международной пролетарской культуры на территории всего СССР. Однако никто не должен претендовать на гегемонию или фактическое (хотя бы и формальное) руководство или опеку в этой сфере⁶⁷.

Этой мысли Скрыпника полностью соответствует его территориальная концепция развития литературы, впервые выдвинутая в речи на открытии Института Шевченко в Харькове 15 апреля 1929 г. В соответствии с этой концепцией те или иные литературные произведения следовало относить к памятникам русской или украинской литературы в зависимости «от территории, на которой памятник складывался». Например, «Слово о полку Игореве» Скрыпник считал достоянием украинской литературы, а «Моление Даниила Заточника» – русской⁶⁸. В целом не отрицая влияния русской культуры на развитие украинского литературного процесса, Скрыпник считал, что новую украинскую литературу необходимо выводить из ее собственного литературного корня, из собственной истории: путь развития украинской литературы, украинской культуры – это путь самостоятельного развития украинской нации⁶⁹. В то же время Скрыпник отстаивал необходимость сотрудничества украинской литературы с русской, белорусской и др., однако – без претензий на руководство с чьей-либо стороны⁷⁰.

Скрыпник был убежденным сторонником единства украинского народа. Последнее обстоятельство оказало немалое влияние на его деятельность на посту наркома просвещения УССР. Как известно, в функции Наркомпроса в то время входило руководство не только системой образования, но и наукой, литературой, театром, кино, музыкой, изобразительным искусством. При Скрыпнике продолжилось поступление украинских кадров – в основном преподавательских

и научных – в УССР из-за рубежа, в том числе из Чехословакии (из Украинского свободного университета в Праге), с Западной Украины.

В целом связи между УССР и Западной Украиной были весьма разносторонними. Тут стоит особо отметить деятельность Всеукраинской академии наук (ВУАН) и ее исторической секции. В рамках последней действовала Комиссия истории Западной Украины, приглашавшая западноукраинских ученых на торжественные мероприятия в Киев. К примеру, весной 1927 г. состоялись публичные доклады в УССР К. Студинского о научной жизни в Галиции, И. Свенцицкого о старом галицийском искусстве, В. Симовича – о жизни Буковины. В октябре 1927 г. на заседании Комиссии истории Западной Украины выступали западноукраинские ученые Студинский, Ф. Колесса, М. Кордуба, О. Макарушка. В марте 1928 г. Кордуба принимал участие в торжественном заседании исторической секции ВУАН, посвященной 20-летию со дня смерти В.Б. Антоновича. В апреле 1929 г. в Киев приезжали Студинский и И. Крипьякевич для обсуждения дальнейшего сотрудничества галицийских ученых с исторической секцией ВУАН⁷¹.

Контакты с Западной Украиной не ограничивались только научной сферой. В конце 1920-х гг. на Советскую Украину приезжали западноукраинские культурные деятели. В 1928 г. состоялись гастроли композитора и пианиста В. Барвинского вместе с виолончелистом Б. Бережницким. На гастролях в Харьковской опере в 1928 г. побывал известный тенор О. Руснака. Штатным солистом в Одесском и Харьковском оперных театрах в 1927–1930 гг. работал М. Голинский. В 1927–1932 гг. дирижером в оперных театрах Харькова и Киева был композитор и пианист А. Рудницкий. В 1929 г. в УССР состоялись гастроли пианистки из Львова Л. Колесси⁷². Осуществлялся и книгообмен между УССР и Западной Украиной, который принял более стабильный характер с 1927 г., после подписания договора между книжным магазином Научного общества им. Шевченко (НТШ) во Львове и Государственным издательством Укра-

ины в Харькове⁷³. Об интенсивности такого обмена позволяют судить следующие цифры: за первое полугодие 1928 г. на адрес НТШ во Львове было отправлено 12 079 экземпляров и ожидалось выполнение добавочного заказа еще на 29 000 экземпляров⁷⁴. В свою очередь, произведения западноукраинских авторов печатались в УССР (О.Ю. Кобылянской, И.Я. Франко, О.С. Маковея, А.В. Крушельницкого и др.). Правда, гонорары при этом выплачивались нерегулярно⁷⁵. Научные и культурные контакты между УССР и Западной Украиной в конце 1920-х гг. были еще достаточно активными: они пошли на спад в начале 1930-х гг. и были сведены к минимуму только после 1933 г., когда Скрыпник покончил с собой, а репутация Советской Украины на западноукраинских землях была существенно подорвана после известий о массовом голоде⁷⁶.

Примечательно, что советская власть выделяла определенные суммы на деятельность западноукраинских научных и культурных организаций. Например, решение о субсидировании НТШ во Львове было принято еще в 1921 г. В украинской исторической литературе указываются размеры такой помощи: на 1927 г. было запланировано выдать НТШ дотацию в размере 24 000 руб. (примерно 12 000 долларов). Такой же размер субсидий сохранялся и в следующие годы, уменьшился он только в начале 1930-х гг.: на 1933 г. планировалось выделить 9000 долларов⁷⁷.

Оказывалась материальная помощь и отдельным представителям творческой интеллигенции на Западной Украине. В 1928 г. было принято решение о назначении пенсии украинским писателям О.Ю. Кобылянской, которая жила в Черновцах на Буковине, и В.С. Стефанику из Галиции⁷⁸. Правда, дело о выделении вспомоществования этим писателям продвигалось с большим трудом, особенно относительно Кобылянской. А.С. Рублев и Ю.А. Черченко пишут даже о «пенсионном скандале» в связи с задержкой выплаты денег⁷⁹. Однако в данном случае следует учитывать и внутренние обстоятельства СССР: именно в этот период центральное руководство было озабочено поиском средств для индус-

стриального развития и выдача валюты была сокращена по стране в целом. Впрочем, в этом же году была назначена пенсионная помощь вдове еще одного западноукраинского деятеля – ученого В. Гнатюка⁸⁰. Вообще же в начале 1930-х гг. правительство УССР перечисляло за границу деньги семи персональным пенсионерам республики на общую сумму 7920 руб. золотом. На Западной Украине, помимо вышеперечисленных деятелей, пенсию получала также вдова И. Франко – О. Франко⁸¹. Республиканские пенсии зарубежным гражданам были отменены только в мае 1934 г. (за исключением пенсии семье И. Франко)⁸².

Примером достаточно тесного сотрудничества интеллигенции УССР и Западной Украины служит Украинская правописная конференция, прошедшая в Харькове с 25 мая по 6 июня 1927 г. Состав участников конференции был достаточно широк. Помимо четырех представителей Наркомпроса, в ней принимали участие пять академиков, 28 профессоров лингвистики и филологов, 8 писателей, 7 журналистов и 8 учителей. С Западной Украины приехали известные украинские ученые К. Студинский, И. Свенцицкий и В. Симович. По решению конференции для продолжения работы над украинским правописанием была создана специальная государственная правописная комиссия во главе со Скрыпником. В сентябре 1928 г. правила украинского правописания были официально утверждены постановлением СНК УССР.

Разработанные комиссией нормы украинского правописания были результатом компромисса между центральноукраинской и западноукраинской лингвистическими школами⁸³. Наиболее острые споры вызвал вопрос об употреблении некоторых букв (л или ль, г или ġ) в словах иностранного происхождения. В конце концов было решено слова греческого происхождения передавать в украинском письме при помощи л и г, а слова из латыни и других европейских языков – ль и ġ⁸⁴. В то же время западная диалектная база была признана равноправной составляющей при создании языкового стандарта⁸⁵, что подтверждается трудами лексикографов того времени. Много галицийских слов и

выражений было включено и в Академический словарь – некоторые с пояснением их регионального употребления, некоторые – без такового. Галицийские слова и выражения были признаны нормальной составляющей литературного языка⁸⁶.

Таким образом, процесс украинификации в УССР шел на рубеже 1920–1930-х гг. еще достаточно интенсивно – в отличие от БССР, где уже с 1928 г. начался масштабный разгром национальной интеллигенции. Именно в этот период статистические данные об украинизации школ, печати и т. п. достигли своих вершин. Например, динамика украинизации начальной (трудовой, или школы социального воспитания) школы была следующей: в 1922 г. было 6105 украинских школ, в 1925 г. – 10 774, в 1930 г. – 14 430⁸⁷. Украинизация прессы достигла в 1930 г. 68,8%, а в 1932 г. эта цифра поднялась до 87,5%. К 1930 г. осталось только три крупные газеты на русском языке (в Одессе, Донецке и Мариуполе)⁸⁸. Что касается журналов, то в 1928 г. 71,2% из них издавались на украинском, а в следующем году эта цифра достигла 84%⁸⁹. Украинские книги в общей массе книжной продукции составляли: в 1925–1926 гг. – 45,8%, в 1927–1928 гг. – 53,9%, в 1931 г. – 76,9%⁹⁰.

В конце 1920-х гг. продолжал активно развиваться и украинский кинематограф. В 1927–1929 гг. в Киеве была построена новая киностудия, самая большая в Европе. В киноискусстве продолжала доминировать украинская проблематика⁹¹. Продолжалась и украинизация театрального искусства. Первоначально в этой сфере (особенно в оперных театрах) украинизация продвигалась с большим трудом. На конец ноября 1927 г. вся театральная сфера была украинизована только на 26%. Однако в начале 1930-х гг. русскоязычные театры были фактически вытеснены с Украины, а центральные театральные помещения перешли к украинским труппам. В 1931 г. в УССР было 66 украинских, 12 еврейских и 9 русских стационарных театров⁹².

«Правый уклон» и «польская угроза» как повод для сворачивания украинизации

ИТАК, НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг. на Украине продолжал осуществляться курс коренизации. Однако общий фон, на котором проходили украинизационные мероприятия, значительно изменился. В конце 1920-х гг. внимание всей страны было приковано к экономическим проблемам. Зимой 1927–1928 гг. разразился очередной кризис нэпа, продемонстрировавший необходимость принять активные меры для дальнейшего развития промышленности СССР. Как известно, трудности с хлебозаготовками, периодически возникавшие на всем протяжении 1920-х гг., с разрыванием индустриализации стали для центрального партийного руководства камнем преткновения. Хлеб был крайне нужен и растущему городскому населению, и как одна из главных статей экспорта для получения валютных средств для индустриализации.

В 1927 г. план хлебозаготовок провалился: государству удалось закупить хлеба почти в два раза меньше по сравнению с прошлым годом. Закупать оборудование было не на что, и намеченные высокие темпы индустриализации оказались под угрозой. Разница цен между сельскохозяйственной и промышленной продукцией оставалась высокой. Промышленность, ориентировавшаяся на выполнение индустриальных планов, не обеспечивала необходимого наличия промышленных товаров, а крестьяне задерживали продажу излишков государственным органам. В результате магазины оставались пустыми, продовольствия в городах не хватало, что приводило к общему недовольству и социальной напряженности.

В этих условиях сталинское руководство решило прибегнуть к чрезвычайным мерам при выполнении плана хлебозаготовок. В начале января 1928 г. секретариат ЦК ВКП(б) выпустил директивы местным парторганизациям о созда-

нии специальных заградительных отрядов, которые должны были блокировать хлебопроизводящие районы и отбирать хлеб у крестьян. 14 января Политбюро утвердило это решение, а руководящие партийные работники лично возглавили кампанию в регионах⁹³. Одним из таких работников был В.М. Молотов, инспектировавший Украину несколько раз: в конце 1927 – начале 1928 г., в 1931 и 1932 гг. Крайне любопытен отчет о первой поездке. Кстати, она состоялась еще до принятия вышеупомянутого решения Политбюро, с 28 декабря 1927 г. по 6 января 1928 г.

Возможно, наблюдения Молотова оказали какое-то влияние на решение Сталина по ужесточению мер в отношении крестьян. В отчете о командировке Молотов писал: «Имевшаяся у меня возможность ознакомиться с многими фактами местной работы дает основание остановиться не только на ряде важнейших вопросов для хлебозаготовительной кампании, но и на отдельных существенных вопросах из области практической работы партийных, советских и кооперативных органов в целом»⁹⁴. Отдавая должное важности выполнения хлебозаготовок на Украине, высокопоставленный наблюдатель отмечал: «Начиная с октября, хлебозаготовки из месяца в месяц падали»⁹⁵.

Причину такого положения дел Молотов усмотрел в отношении к хлебозаготовкам большинства руководящих работников Украины. Последних успокаивал тот факт, что абсолютный размер хлебозаготовок пока превышал соответствующие цифры прошлого года. Но, что особенно важно, украинские руководители «исходили из своего [подчеркнуто в оригинале. – Е. Б.] ноябрьского постановления об уменьшении плана хлебозаготовок»⁹⁶. Последнее замечание Молотова не могло не обеспокоить сталинское руководство, делавшее ставку на беспрекословное подчинение нижестоящих организаций. А в данном случае налицо было самоуправство.

Молотов отметил отсутствие «элементарной четкости и дисциплины» в деле хлебозаготовок: не было поставлено четкое задание со стороны Наркомторга СССР, на Украине

существовали «свои» планы не только в республиканском руководстве, но и на уровне окружных центров⁹⁷. Такую ситуацию Молотов объяснил тем, что «в связи с предсъездовской обстановкой внимание партийных организаций было отвлечено в сторону оппозиции. Вопросу о хлебозаготовках не уделялось серьезного внимания»⁹⁸. Насколько внимательно отнесся Сталин к такой позиции украинского руководства в отношении хлебозаготовок, покажет 1932 г.

Поездка Молотова на Украину в конце 1927 – начале 1928 г. выявила широко распространенные так называемые хвостистские настроения в сельских и городских партийных организациях. Это явление было характерно не только для УССР, но и для всей страны в целом: партийцы ориентировались преимущественно не на директивы высшего руководства, а на настроения «отсталых» масс, то есть, на языке того времени, «плелись у них в хвосте». По данным ОГПУ, многие сельские ячейки выступали против мероприятий, проводимых на селе, и проваливали работу самообложения. В городских заводских парторганизациях были зафиксированы многочисленные случаи, когда коммунисты и комсомольцы возглавляли «волынщиков», от имени рабочих подавали коллективные заявления о пересмотре норм и расценок, призывали рабочих к бойкоту заводских собраний. Впрочем, бывали случаи и прямо противоположные: в период хлебозаготовительного кризиса 1928–1929 гг. по инициативе некоторых деревенских партячек проводились облавы и обыски в поисках спрятанного хлеба, бывали случаи и прямых угроз в адрес крестьян со стороны деревенских активистов и т. п.

Жесткая политика Сталина послужила основанием для новых дискуссий внутри правящей партии. Постепенно сформировалась «правая» оппозиция, призывавшая прибегнуть к более гибким методам выхода из экономического кризиса. Во главе противников сталинских методов стояли главный редактор «Правды» Н.И. Бухарин, председатель СНК СССР А.И. Рыков и руководитель профсоюзов М.П. Томский. «Правые» скептически относились к идее

массовой коллективизации и грандиозным индустриальным планам: индустриализацию, по их мнению, нельзя было проводить на разорении страны и развале сельского хозяйства.

Борьба сталинского руководства с «правыми» продолжалась весь 1928 г. Решающая дискуссия между Бухариным и Сталиным произошла в апреле 1929 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Пленум 300 голосами против 13 осудил «правый уклон». Проведенная вслед за пленумом XVI партийная конференция отклонила призывы снизить темпы индустриализации и наметила план подъема сельского хозяйства за счет организации «крупного социалистического земледелия» – колхозов и совхозов.

Таким образом, дальнейший путь развития страны был predetermined. Это было директивное централизованное планирование и перестройка всей системы управления народным хозяйством, введение единоначалия, личная ответственность руководства за выполнение плана, интенсификация трудового процесса. Естественным следствием нового курса партийного руководства стала политическая напряженность в массах – и на селе, и в городе. Деревня была недовольна политикой коллективизации. Крестьяне сопротивлялись как могли: в массовом порядке забивали скот, писали письма в Москву и, наконец, оказывали вооруженное сопротивление. Особенно тяжелая ситуация складывалась в 1930 г.: за январь – март состоялось не менее 2200 массовых крестьянских выступлений (почти 800 тыс. человек)⁹⁹. Зимой 1930 г. подразделения стрелковой дивизии ОГПУ им. Дзержинского вели бои с «кулацкими бандами» в Центрально-Черноземной области, Северном и Нижневолжском краях, на Урале, в Башкирии и Дагестане¹⁰⁰. Непокойно было на Украине и Северном Кавказе. При этом на Украине половина общего числа массовых выступлений весной 1930 г. (с 20 февраля по 2 апреля) произошла в пограничных округах¹⁰¹.

Ситуация в городе была не лучше. К началу 1929 г. во всех городах СССР была введена карточная система. Однако и

она не всегда помогала, поскольку в условиях продовольственного кризиса нормы снабжения не выполнялись. Органы ГПУ фиксировали распространение «нездоровых настроений» в рабочей среде. Всюду слышался вопрос: «Почему нет хлеба?» «Как не стыдно врать о наших достижениях?» – возмущались рабочие¹⁰².

Сталинское руководство опасалось, что внутренний кризис используют иностранные интервенты, а Западная Украина и Западная Белоруссия станут плацдармами для борьбы против УССР и БССР. В связи с развернувшейся коллективизацией начались, как уже было сказано, крестьянские волнения и в западных пограничных округах СССР. Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1930 г. вынесло решение о выселении кулацкого элемента, при этом двенадцать западных пограничных округов приравнивались к районам сплошной коллективизации по программе проводимых репрессий¹⁰³. В связи с этим советское руководство всерьез опасалось польского вмешательства в социально-политический кризис в западных округах УССР и БССР.

В решении Политбюро от 11 марта 1930 г. говорилось: «По имеющимся данным, есть основание предположить, что в случае серьезных кулацко-крестьянских выступлений в Правобережной Украине и Белоруссии, особенно в связи с предстоящим выселением из приграничных районов польско-кулацких и контрреволюционных элементов, – польское правительство может пойти на вмешательство».

Действительно, отношения между СССР и Польшей в 1929 г. опять обострились. В апреле 1929 г. разгорелся скандал по делу Апанасевича, сотрудника торгпредства СССР в Польше: 4 апреля, находясь проездом в Барановичах, он открыл огонь из личного оружия по польским полицейским. После этого он попытался покончить жизнь самоубийством, но неудачно, был арестован и двумя днями позже, находясь в заключении, скончался. Этот инцидент использовался для развертывания антипольской кампании в советской печати, что, в свою очередь, вызвало ужесточение тона польской прессы.

Антипольские настроения были характерны не только для печати. В июне 1929 г. в Грузии и других закавказских республиках была проведена серия акций протеста против поддержки Польшей грузинской политической эмиграции, причем две десятитысячные «стихийные демонстрации протеста» в качестве главного лозунга выдвинули требование «удаления польского консульства из Тифлиса». Напряженность польско-советских отношений сохранялась и дальше. В декабре 1929 – январе 1930 г. разгорелся скандал, когда двух сотрудников польского консульства в Киеве обвинили в военном шпионаже. Советская сторона выдвинула официальное требование об их высылке из СССР. Польша, в свою очередь, потребовала выезда четырех сотрудников советских полпредства и торгпредства.

Особенно острой ситуация стала весной 1930 г. ОГПУ отмечало, что на территории УССР поляки усилили шпионаж и «контрреволюционную агитацию» и даже использовали в этих целях радио. К тому же с конца февраля 1930 г. в официальной польской печати все чаще стали встречаться антисоветские лозунги, и полпред в Варшаве просил разъяснений относительно «травли СССР» и «прямых призывов к интервенции» в польской печати. Реакции польских правительственных и военных кругов на события в СССР оставались в центре внимания Москвы на протяжении всей первой половины марта 1930 г. Опасаясь военных действий со стороны Польши, сталинское руководство с напряженным вниманием относилось к любым известиям с западной границы. Например, военные сообщали о полете над Правобережьем трех польских аэропланов в ночь с 16 на 17 марта, о чем был даже сделан соответствующий запрос в МИД Польши. Отнюдь не добавила оптимизма и найденная 26 апреля 1930 г. в здании полпредства СССР в Варшаве бомба с часовым механизмом.

Опасаясь вмешательства извне во внутренние дела страны, сталинское руководство использовало все средства для поддержания жесткого контроля над настроениями в обществе – и пропагандистские, и репрессивные. В начале 1931 г.

советская пропаганда широко использовала факты жестокого подавления («пацификации») антиправительственных выступлений украинского населения в Польше. Например, в кулуарах XII Всеукраинского Съезда Советов в марте 1931 г. была развернута выставка, посвященная «пацификации», выступления многих ораторов также носили антипольский характер, в связи с чем миссия Польши в Москве вручила НКВД ноту протеста¹⁰⁴.

Опасаясь появления внутри страны «пятой колонны», сталинское руководство стремилось сделать из партийных и общественных организаций послушных исполнителей принятых «наверху» решений. Устранить потенциальную внутреннюю опасность со стороны инакомыслящих и одновременно направить массовое недовольство экономическими неурядицами на потенциальных противников режима – руководство попыталось добиться всего этого с помощью репрессивных мер. По справедливому выводу российских исследователей, «ставка на революционную чрезвычайщину требовала организации кампаний на борьбу с не только явной оппозицией внутри партии, но и с потенциальной в беспартийной среде»¹⁰⁵. В стране был «раскрыт» ряд дел о вредительстве «спецов» и антисоветских буржуазных партий, направленных против остатков дореволюционной интеллигенции – особенно технической и научной.

Печально знаменитое «Шахтинское дело» в Донбассе (1928) стало шагом в этом направлении. В том же году начались аресты по делу о «контрреволюционной организации на железнодорожном транспорте и золотоплатиновой промышленности Союза». Были казнены три крупнейших специалиста этих отраслей экономики: начальник экономической секции центрально-планового управления НКПС Н.К. фон Мекк, член Президиума Всесоюзной ассоциации инженеров А.Ф. Величко и профессор Ленинградского горного института П.А. Пальчинский. В 1929 г. прошли еще два процесса технических специалистов-вредителей в Брянске (на заводе «Красный Профинтерн») и Ленинграде (дело «Судотреста»), а в следующем году была «раскрыта»

«контрреволюционная организация вредителей рабочего снабжения», охватившая все организации производства и поставок продовольствия (Союзрыба, Союзмясо, Союзконсерв, Союзплодоовощ и др.).

Начались репрессии и против научной интеллигенции, а также остатков небольшевистских партий. Осенью 1930 г. было объявлено о раскрытии контрреволюционной организации – Трудовой крестьянской партии, которую якобы возглавляли экономисты Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, Л.Н. Юровский, ученый-агроном А.Г. Дояренко и другие. В конце 1930 г. в Москве состоялся процесс Промпартии. К суду были привлечены авторитетные технические специалисты, обвиненные во вредительстве и контрреволюционной деятельности (Л.К. Рамзин, В.А. Ларичев, И.А. Калинин, Н.Ф. Чарновский, А.А. Федотов, С.В. Куприянов и другие). Буквально через несколько месяцев в Москве прошел другой политический процесс, на этот раз – по делу так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков). К суду были привлечены 14 человек, среди них член президиума Госплана СССР В.Г. Громан, член правления Госбанка В.В. Шер, экономист А.М. Гинзбург, ответственный работник Наркомторга СССР М.П. Якубович, профессор политэкономии И.И. Рубин и другие. И это лишь самые крупные «дела», помимо них существовало еще и несколько «заговоров» в сфере промышленности, торговли и на транспорте. В народе тюрьмы стали даже называть «домиками отдыха инженеров и техников».

Превентивные меры были предприняты повсеместно, однако Украине уделялось повышенное внимание из-за особого отношения к ней со стороны Польши. Сепаратистские настроения в этой республике, проявившиеся еще в период образования СССР, не утихали, тем более что политика коренизации создала для этого питательную среду. Сталинское руководство учитывало, что в УССР украинизация не только способствовала росту национального самосознания среди украинского населения, но и существенно обновила лицо партийной массы за счет представителей «коренной

национальности». Увеличение численности украинцев в КП(б)У при Кагановиче на фоне хозяйственных трудностей требовало от руководства республики постоянного контроля за настроением среди партийцев, чтобы не допустить появления новых «уклонов» от «генеральной линии ВКП(б)» и одновременно не дать низовым партийным организациям скатиться к «хвостизму».

На Украине новая установка сверху на борьбу с «правой» опасностью, «правым уклоном» в партии влекла за собой организацию сменявших друг друга кампаний по борьбе с проявлением инакомыслия. С одной стороны, на республиканских партийных форумах продолжали поносить троцкистов. Приведем характерный пример. На конференции КП(б)У в апреле 1929 г. глава украинского ГПУ В.А. Балицкий заявил, что на Украине троцкисты «проявляли неоднократные активные выступления в целом ряде... городов, в крупных центрах – в Киеве, Одессе, Харькове»¹⁰⁶. Это якобы выражалось в появлении пропагандистской подпольной печати, отдельных выступлениях, а также в «форме террора»: Балицкий торжественно объявил, что были раскрыты две «террористические группы троцкистской молодежи», одна из которых даже «готовила покушение на жизнь тов. Сталина»¹⁰⁷. Однако, согласно Балицкому, на тот момент перед партией стояла уже другая задача: «избавиться от скрытых одиночек» – сторонников Троцкого¹⁰⁸. Отмечая особенность текущего момента, глава ГПУ признавал, что «сейчас на антисоветские настроения в стране в значительной мере влияет правый уклон»¹⁰⁹. Это подтвердил в своей речи и С.В. Косиор. «Надо твердо усвоить, – заявил лидер украинских коммунистов, – что главными дезорганизаторами нашей работы, всего революционного движения являются правые элементы и примиренцы как в ВКП, так и во всем Коминтерне»¹¹⁰.

Однако, в отличие от Троцкого и Зиновьева с Каменевым, «правые» закрепиться сколько-нибудь прочно на Украине так и не сумели. Об этом говорится, например, в материалах к отчету ЦК КП(б)У на XI съезде КП(б)У в мае 1930 г.: «За

исключением некоторых отдельных выступлений на партийных собраниях и конференциях о согласии со взглядами правых на индустриализацию и с их взглядом на политику партии на селе, сколько-нибудь организованных, оформленных, открытых выступлений правой оппозиции на Украине мы не имели»¹¹¹.

Поиски и разгром национал-уклонистов

КАК И В ПРЕЖНИЕ ГОДЫ, украинский ЦК продолжал лавировать между двумя опасностями. Так, состоявшийся в июне 1930 г. XI съезд КП(б)У снова осудил «шумскизм», «хвылевизм» и «волобуевщину». А материалы по отчету ЦК XI съезду КП(б)У трактовали борьбу с националистическими уклонами вполне миролюбиво. «Националистические уклоны, как со стороны великодержавного шовинизма и со стороны украинского национализма, сказывались за последние два года в жизни нашей украинской парторганизации с меньшей остротой...»¹¹² – отмечалось в документе.

Действительно, в этот период КП(б)У не занималась разоблачением новых «уклонов»: основное внимание сталинского руководства в этот период было приковано к старой интеллигенции, к которой большевики относились с подозрением с самого начала. Но уже в конце 1920-х гг. был предпринят ряд репрессивных мер в отношении украинской интеллигенции, главным образом старшего поколения. 3 ноября 1929 г. Балицкий доложил на заседании Политбюро ЦК КП(б)У о раскрытии и ликвидации контрреволюционной организации «Союз освобождения Украины» (СВУ), целью которой была реставрация капиталистического строя, возвращение помещиков и закабаление рабочих и крестьян Украины¹¹³. В конце ноября о СВУ писали уже все газеты. По этому делу приговор был вынесен 45 деятелям украинской науки и культуры: академиком С. Ефремову

(по мнению ГПУ, он возглавлял эту контрреволюционную организацию) и М. Слабченко, политическому и церковному деятелю, бывшему премьер-министру УНР В. Чеховскому, историку И. Гермайзе, писателю и литературному критику А. Никовскому, писательнице Л. Старицкой-Черняховской...¹¹⁴

Арест академиком Ефремова и Слабченко был большим ударом по Всеукраинской академии наук. Агент ГПУ сообщил, что «в ВУАН царит полная растерянность, так как ожидают, что вскоре после разгрома «ефремовцев» ГПУ примется за партию академика Грушевского...»¹¹⁵ В течение 1929–1930 гг. появляются доносы о том, что Грушевский якобы руководит «контрреволюционной организацией». И вскоре, в 1931 г., появилось новое «дело» – Украинского национального центра (УНЦ), и первоначально роль «главаря» этой организации отводилась М.С. Грушевскому. Впрочем, несмотря на арест (28 марта 1931 г.), Грушевскому удалось избежать печальной участи, и заранее предназначенную ему роль сыграли другие. По-видимому, партийное руководство посчитало действия в отношении Грушевского преждевременными, и вскоре после ареста академик был освобожден. Учитывая судьбу других участников процесса УНЦ, Грушевскому явно повезло. Возможно, за него ходатайствовали какие-то влиятельные лица. По мнению украинских исследователей, это мог быть двоюродный брат Грушевского Г.И. Ломов-Оппоков – член Политбюро ЦК КП(б)У, заместитель председателя Госплана СССР (в 1931–1933 гг.) или же тогдашний нарком финансов СССР Г.Ф. Гринько (оба в конце 1930-х гг. были объявлены «врагами народа» и расстреляны)¹¹⁶. Однако представляется маловероятным, что они либо кто другой смог бы кардинальным образом повлиять на решение, принятое на самом верху. Ход расследования контролировал лично Г.Г. Ягода. Поэтому вряд ли кто-либо помимо Сталина мог взять на себя ответственность за освобождение «контрреволюционера Грушевского». Дело УНЦ замысливалось как самое масштабное: по нему были привлечены 50 человек и среди них украинский

историк М.И. Яворский, а также бывшие члены КПЗУ. Кроме того, были арестованы 14 уроженцев западноукраинских земель¹¹⁷.

В. Пристайко и Ю. Шаповал подробно рассмотрели весь процесс фабрикации чекистами дела УНЦ¹¹⁸. Украинский национальный центр, по мнению чекистов, обязан был контактировать с СВУ, «Войсковой офицерской организацией», а также с «Промпартией» и контрреволюционными организациями на территории Белоруссии и Грузии, не говоря уже о зарубежных эмигрантских центрах. УНЦ был объявлен блоком украинских антисоветских партий, отдельных групп и формирований, а также бывших членов контрреволюционной Центральной Рады.

Одновременно сталинское руководство стало выстраивать систему управления наукой и культурой в соответствии с «принципами социалистического строительства и потребностями трудящихся масс». На рубеже 1920–1930-х гг. происходила унификация сферы культурного строительства: всех ступеней образования в СССР, Академии наук СССР и союзных республик, системы творческих союзов и т. п. В 1930 г. повсеместно было введено обязательное четырехлетнее образование, а для городов и промышленных районов – семилетнее с профессионально-техническим (фабрично-заводским) уклоном. Общеобразовательные программы были унифицированы. В 1929–1930 гг. была перестроена вся система высшего и среднетехнического образования. Срок обучения в технических вузах сокращался с 5 до 3 лет. Старшие классы общеобразовательных школ превращались в техникумы, часть техникумов – в вузы, ряд политехнических институтов, многоотраслевых вузов и техникумов был разукрупнен. Произошли изменения и в системе Академии наук. В 1930 г. АН СССР перешла в ведение Ученого комитета ЦИК СССР. Был принят новый академический устав. Резко увеличилось количество научно-исследовательских учреждений, особенно промышленных институтов. В сфере общественных наук произошла резкая политизация. Был принят курс на постепенную лик-

видацию плюрализма периода нэпа в области художественного творчества, велась подготовка к формированию единых творческих союзов.

Управление всеми областями науки и культуры переходило на административные методы. Основополагающими принципами здесь оставалось обеспечение «четкой классово-вой линии» в работе коммунистов на «культурном фронте», усилилась политизация и идеологизация сферы культуры. И в центре, и в республиках партийные органы очень внимательно относились к новым книгам и пьесам, оценивая их «идеологическую выдержанность». Так, на Украине под лозунгом борьбы с «местным национализмом» был запрещен памфлет Хвильевого «Украина или Малороссия?», подвергнут острой критике новый роман писателя «Вальдшнепы». Раскритикованы были и новые пьесы Кулиша «Народный Малахий» и «Мина Мазайло», а серия портретов М. Бойчука была названа «формалистической».

Впрочем, в Москве и Ленинграде интеллигенция чувствовала себя ничуть не лучше, чем в Киеве и Харькове. Критике подвергались отнюдь не только украинские писатели: М. Булгакова часто называли выразителем контрреволюционного необуржуазного сознания, В. Маяковского критиковали за анархо-бунтарские индивидуалистические настроения и т. д. К концу 1920-х гг. травля Е. Замятина за его роман «Мы», написанный еще в 1920 г., достигла своего апогея. Как «клевета на нового человека» и на «ход социалистических преобразований» были расценены произведения А. Платонова – рассказ «Усомнившийся Макар» (1929) и повесть-хроника «Впрок» (1931). Аналогичные процессы шли в театральной жизни и кинематографии и т. д. Например, в марте 1929 г. с репертуара сняли все пьесы Булгакова («Дни Турбиных» в Художественном театре, «Багровый остров» в Камерном и «Зойкину квартиру» в Вахтанговском).

1928–1931 гг. стали периодом массивного наступления на историческую науку. Осенью 1928 г. состоялось специальное совещание ЦК ВКП(б), посвященное проблемам истории и экономики. На нем говорилось о необходимости

дальнейшего решительного «разоблачения буржуазной науки». Одновременно было принято решение покончить с плюрализмом на «историческом фронте». Уже в 1930 г. по отношению к ученым-немарксистам практиковались аресты, заключения, ссылки. В качестве примера можно привести «дело» главы петербургской школы русских историков С.Ф. Платонова, отправившегося в ссылку в 1931 г. По этому делу проходило более ста человек, среди которых были и ленинградские историки, и профессора Московского университета.

В соответствии с новыми общесоюзными веяниями на Украине началась массированная кампания по разоблачению политических и исторических взглядов Грушевского. Первоначально в рамках ВУАН и в ряде украинских журналов были подвергнуты критике социально-политическая и историческая концепции ученого. 4 мая 1931 г. концепция Грушевского была раскритикована на объединенном пленуме циклов философии и истории. В шестом номере «Большевика Украины» за 1931 г. появилась статья А. Хвыли «Буржуазно-националистическая трибуна», в которой речь шла о любимом детище Грушевского – журнале «Украина». В следующем году в нескольких номерах журнала «Червоний шлях» публиковалась статья А. Рубача «Буржуазно-куркульская националистическая идеология под маской демократии трудового народа», также посвященная разоблачению Грушевского. Наконец, объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У 18–22 ноября 1932 г. отнес Грушевского к числу «контрреволюционеров-националистов».

Таким образом, раскрытые на Украине «контрреволюционные заговоры» и «националистические извращения» в области науки и культуры представляются звеньями единой цепи – это установление сталинского тотального контроля за всеми областями жизни во всей стране. При этом репрессии (и на Украине, и в центре) касались в основном двух категорий «социально подозрительных лиц»: старой интеллигенции, к которой большевики всегда относились настороженно, и бывших членов существовавших ранее политиче-

ских партий. Недаром Промышленная партия именовалась буржуазно-кадетской, Трудовая крестьянская партия – кулацко-эсеровской, а Украинский национальный центр был якобы связан с украинскими антисоветскими партиями. В отличие от старой интеллигенции, инакомыслящие большевики пока отделялись чем-то вроде «строгого предупреждения». И Хвылевой, и Волобуев в конце 1920-х гг. оставались на свободе.

Любопытно, что борьба с национализмом и разоблачение различных «контрреволюционных организаций» на рубеже 1920–1930-х гг. не означала прекращения украинизации. Свертывание ее произошло позже, пока же дело заключалось в пробном опыте, в первых показательных процессах по укращению «инакомыслящих», в том числе национально ориентированных «старых кадров».

СВОРАЧИВАНИЕ УКРАИНИЗАЦИИ

Закручивание украинских гаек

ВСКОРЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ советской общественной системой, апробированные на рубеже 1920–1930-х гг., получили дальнейшее распространение. Предпринятая большевиками индустриализация проводилась в жестком стиле и требовала не менее жесткого контроля за исполнением принятых центральным руководством решений. Ситуацию в экономике обостряли продовольственный кризис и кризис торговли с зарубежными странами. В годы мирового экономического кризиса (1929–1933) цены на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке падали быстрее, чем цены на промышленные изделия. Это было крайне невыгодно СССР: хотя экспорт зерна в 1930–1931 гг. вырос, он не мог покрыть стоимость импорта, и в этой ситуации выполнение плана хлебозаготовок становилось проблемой первостепенной важности.

Упорное сопротивление украинского крестьянства коллективизации в сочетании с постоянно растущими аппетитами центрального партийного руководства в хлебозаготовительных кампаниях обусловили повышенное внимание Москвы к украинской ситуации. Особое недовольство украинского крестьянства вызывали все возрастающие хлебозаготовительные нормы. Местные партийные и советские организа-

ции не всегда справлялись с возложенными на них задачами. Если в хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг. затруднения вызвал уже план в 265 миллионов пудов хлеба, то план 1931–1932 гг. в 510 миллионов пудов¹¹⁹ оказался просто непосильным для украинского крестьянства и вызвал небывалый голод 1932–1933 гг.

Озабоченность сложившейся ситуацией высказана Сталиным в ряде писем, написанных летом 1932 г. Анализируя причины сложного положения на Украине, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) указывает на плохую организованность хлебозаготовительной кампании, проводившейся по принципу уравниловки, «без учета положения в каждом отдельном районе, без учета положения в каждом отдельном колхозе»: «В результате этого механически-уравниловского отношения к делу получилась вопиющая несообразность, в силу которой на Украине, несмотря на неплохой урожай, ряд урожайных районов оказался в состоянии разорения и голода...»¹²⁰

Ответственность за срыв хлебозаготовительной кампании Сталин возлагал на украинское партийное руководство – генерального секретаря ЦК КП(б)У С.В. Косиора и главу СНК УССР В.Я. Чубаря. «Обратите серьезнейшее внимание на Украину, – писал Сталин Кагановичу и Молотову 2 июня 1932 г. – Чубарь своей разложенностью... и оппортунистическим нутром и Косиор своей гнилой дипломатией (в отношении ЦК ВКП) и преступно-легкомысленным отношением к делу – загубят вконец Украину. Руководить нынешней Украиной не по плечу этим товарищам»¹²¹.

Сталин продумывал варианты кадровых изменений в политическом руководстве Украины: «У меня создается впечатление (пожалуй, даже убеждение), что придется снять с Украины обоих – и Чубаря, и Косиора. Возможно, что я ошибаюсь...»¹²²

Анализируя положение в украинской парторганизации, Сталин считал контроль ЦК КП(б)У за действиями низовых ячеек явно недостаточным. «Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной ли-

нии, – писал Сталин Кагановичу 11 августа 1932 г. – Говорят, что в двух областях Украины... около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным»¹²³. Попытка Косиора отыскать компромисс в сложившейся ситуации вызвала бурю негодования у генерального секретаря ВКП(б): «На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент. Вместо того, чтобы руководить районами, Косиор все время лавировал между директивами ЦК ВКП и требованиями райкомов и вот – долавировался до ручки»¹²⁴.

Срыв хлебозаготовительной кампании повлек серьезные политические выводы. Сталин особое внимание уделял возможному влиянию внешних факторов на Украину: «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, его агентура на Украине во много раз сложнее, чем думает Реденс¹²⁵ или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тыс. членов, хе-хе), обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов... наконец – прямых агентов Пилсудского»¹²⁶. Мнение Сталина о положении в украинской парторганизации поддерживали и другие члены ЦК. «Беда в том, что среди части актива [КП(б)У. – Е. Б.] вопрос о хлебозаготовках... перерос в вопрос об отношении к политике партии, – писал Каганович Сталину 16 августа 1932 г. – Теория, что мы, украинцы, невинно пострадавшие, создает солидарность и гнилую круговую поруку не только в среднем звене, но и в верхушке. Я считаю, что независимо даже от оргвыводов, наступил момент, когда ЦК ВКП(б) должен официально в политическом документе дать оценку и призвать организацию к решительному перелому...»¹²⁷

Уже летом 1932 г. стало очевидно, что отношение Сталина к Украине поменялось. Укрепив свое положение в ЦК, «вождь народов» уже куда меньше нуждался в поддержке со стороны украинской парторганизации во внутривнутрипартийной борьбе. Теперь на первое место выступает четкое исполнение поставленных Сталиным перед украинской парт-

организацией задач, тем более что, как и ранее, «украинский фактор» оказывал существенное влияние на развитие отношений с Польшей: «В советских руководящих кругах продолжала господствовать уверенность в том, что старая «федералистская программа» Пилсудского остается основным вектором польской политики»¹²⁸.

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) обдумывал серьезные кадровые изменения на Украине. Этими планами он поделился со своим верным соратником Кагановичем (естественно, «совершенно секретно»). Прежде всего Сталин считал необходимым «взять из Украины Косиора и заменить его Вами [т. е. Кагановичем. – Е. Б.] с оставлением Вас секретарем ЦК ВКП(б)»¹²⁹. Чекисты Украины также несли ответственность за создавшуюся ситуацию, поэтому Сталин предполагал снять с поста председателя ГПУ Украины С.Ф. Реденса и назначить на его место проверенного В.А. Балицкого. После чего надлежало заменить председателя украинского Совнаркома В.Я. Чубаря «другим товарищем, скажем, Гринько или кем-либо другим». Главное же – «поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть. Без этих и подобных им мероприятий (хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь – ее приграничных районов и т. п.), повторяю, – мы можем потерять Украину»¹³⁰.

Косиора спасло только то, что, по новой мысли Сталина, «направлять сейчас Кагановича на Украину нельзя» – «ослабнет секретариат ЦК», а заменить Косиора, по мнению Сталина, можно было бы лишь Кагановичем. «Приходится выжидать»¹³¹, – решил Сталин.

Однако «выжидать» для него отнюдь не означало «бездействовать». Сталин принял решение усилить влияние центра в республике путем коренного обновления всего украинского партаппарата – снизу доверху. Сделано это было не случайно. Сталина всерьез беспокоили оппозиционные настроения не только в республике, но и в центре. Летом 1932 г. было раскрыто дело так называемого Союза марксистов

стов-ленинцев, организатором которого был бывший «правый уклонист» М.Н. Рютин.

В октябре 1932 г. начались аресты бывших «правых коммунистов», многие из которых были выпускниками «школы Бухарина» – Института красной профессуры. В этом же году были арестованы 89 троцкистов. Январский 1933 г. пленум ЦК объявил о начале новой внушительной чистки партии, которая развернулась в мае. 1933-й был отмечен также новой волной репрессий против «вредителей».

Учитывая общую обстановку в стране, уже не приходится удивляться жесткости постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях». В этом документе были официально названы причины тяжелой ситуации в сельском хозяйстве на Украине и указаны виновные – разного рода контрреволюционные элементы: кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы. Причем они проникли в партийные и советские органы вследствие «механического проведения украинизации». Поэтому ЦК ВКП(б) предлагает украинскому руководству «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации»¹³². Обеспечив идеологическую базу для грандиозной партийной «чистки» на Украине, Сталин наконец принял решение об укреплении партийного руководства республикой. Через несколько дней, 19 декабря, было принято постановление, предписывающее секретарям ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу и П.П. Постышеву «немедля выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У и Совнаркому Украины», чтобы добиться «немедленной организации коренного перелома в хлебозаготовках» на Украине¹³³.

Украинское партийное руководство приступило к организации пресловутого «коренного перелома в хлебозаго-

товках». Прежде всего надлежало жестоко наказывать виновников неисполнения хлебозаготовительных планов. В письме ЦК КП(б)У всем секретарям райкомов, главам райисполкомов и уполномоченным обкомов от 24 декабря 1932 г. содержалось конкретное указание «вывезти все без исключения наличные колхозные фонды, в том числе и семенной» в счет выполнения плана хлебозаготовок в тех колхозах, где не выполнен был план сдачи хлеба, а «всех, оказывающих этому делу сопротивление, в том числе и коммунистов, арестовывать и предавать суду»¹³⁴.

Новые настроения отчетливо прослеживаются в материалах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. В докладе об итогах первой пятилетки Сталин приводит основные причины экономических трудностей. В первую очередь – это сопротивление остатков свергнутых классов. Среди «классовых врагов» упомянуты и «буржуазные интеллигенты шовинистического толка». Сталин также особо предупреждает, что «рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов»¹³⁵. Этот тезис конкретизирован в докладе Кагановича «Цели и задачи политотделов МТС и совхозов», где дается подробный перечень классовых врагов: «Это – во-первых, часть невыселенных кулаков; во-вторых – зажиточные крестьяне, перерастающие в кулачество и тесно с ним смыкающиеся; в-третьих, сбежавшие из ссылки и скрывающиеся у своих родственников, а порою и у «сердобольных» членов партии, имеющих партийный билет в кармане, а на деле являющихся предателями интересов трудящихся. И, наконец, *представители буржуазной, белогвардейской, петлюровской, казачьей, эсеровской и прочей интеллигенции* [курсив мой. – Е. Б.]»¹³⁶.

Особенно важным представляется тот факт, что эсеровская интеллигенция стоит здесь в одном ряду с буржуазной и белогвардейской. Это создавало серьезную угрозу для бывших украинских эсеров, вступивших в КП(б)У в 1920 г. Впрочем, попасть в ряды «прочей интеллигенции» было довольно просто и, главное, очень опасно.

Упоминание о национальной интеллигенции шовинистического толка, которая по определению могла быть исключительно буржуазной, среди первоочередных врагов советской власти весьма знаменательно. Это была «первая ласточка» в скоро последовавшем активном наступлении на «идеологическом фронте» на всякого рода инакомыслящих. Сталин, очевидно, опасался, что недовольные коллективизацией голодающие украинские крестьяне могут получить вождя в лице национально настроенной интеллигенции. А это, в свою очередь, неизбежно привело бы к неблагоприятным для большевистского руководства последствиям.

Вскоре понятия «национальный шовинист» и «классовый враг» стали упоминаться рядом все чаще и чаще. Дальнейшее развитие данный постулат получил в феврале 1933 г. на пленуме ЦК КП(б)У. В духе прошедшего пленума ЦК ВКП(б) была составлена и речь Косиора. Он подчеркнул политическую сторону «борьбы за поднятие сельского хозяйства Украины». «Всякий минус, недостаток, промах в работе колхоза сейчас же используется классовым врагом», – подчеркивал Косиор. Особое внимание следовало уделить «идеологической чистоте» колхозов и совхозов, так как «в результате ослабления большевистской бдительности некоторых руководителей районных и сельских организаций, в сельские ячейки сплошь и рядом удавалось проникнуть классовым врагам, которые, прикрываясь партбилетом, проводили вредительскую работу, срывали мероприятия партии»¹³⁷.

Деукраинизация по Постышеву. Развенчание Скрыпника

ИТАК, ВИНОВНЫЙ был найден – это «классовый враг». П.П. Постышев, назначенный 24 января 1933 г. вторым секретарем ЦК КП(б)У и первым секретарем Харьковского обкома, говорил: «Украина окружена нашими злейшими врагами, которые очень внимательно присматриваются к тому, как происходит процесс социалистического

переустройства сельского хозяйства на Украине, которые особенно подхватывают и всячески раздувают каждую нашу промашку и срыв в деле колхозного строительства на Украине»¹³⁸. В своей речи Постышев впервые указал на возможность проникновения классового врага в советские и партийные органы в результате «механического проведения украинизации»: «Ведь это же факт, товарищи, что в партию и комсомол принимали нередко по признаку одной лишь только национальной принадлежности, только потому, что украинец. Безусловно верно, что нам необходимо расширять свои ряды за счет коренных украинских кадров. Но эти коренные кадры нам надо воспитывать и брать в партию из среды рабочих и трудящихся крестьян. Ведь на основе достижений в области индустриализации Украины ширится база украинской культуры, национальной по форме и пролетарской по содержанию. Коренизация же советского государственного аппарата по Яворским и Баданам нам не нужна, ибо это чужие нам люди, враги рабочего класса и партии»¹³⁹.

После февральского пленума ЦК КП(б)У 1933 г. начинается разворачиваться широкая кампания против националистических элементов, проникших в партийные и государственные органы, научные и культурные учреждения вследствие недостатков украинизации. Теперь нужно было найти виновного в «националистическом уклоне» при проведении украинизации. И основным удар пришелся по наркому просвещения Украины Скрышнику: именно его ведомство несло основную нагрузку при проведении украинизации.

Сохранившиеся воспоминания одного из видных большевиков Украины, члена партии с 1917 г. Я.С. Блудова, в 1930-х гг. исполнявшего обязанности ректора Харьковского государственного университета, вносят определенную ясность в картину сложных взаимоотношений центра и республики. Как известно, в январе 1932 г. «вся советская общественность» тепло отметила 60-летие Скрышника и 35-летие его революционной деятельности, а ЦК КП(б)У приветство-

вал его как «старого несгибаемого большевика-ленинца». Через год же, 23 февраля 1933 г., он был снят с должности, что послужило началом «антискрыпниковской» кампании.

Здесь не обошлось и без внутренних интриг. Первоначально виновными в националистическом уклоне были признаны секретарь ЦК КП(б)У по идеологии, редактор органа ЦК КП(б)У газеты «Коммунист» А.П. Любченко и заведующий отделом агитации, пропаганды и прессы ЦК КП(б)У А.А. Хвыля (оба – бывшие боротьбисты). Хотя оба они были сняты с должности в январе 1933 г., тем не менее сдаваться Любченко и Хвыля не хотели. Вскоре в узких кругах стало известно о поездке Любченко в Москву и о его встрече со Сталиным и Кагановичем. «Разговор был, видимо, в духе взаимопонимания, – вспоминал Блудов, – ибо в результате в Москву был немедленно вызван П.П. Постышев и ему было указано, что он не туда направил огонь. Его следует направить против Скрыпника, «вообразившего себя Лениным на Украине» (Сталин). После чего и началась «проработка» Н.А. Скрыпника...»¹⁴⁰ Причем основными «запевалами» в этой критике закономерно стали Любченко и Хвыля.

В июне 1933 г. на очередном пленуме ЦК КП(б)У Скрыпник вынужден был признавать свои ошибки: «...Имеется поразительное сходство в тактике кулацких, контрреволюционных, националистических сил в колхозах, МТС и органах Наркомзема и, например, на культурном фронте, вплоть до Всеукраинской академии наук... Точно так же, как в области сельского хозяйства этот маневр, эта стратегическая линия кулака нами не была выявлена, как она не была выявлена и на культурном фронте... Во многих случаях я лично и сам ошибался»¹⁴¹.

Однако Скрыпник недооценил всей тяжести нависшей над ним угрозы. Постышев, выступавший после Скрыпника, уделил в своей речи основное внимание украинизации. Он не мог допустить, чтобы нарком просвещения отделался «малой кровью». «Не подумайте, что враг орудовал только в системе наших земельных органов. Вредительские

контрреволюционные элементы сумели расставить свои силы и на других участках социалистического строительства и притом нередко на руководящих постах. Возьмите культурный фронт. Культурное строительство на Украине, этот важнейший фактор осуществления ленинской национальной политики, имеет самое прямое и непосредственное отношение ко всей нашей повседневной борьбе. А ведь на этом серьезнейшем участке засело немало петлюровцев, махновцев, агентов иностранных контрразведок, пустивших глубокие корни, игравших руководящую роль на отдельных участках культурного строительства. Эти вредители и шпионы... насаждали... не нашу национальную по форме и социалистическую по содержанию украинскую культуру, а культуру националистическую, шовинистическую, буржуазную культуру Донцовых, Ефремовых, Грушевских, культуру, враждебную идеологии и интересам пролетариата и трудящегося крестьянства»¹⁴². Цель такой «вредительской работы» по Постышеву заключалась в том, чтобы «ослабить пролетарскую диктатуру, лихорадочно готовя новые вылазки против СССР, не покидая мечты об отрыве Украины от Советского Союза»¹⁴³.

Упоминание об «агентах национальных разведок» и шпионах свидетельствовало о серьезности намерений Постышева в отношении Скрыпника, которому Москва, по всей видимости, готовила судьбу недавно разоблаченного академика С.А. Ефремова. В своей речи Постышев подчеркивает: «...Тот участок, которым до недавнего времени руководил тов. Скрыпник, – я имею в виду Наркомпрос и всю систему органов просвещения Украины, – оказался наиболее засоренным вредительскими, контрреволюционными, националистическими элементами. Ведь никакой борьбы против этих элементов здесь не было, и сам тов. Скрыпник вынужден признать, что здесь враги наши нередко получали крепкую и авторитетную защиту со стороны некоторых, очевидно слепых и глухих, «коммунистов»... Дело украинизации в ряде случаев оказывалось в руках разной сволочи петлюровской...»¹⁴⁴

Руководящая роль Москвы в деле Скрыпника не вызывает сомнений. Причем особую роль, по мнению ректора Блудова, тут сыграл Каганович: «Его направляющая рука чувствовалась во всем. Уж больно часто в статьях, докладах, выступлениях и в принимаемых резолюциях упоминалось его имя и подчеркивалось, что «под руководством Кагановича было вскрыто и разгромлено то-то и то-то», что «особенно блестящей страницей в истории КП(б)У является проведенная под руководством Кагановича борьба против шумскизма», что еще раньше Каганович лично выправлял Скрыпника и т. д. и т. п.»¹⁴⁵

Политбюро ЦК КП(б)У потребовало от виновного официального документа с признанием ошибок. Вопрос об этом неоднократно обсуждался Политбюро в июне – июле 1933 г. Так, 17 июня Политбюро сочло «документ, который написал Скрыпник» неудовлетворительным и предложило его переработать¹⁴⁶. Но через неделю, как было оговорено, Скрыпник документа не представил. 26 июня Политбюро напомнило Скрыпнику о пресловутом «документе», назначив на этот раз трехдневный срок¹⁴⁷. 5 июля Политбюро вновь обратилось к тому же вопросу, потребовав от Скрыпника короткое письмо для публикации в прессе к утру 7 июля¹⁴⁸.

Утреннее заседание Политбюро ЦК КП(б)У 7 июля 1933 г. проходило в весьма напряженной обстановке. Скрыпник не выдержал и в начале обсуждения своего «вопроса» ушел, так что решение принималось в его отсутствие. Принимая во внимание, что «тов. Скрыпник не выполнил взятого на себя обязательства подать в ЦК короткое письмо с признанием своих ошибок и решительной полной их критикой для опубликования в прессе», что «поданный им документ не отвечает требованиям ЦК и игнорирует ряд данных тов. Скрыпнику ЦК указаний», было решено «признать необходимым вывести тов. Скрыпника из Политбюро ЦК КП(б)У»¹⁴⁹.

Между тем события приняли трагический оборот. Не выдержав напряжения, Скрыпник покончил жизнь самоубийством. «После рокового выстрела в грудь... Н.А. Скрып-

ник жил еще несколько десятков минут», – вспоминал лично присутствовавший при этом Блудов. Обращаясь к Косиору, спешно прибывшему в кабинет Срыпника, умирающий сказал: «Я прошу вас передать моей партии мою последнюю к ней просьбу, простить меня... за эту... пожалуй, мою уже... последнюю, действительную ошибку...»¹⁵⁰ Вечером того же дня Политбюро вынуждено было собраться еще раз, чтобы отреагировать на эту трагедию. Решено было опубликовать в прессе следующее сообщение: «Скрыпник совершил акт малодушия, недостойный всякого коммуниста и тем более члена ЦК. Причина этого недопустимого акта в том, что за последние годы тов. Скрыпник, запутавшись в своих связях с украинскими буржуазно-националистическими элементами, имевшими партбилет в кармане, и, не имея сил выбраться из этой паутины, стал жертвой этих контрреволюционных элементов и пошел на самоубийство... Похоронить тов. Скрыпника без почестей, принятых для членов ЦК»¹⁵¹.

Давая такую оценку ситуации, члены Политбюро ЦК КП(б)У решали одним махом две задачи. Сообщение для прессы не только объясняло причину самоубийства видного украинского коммуниста, этим Политбюро одновременно отмежевывалось от своего бывшего товарища, уличенного в связях с «украинскими буржуазно-националистическими элементами». Теперь обвинять Скрыпника в «националистическом уклоне» стало даже удобнее, чем прежде.

Об «ошибке» Скрыпника с укором говорили у гроба его товарищи по партии: Г.И. Петровский, В.П. Затонский и К.В. Сухомлин. Характерна следующая деталь. Как вспоминал Блудов, «П.П. Постышев шел за гробом Н.А. Скрыпника все время с поникшей головой и во время траурного митинга у могилы стоял бледный и угрюмый, не проронив ни слова, потупив взор в землю». «Видно было, – отмечал стоявший в трех метрах от Постышева автор воспоминаний, – что он страшно тяжело переживал эту трагедию, потрясшую всех нас»¹⁵².

Наступление на украинизаторов

ОБОЗНАЧИВШАЯСЯ ТЕНДЕНЦИЯ свертывания украинизации требовала официального закрепления. 18 ноября 1933 г. был созван объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У, рассмотревший, помимо итогов прошедшего сельскохозяйственного года, итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине.

Подводя идеологическую базу под разворачивающуюся борьбу с «националистической угрозой», украинское партийное руководство особо подчеркивало значение внешнеполитического фактора. По их мнению, основная угроза исходила от Германии и Польши. «Установление фашистской диктатуры в Германии, – говорилось в резолюции пленума, – прямая поддержка русских и украинских белогвардейцев германскими фашистами и английскими твердолобыми, открытая пропаганда отторжения Украины от Советского Союза в германской фашистской печати, публичные выступления ответственных польских фашистских кругов... за антисоветский блок Польши с фашистской Германией и, наконец, борьба между польскими и германскими фашистскими кругами за гегемонию в лагере украинской контрреволюции – все это безусловно стимулировало контрреволюционную активность остатков разгромленных капиталистических элементов на Советской Украине»¹⁵³.

Действительно, советское политическое руководство крайне беспокоила реакция западноукраинских общественных сил на политику большевиков в УССР. Западная Украина резко отреагировала на политику репрессий и массового голода, который достиг кульминации летом 1933 г. Об этом, в частности, свидетельствовало нападение на советское консульство во Львове 21 октября 1933 г., в результате которого активистом нелегальной Организации украинских националистов М. Лемьком был убит секретарь консульства А. Маилов, а другой сотрудник получил ранение¹⁵⁴.

Сталинское руководство требовало от Варшавы запретить деятельность польских «прометеистов» и принять самые жесткие меры по поводу антисоветских настроений на Западной Украине. Поскольку эти требования Польша удовлетворить никак не могла, наметившееся было улучшение польско-советских отношений (в июле 1932 г. был заключен пакт о ненападении между СССР и Польшей) вновь сменилось сворачиванием политического сотрудничества.

К тому же наметилась нормализация польско-немецких отношений. Попытки Берлина договориться с Варшавой (польско-немецкая декларация о ненападении была подписана 26 января 1934 г.) рассматривались в Москве как начало сговора, который развяжет руки Польше относительно Украины и станет началом совместного похода против СССР¹⁵⁵. Как известно, в начале 1934 г. было объявлено о переносе столицы УССР из Харькова в Киев, при этом сообщалось о польско-германских замыслах положить конец существованию украинской советской государственности.

Ноябрьский пленум 1933 г. положил официальное начало антинационалистической кампании на Украине: «КП(б)У проглядела и своевременно не вскрыла усиленного проникновения украинских националистических элементов, остатков разгромленного классового врага в руководящие органы колхозов, МТС, в различные советские, земельные, культурные органы и даже в партийные организации для вредительства и контрреволюционного саботажа мероприятий партии и советской власти. Контрреволюционные элементы... пользуясь флагом украинизации, осуществляли буржуазно-националистические методы взаимного отчуждения трудящихся различных наций и разжигания национальной вражды»¹⁵⁶.

Роль главного «украинского националиста» была отведена покойному Скrypнику. «Линия Скrypника» и «возглавляемого им уклона» была направлена, по словам Косиора, на «ослабление хозяйственных, государственных и культурных связей Украины с другими советскими республиками, на ослабление Советского Союза», на «максимальный

отрыв украинского языка от русского, на замену сходных с русскими слов в украинском языке польскими, чешскими, немецкими» и, наконец, на «насильственную украинизацию школы»¹⁵⁷.

Сам набор обвинений весьма показателен. Дальнейшее развитие событий прогнозировалось легко: постепенное усиление централизаторских тенденций и сворачивание украинизации (в первую очередь в области просвещения), недаром на пленуме подчеркивалась неразрывная связь большевистской украинизации и интернационального воспитания масс¹⁵⁸. В идеологической области выдвигались следующие основные задачи: выращивание «настоящих советских украинских кадров»; укрепление руководства с помощью печати, просвещения, науки и культуры; борьба с «буржуазно-националистической контрабандой на теоретическом фронте» и укрепление связи украинской советской литературы и искусства с литературой и искусством других народов СССР¹⁵⁹.

Окончательно расставил акценты в пересмотре национальной политики и украинизации XVII съезд ВКП(б), проходивший с 26 января по 9 февраля 1934 г. Заявив о «ликвидации остатков антиленинских группировок», И.В. Сталин предупреждал о живучести «остатков их идеологии», особенно «в области национального вопроса»¹⁶⁰. В качестве примера была упомянута Украина: «На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью»¹⁶¹.

Постышев конкретизировал положение Сталина. В первую очередь он подчеркнул несколько «особенностей классовой борьбы на Украине» (это стало аксиомой и повторялось украинскими руководителями всякий раз, когда речь заходила о контрреволюции, классовом враге и т. п.). В первую очередь на Украине «классовый враг маскирует свою работу против социалистического строительства националистическим знаменем и шовинистическими лозунгами».

Особая же жесточенность Гражданской войны в этой республике способствовала тому, что «кулак прошел большую школу борьбы против советской власти». Здесь же «больше всего осело обломков разных контрреволюционных организаций и партий». Кроме того, Украина в силу международной ситуации «является объектом притязаний различных интервенционистских штабов». И наконец, была отмечена особенность внутривнутрипартийной ситуации в этой республике: «Уклонисты в КП(б)У в общепартийных вопросах обычно смыкались и смыкаются с националистическими элементами в ее рядах, с уклонистами в национальном вопросе»¹⁶².

Постышев всячески подчеркивал остроту создавшейся на Украине ситуации. «Националистической контрреволюции на Украине» весьма способствовал «неразоблаченный в течение ряда лет» националистический уклон во главе со Скрыпником. Последний обвинялся как в теоретических, так и тактических ошибках. К первым следовало отнести «толкование национального вопроса... как самостоятельного, самодовлеющего», «подмену задачи борьбы за воспитание классового пролетарского самосознания задачей развития национального сознания», «приукрашивание роли контрреволюционной Центральной рады и украинских националистических партий», переоценку украинского вопроса в октябре 1917 г.

В своей практической деятельности Скрыпник, по мнению Постышева, также совершил ряд ошибок. Задачу борьбы на два фронта в национальном вопросе он подменял борьбой «только лишь против великорусского шовинизма», насаждая «принудительную украинизацию школ». В конечном счете его действия мешали укреплению «братского союза трудящихся народов»: «...Националистический уклон во главе со Скрыпником был прямым продолжением уклона Шумского в 1927 г. ...И тот и другой работали на дело отрыва Украины от Советского Союза, на дело империалистического порабощения украинских рабочих и крестьян»¹⁶³. В том же духе были выдержаны выступления на съезде и других делегатов с Украины: Косиора, Петровского, А.Г. Шлихтера.

Таким образом, судьба украинизации была решена окончательно, ибо, как сказал Косиор на XVII съезде ВКП(б), под ее флагом вели «свое вредительское дело» разные «контрреволюционные элементы»¹⁶⁴. Искоренить эти элементы должны были многочисленные «чистки» партии – могучее орудие «укрепления боеспособности украинской партийной организации в ее борьбе за проведение генеральной линии партии против остатков кулачества, против оппортунизма и национализма»¹⁶⁵. Объявленная уже в декабре 1932 г. «чистка» постепенно охватила всю украинскую компартию и продолжалась с перерывами на протяжении нескольких лет. Только за 1933 г. численность украинской парторганизации уменьшилась более чем на 100 тыс. членов¹⁶⁶.

На Украине, как и во всей стране, господствовала душная атмосфера взаимного недоверия, подозрительности, доноительства. Массовые репрессии 1930-х гг. проходили на фоне нараставшей военной опасности, а в общественное сознание активно внедрялся мотив уничтожения «пятой колонны». Были арестованы сотни тысяч хозяйственных, партийных, военных работников. Быстро менялось и подвергалось репрессиям советское и партийное руководство национальных республик.

Если раньше на Украине на официальном уровне делали различия между «великодержавным шовинизмом» и «местным национализмом» и выясняли, откуда исходит «главная опасность», то теперь положение изменилось. В постановлении ЦК КП(б)У от 3 ноября 1934 г. говорилось о «новой тактике русских великодержавных шовинистов и украинских националистов, поддерживаемых всей контрреволюцией», заключающейся в создании ими общего блока на «платформе отрыва Украины от СССР», «ослабления позиций СССР и возврата власти помещиков и капиталистов»¹⁶⁷.

В период репрессий 1930-х гг. любой партийный или советский работник в стране рисковал подпасть под подозрение «компетентных органов». На Украине особую опасность представляло обвинение в «укрывательстве» и «пособничестве» «контрреволюционному блоку националистов и троц-

кистов». В постановлении от 3 декабря 1934 г. прямо говорилось о наличии «внутри отдельных партийных организаций» различных «оппортунистических, либеральствующих гнилых элементов», прямо смыкающихся с националистами и троцкистами¹⁶⁸.

Особо подозрительными для партийного руководства были научные и учебные учреждения: «ЦК КП(б)У считает, что деятельность остатков контрреволюционного блока националистов и троцкистов в отдельных научных и учебных учреждениях в течение последнего года является прямым результатом недостаточной бдительности со стороны отдельных партийных организаций»¹⁶⁹. «Недостаточно бдительными» оказались партийные организации ВУАМЛИНа, Института красной профессуры, Харьковского университета, Луганского института народного образования, поскольку они допустили «совместную разработку украинскими националистами и троцкистами антисоветских учебников и других литературных работ по социально-экономическим дисциплинам, выпущенных в 1931–1932 гг.». Речь шла о работах по политэкономии, философии, теории советского хозяйства, истории Украины таких ученых, как И. Гуревич, М.В. Чичкевич, П.С. Осадчий, М.И. Свидзинский, и других¹⁷⁰. Националистические тенденции были обнаружены и в редколлегии Украинской советской энциклопедии, где «классовые враги, вредители и контрреволюционеры... использовали УСЭ как свою организационную и финансовую базу»¹⁷¹, а также в ряде культпросветучреждений. Так, художественный руководитель театра «Березиль» Л. Курбас под лозунгом «независимого искусства» проводил политику изоляции театра от «нашей советской социалистической действительности»¹⁷².

Не обошло вниманием руководство КП(б)У и положение на «украинском языковедческом фронте», причем разоблачение национализма в языкознании стало составной частью антискрыпниковской кампании. Сигналом к ее началу послужила статья А.А. Хвыли в «Коммунисте» от 4 апреля 1933 г. о необходимости «большевистской бдительности»

в деле создания украинской советской культуры. 24 апреля Хвыля написал докладную записку Косиору и Постышеву, в которой говорилось о «большой вредительской работе» «украинской контрреволюции» «в вопросах создания украинской терминологии» и о «ликвидации общеизвестных в украинском и русском языках» научных и технических терминов¹⁷³.

Основные претензии Хвыля предъявлял к работе скрыпниковского ведомства, главным образом к Государственной комиссии для разработки правил украинского правописания при Наркомпросе УССР. «Эти общие в украинском языке с русским языком термины ликвидировали, – писал Хвыля, – выдумывая искусственные, так называемые украинские самобытные слова, не имевшие и не имеющие никакого распространения среди широких многомиллионных рабочих и колхозных масс»¹⁷⁴. В качестве примера Хвыля приводил замену слова «петит» в украинском языке на слово «дрібень», «сектор» – на «витинок», «сегмент» – на «утинок», «экран» – на «застувач», «экскаватор» – на «копалка», «штепсель» – на «притичку», «аэрографию» – на «марсознавство», «атом» – на «неділка», «завод» – на «виробня»¹⁷⁵. По мнению Хвыли, такие нововведения крайне недопустимы, как и предложенная ранее Скрыпником реформа украинского алфавита по введению двух латинских букв для обозначения звуков «дз» и «дж» (соответственно «S» и «Z») ¹⁷⁶.

Действительно, реформирование украинского языка нередко шло путем замены «русизмов» «исконно украинскими» словами, зачастую образованными от слов, имеющих в западнославянских языках (польском и чешском). Если раньше на подобные случаи нередко смотрели сквозь пальцы, то в первой половине 1930-х гг. ситуация в корне изменилась. «Процесс создания украинской научной терминологии, направление развития украинского научного языка – пошло по линии искусственного отрыва от братского украинскому языку – языка русского народа, – делал вывод Хвыля. – На языковедческом фронте националистические элементы делают все, чтобы между украинской советской

культурой и русской советской культурой поставить барьер и направить развитие украинского языка на пути буржуазно-националистические. Это делалось для того, чтобы, пользуясь украинским языком, воспитывать массы в кулацко-петлюровском духе, воспитать их в духе ненависти к социалистическому отечеству и любви к казацкой романтике, гетманщине и т. п.»¹⁷⁷

Докладная записка Хвыли стала основанием для создания (буквально на следующий день) при Наркомпросе специальной Комиссии для проверки работы «на языковедческом фронте». Из библиотек Украины были изъяты произведения «националистического характера» Б. Антоненко-Давидовича, Дм. Гордиенко, Н. Кулиша, П. Капельгородского, И. Лакизы, А. Олесья, В. Пидмогильного и других¹⁷⁸.

Резкие изменения наметились и в системе школьного образования. Если во второй половине 1920-х гг. ЦК КП(б)У в принудительном порядке создавал для национальных меньшинств УССР школы с преподаванием на родном языке и с гордостью рапортовал об этом на партийных форумах, то в середине 1930-х гг. партийные начальники были озабочены случаями «принуждения украинского и русского населения посылать своих детей в польские, чешские и другие национальные школы»¹⁷⁹.

Лейтмотивом многочисленных выступлений партийных деятелей в печати стал тезис о «принудительной украинизации», приведшей к насильственному вытеснению русского языка из школьного образования. Подобные «искажения ленинской национальной политики» приводили к национальной замкнутости как украинцев, так и представителей других национальных меньшинств в УССР и создавали благоприятные условия для деятельности как украинских, так и немецких, польских и прочих националистов.

Весной 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У поддержало предложение Наркомпроса УССР «провести перепись детей по признаку родного языка» в рабочих центрах и некоторых городах Харьковской, Донецкой, Винницкой, Черниговской, Киевской, Днепропетровской, Одесской областей¹⁸⁰. Через

несколько месяцев, в августе 1933 г., Политбюро ЦК КП(б)У обязало Наркомпрос подготовить материалы о перераспределении «школьной сети в национальном разрезе»¹⁸¹. В апреле 1934 г. оргбюро ЦК КП(б)У создало специальные комиссии из представителей партийных и комсомольских организаций, Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были к 1 июня проверить национальные районы и школы и очистить их от «антисоветских элементов». Подготовительная работа в этом направлении уже была проведена, и в период с марта 1933 по январь 1934 г. из школ были уволены около 4 тысяч учителей-«националистов», причем «чистка» коснулась в первую очередь польских и немецких учебных заведений¹⁸². В украинизации и украинизаторах большевистское руководство отныне совершенно не нуждалось, но публично перемена официального курса была провозглашена лишь в 1938 г.

Торжество централизации

В 1935–1938 гг. Политбюро ЦК КП(б)У неоднократно рассматривало вопросы о реорганизации национальных учебных заведений и о переводе их на украинский либо на русский языки обучения¹⁸³. Завершился данный процесс в 1938 г., когда на заседании Политбюро ЦК КП(б)У 10 апреля был рассмотрен вопрос о реорганизации национальных школ Украины. В справке, подготовленной Наркомпросом УССР, говорилось о том, что «во многих случаях под видом национальных школ враги народа – троцкисты, бухаринцы и буржуазные националисты, орудовавшие в Наркомпросе Украины, искусственно насаждали особые немецкие, польские, шведские, чешские, болгарские и др. школы, превращая их в очаги для проведения контрреволюционной работы и буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей»¹⁸⁴.

С 1 сентября 1938 г. русский язык как предмет преподавания вводился во всех нерусских школах Украины¹⁸⁵ (это

постановление иногда трактуется как перевод украинских школ на русский язык обучения, что в корне неверно).

Искоренение «националистической контрреволюции» и репрессивная политика в отношении ряда национальных меньшинств в стране в целом затронули и УССР. Процесс переселения немцев и поляков, проживавших на Украине, сопровождался ликвидацией ряда национальных районов, созданных в 1920-е гг.

Первые постановления по этому вопросу Политбюро ЦК КП(б)У приняло еще в ноябре 1934 г. Тогда речь шла лишь о «реорганизации 18 польских сельсоветов в украинские» в Винницкой области¹⁸⁶. В августе 1935 г. были ликвидированы Мархлевский польский и Пулинский немецкий национальные районы, в марте 1939 г. постановлением ЦК КП(б)У национальные районы и сельсоветы ликвидировались в Запорожской, Николаевской, Одесской, Сталинской областях¹⁸⁷.

Партийное руководство Украины отныне прикладывало большие усилия для интернационального воспитания аппарата. Постепенно сформировалась система представлений о работе КП(б)У по «очищению рядов партии от враждебных контрреволюционных элементов». История КП(б)У (как и история ВКП(б) вообще) преподносилась в такой форме, которая полностью исключала ее сколько-нибудь самостоятельный объективный анализ со стороны рядовых членов партии.

Так, на пленуме ЦК КП(б)У 26–30 января 1936 г., излагая историю борьбы КП(б)У со всякого рода уклонами, Постышев особое внимание уделил выходцам из эсеровских партий – «так называемым» боротьбистам и укапистам. И те и другие были названы «националистическими партиями». Влившись в КП(б)У, многие руководители этих партий «оставались на своих позициях и вели двурушническую работу внутри КП(б)У против партии, против советской власти»¹⁸⁸. Открытой попыткой боротьбистов легализовать в КП(б)У свои позиции было названо выступление в 1926 г. А.Я. Шумского. После разгрома шумскизма боротьбисты пытались создать себе «легальную базу для антисоветской

работы» путем «обволакивания Скрышника», одновременно готовя базу для «подпольной боротьбистской организации» и вооруженного восстания против советской власти¹⁸⁹. В том же духе трактовалась Постышевым и «контрреволюционная деятельность укапистов»¹⁹⁰.

Украинская «националистическая контрреволюция» тесно связывалась с «международной». Выступая в январе 1937 г. на пленуме Киевского обкома КП(б)У, Постышев внушал партийному активу мысль о постоянной (начиная с Гражданской войны) тесной связи украинских националистов с «наиболее антисоветскими элементами Германии, Польши и других буржуазных государств с прямой установкой на возобновление интервенции при первой благоприятной возможности»¹⁹¹.

Любопытно, что наряду с задачей «очищения» партийного и советского аппарата от националистических кадров в 1930-е гг. по инерции продолжали ставить и задачу проведения дальнейшей украинизации. На XIII съезде КП(б)У, проходившем с 27 мая по 3 июня 1937 г., Косиор говорил о «продолжении линии на дальнейшую украинизацию» по тем же направлениям, что и десять лет назад, – школа, вузы, печать, культура и т. д.¹⁹²

В украинской исторической литературе принято считать конечной датой украинизации 1938 г., когда были приняты два известных постановления – об обязательном изучении русского языка в украинских школах и об уравнивании юридически и фактически в правах с украиноязычным «Коммунистом» русскоязычной газеты ЦК КП(б)У «Советская Украина», хотя никаких официальных заявлений партийного и советского руководства об отмене украинизации не было. Их, собственно, и не требовалось, так как принципиальные решения о сворачивании коренизации были приняты еще несколькими годами ранее.

Заметные изменения, произошедшие в национальной политике большевиков с 1932–1933 гг., действительно дают основание говорить о коренном переломе в ходе украинизации. Определяющую роль тут сыграли общие для всей стра-

ны (а не только характерные для УССР) обстоятельства. Это, с одной стороны, победа Сталина во внутривластной борьбе, а с другой – трудности «социалистического переустройства сельского хозяйства». Так что дальнейшее заигрывание с национальными силами союзных республик стало излишним (и даже вредным для центральной власти).

В условиях массовой коллективизации Сталину требовался полный контроль над украинским крестьянством, для чего следовало не допустить усиления влияния в украинской деревне национально настроенной интеллигенции. Борьба с «националистической контрреволюцией» поставила последнюю практически «вне закона».

В то же время не совсем правильно говорить о приоритете русификаторских тенденций в 1930-е гг. Определяющими были прежде всего тенденции централизаторские, направленные на создание новой, социалистической культуры, одной из характерных черт которой был интернационализм. В конечном счете это и решило судьбу украинизации.

* * *

¹ Історія України: нове бачення. Т. 2. – Київ, 1996. С. 204.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 108. Л. 111.

³ Там же. Л. 112.

⁴ Там же. Л. 113.

⁵ Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. – М., 1996. С. 373.

⁶ Там же. С. 373.

⁷ Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. – М., 1997. С. 12–13.

⁸ Симонова Т.М. «Прометеизм» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 годах // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983). – М., 2001. С. 125.

- ⁹ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-е гг. Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. – СПб., 2000. С. 80–81.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Цит. по: Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. раб. С. 82.
- ¹³ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 376–377.
- ¹⁴ Там же. С. 375.
- ¹⁵ Там же. С. 378.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 3.
- ¹⁷ XV конференция прошла 26 октября – 3 ноября 1926 г., так что в тексте должно быть – XIV (апрель 1925 г.), когда произошло прямое столкновение Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева с И.В. Сталиным.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Л. 2.
- ²⁰ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 375.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 120. Л. 4–5.
- ²² Там же. Л. 5.
- ²³ Там же. Ед. хр. 135. Л. 21, 30.
- ²⁴ Там же. Л. 21.
- ²⁵ Там же. Л. 2.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 3.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 3–4.
- ³⁰ Там же. Л. 8.
- ³¹ Там же. Л. 9–10.
- ³² Там же. Л. 22–23.
- ³³ Там же. Л. 23.
- ³⁴ Там же. Л. 26.
- ³⁵ Там же. Ед. хр. 113. Л. 20.
- ³⁶ Там же. Ед. хр. 135. Л. 21, 30.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Шаповал Ю.І. Л.М. Каганович на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 8. С. 69.
- ³⁹ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 383.

- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 107. Л. 12–13.
- ⁴¹ XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1968. С. 650.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 107. Л. 18–19, 22, 24.
- ⁴³ Там же. Л. 57 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 59 об.
- ⁴⁵ Центральний державний архів громадських організацій України (ЦДАГО України). Ф.1. Оп. 20. Спр. 2256. Арк. 2–26.
- ⁴⁶ Там же. Арк. 10, 13.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 106. Л. 13–13 об.
- ⁴⁸ Это заседание состоялось в 1926 г., к сожалению, в документе месяц не указан.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 113. Л. 31–32.
- ⁵⁰ Там же. Л. 26–28.
- ⁵¹ Там же. Л. 29–30.
- ⁵² Там же. Ед. хр. 107. Л. 159–160.
- ⁵³ *Мейс Дж., Солдатенко В.Ф.* Національне питання у житті й творчості Миколи Скрипника // Український історичний журнал. 1996. № 3. С. 136.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 159.
- ⁵⁶ Там же. Ед. хр. 120. Л. 42. В тексте сохранена орфография и пунктуация оригинала.
- ⁵⁷ *Каганович Л.М.* Указ. соч. С. 382.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 106. Л. 13.
- ⁵⁹ Там же. Л. 15–16.
- ⁶⁰ Там же. Ед. хр. 115. Л. 139–140.
- ⁶¹ Там же. Ед. хр. 18. Л. 103.
- ⁶² Там же. Ед. хр. 115. Л. 160.
- ⁶³ Там же. Ед. хр. 108. Л. 53, 63.
- ⁶⁴ *Каганович Л.М.* Указ. соч. С. 392.
- ⁶⁵ *Солдатенко В.Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. – Київ, 2002. С. 149–150.
- ⁶⁶ См. там же. С. 163.
- ⁶⁷ Там же. С. 160.
- ⁶⁸ Там же. С. 158.
- ⁶⁹ Там же. С. 159.
- ⁷⁰ Там же. С. 173.
- ⁷¹ *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50-ті роки ХХ ст. – Київ, 1994. С. 54–57.

- ⁷² Там же. С. 68.
- ⁷³ Там же. С. 51, 84.
- ⁷⁴ Там же. С. 52.
- ⁷⁵ См. подробнее там же. С. 78–80.
- ⁷⁶ Там же. С. 168.
- ⁷⁷ Там же. С. 72.
- ⁷⁸ Там же. С. 74–79.
- ⁷⁹ Там же. С. 78.
- ⁸⁰ Там же. С. 78.
- ⁸¹ Там же. С. 281.
- ⁸² Там же. С. 83.
- ⁸³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. – Київ, 2003. С. 130–131.
- ⁸⁴ *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині ХХ століття (1900–1941). Стан і статус. – Чернівці, 1998. С. 106.
- ⁸⁵ На путях становлення української і білоруської націй: фактори, механізми, соотнесення. – М., 2004. С. 213.
- ⁸⁶ *Шевельов Ю.* Указ. раб. С. 108.
- ⁸⁷ «Українізація» 1920–30-х років... С. 89.
- ⁸⁸ *Шевельов Ю.* Указ. раб. С. 95.
- ⁸⁹ «Українізація» 1920-30-х років... С. 143.
- ⁹⁰ *Шевельов Ю.* Указ. раб. С. 96.
- ⁹¹ «Українізація» 1920-30-х років... С. 144.
- ⁹² Там же. С. 147–149.
- ⁹³ *Шубин А.В.* Вожди и заговорщики. – М., 2004. С. 160.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 2.
- ⁹⁵ Там же. Л. 3.
- ⁹⁶ Там же. Л. 4.
- ⁹⁷ Там же. Л. 12.
- ⁹⁸ Там же. Л. 30.
- ⁹⁹ История России. ХХ век. Под ред. В.П. Дмитренко. – М., 2001. С. 323.
- ¹⁰⁰ Власть и оппозиция. Российский политический процесс ХХ столетия. – М., 1995. С. 148.
- ¹⁰¹ *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Указ. соч. С. 512.
- ¹⁰² Власть и оппозиция... С. 141–142.
- ¹⁰³ *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Указ. соч. С. 508–514.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 219–221. В ноте речь шла также и о Х Всебелорусском съезде Советов.

- ¹⁰⁵ Власть и оппозиция... С. 139.
- ¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 23. Л. 28.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 14.
- ¹¹¹ Там же. Ед. хр. 31. Л. 134.
- ¹¹² Там же. С. 136–137.
- ¹¹³ Любопытно, что в 1927–1928 гг. министр иностранных дел УНР Р. Смаль-Стоцкий информировал британского представителя о наличии разведывательной сети в УССР, которая действовала под патронажем II Отдела Генштаба Польши. Смаль-Стоцкий утверждал, что его опорой являются церковь, кооперативные общества и Академия наук. См. *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Указ. соч. С. 504.
- ¹¹⁴ *Цвілюк С.А.* Українізація України: Тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. – Одеса, 2004. С. 85.
- ¹¹⁵ *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. – Київ, 1996. С. 231.
- ¹¹⁶ *Пиріг Р.Я.* Життя М. Грушевського: останнє десятиліття (1866–1934). – Київ, 1993. С. 118.
- ¹¹⁷ *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Указ. раб. С. 98.
- ¹¹⁸ *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. – Київ, 1996.
- ¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 2. Ед. хр. 137. Л. 4.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 99. Л. 65–66.
- ¹²¹ Там же. Л. 45. Часть писем опубликована. См. *И.В. Сталин и Л.М. Каганович.* Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001. С. 210, 225, 273–274, 283.
- ¹²² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 99. Л. 46.
- ¹²³ Там же. Л. 145.
- ¹²⁴ Там же. Л. 146.
- ¹²⁵ С.Ф. Реденс возглавлял Главполитуправление УССР.
- ¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 99. Л. 148.
- ¹²⁷ *И.В. Сталин и Л.М. Каганович.* Переписка... С. 283.
- ¹²⁸ *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Указ. раб. С. 492.
- ¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 99. Л. 148.
- ¹³⁰ Там же. Л. 149–150.
- ¹³¹ Там же. Л. 171–172.

- ¹³² Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – Київ, 1990. С. 293.
- ¹³³ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. – Київ, 1997. С. 233.
- ¹³⁴ Там же. С. 233–234.
- ¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 502. Л. 15–16.
- ¹³⁶ Там же. Ед. хр. 509. Л. 20.
- ¹³⁷ Там же. Оп. 26. Ед. хр. 66. Л. 7, 11.
- ¹³⁸ Там же. Л. 28 об.
- ¹³⁹ Там же. Л. 30 об.
- ¹⁴⁰ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО). Ф. 59. Оп. 1. Спр. 98. Арк. 10.
- ¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 66. Л. 83 об.
- ¹⁴² Там же. Л. 85.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ ЦДАГО. Ф. 59. Оп. 1. Спр. 98. Арк. 12.
- ¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 70. Л. 111.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 127.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 182.
- ¹⁴⁹ Там же. Л. 183.
- ¹⁵⁰ ЦДАГО. Ф. 59. Оп. 1. Спр. 98. Арк. 13.
- ¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 70. Л. 186–187.
- ¹⁵² ЦДАГО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 98. Арк. 13.
- ¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 67. Л. 26.
- ¹⁵⁴ *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Указ. соч. С. 394–395.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 104.
- ¹⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 67. Л. 26 об.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 28.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 28 об.
- ¹⁵⁹ Там же. Л. 29 об. – 30 об.
- ¹⁶⁰ ЦДАГО. Ф. 59. Оп. 2. Спр. 1. Арк. 75, 87.
- ¹⁶¹ XVII съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. – М., 1934. С. 31–32.
- ¹⁶² Там же. С. 66.
- ¹⁶³ Там же. С. 70.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 199.

- ¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 70. Л. 78.
- ¹⁶⁶ Подробнее см. *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). – Київ, 2001. С. 52–112.
- ¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Ед. хр. 4673. Л. 352.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 352 об.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 352.
- ¹⁷¹ Там же. Оп. 26. Ед. хр. 72. Л. 11.
- ¹⁷² Там же. Л. 68.
- ¹⁷³ Там же. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 132. Л. 43–44.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 45.
- ¹⁷⁸ *Даниленко В.М.* Згорання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. 36. ст. Вип. 2. – Київ, 1996. С. 106.
- ¹⁷⁹ Національні процеси в Україні... С. 253.
- ¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 70. Л. 56.
- ¹⁸¹ Там же. Ед. хр. 71. Л. 93.
- ¹⁸² Подробнее см. *Рафальський О.О.* Національні меншини України у ХХ столітті. Історіографічний нарис. – Київ, 2000. С. 161–166; *Єфіменко Г.Г.* Указ. соч. С. 154–155.
- ¹⁸³ *Рафальський О.О.* Указ. соч. С. 164.
- ¹⁸⁴ Національні процеси в Україні... С. 252.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 257.
- ¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Ед. хр. 4674. Л. 54.
- ¹⁸⁷ Національні процеси в Україні... С. 260.
- ¹⁸⁸ Пленум ЦК КП(б)У 26–30 січня 1936 р. Стенографічний звіт. – Київ, 1936. С. 117.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 118–119.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 120.
- ¹⁹¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 220. Л. 6.
- ¹⁹² Тринадцятий з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 27.05–03.06.1937. Бюлетень № 1. – Київ, 1937. С. 42–43.

Заключение

СУДЬБЫ УКРАИНИЗАЦИИ

В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ различных наций существуют особые периоды, определяющие их дальнейшее развитие. Без сомнения, таким периодом для украинцев стала большевистская практика национального строительства, выразившаяся в политике украинизации 1920–1930-х гг.

Коренизация была логичным воплощением взглядов большевиков на национальный вопрос в бывшей Российской империи. Лозунг самоопределения наций, обусловленный во многом чисто тактическими целями, потребовал от большевиков принять конкретные практические меры по его реализации. Собрать империю на прежней унитаристской основе было невозможно по многим причинам, и внешнеполитический фактор сыграл тут далеко не последнюю роль. В конечном итоге большевики вынуждены были поддержать лозунг создания украинского государства, конечно, в единственно приемлемой для них советской форме. Дальнейшие их шаги вольно или невольно были направлены на то, чтобы придать этому государственному образованию, национальному лишь по форме, соответствующее содержание.

Украинизация как региональная форма коренизации была политикой многоплановой. Ее культурный аспект

наиболее очевиден, но это далеко не все: помимо него, украинизация касалась также социального и экономического уровней.

Коренизация была средством строительства социалистической нации и подразумевала «территориализацию» (если воспользоваться термином Р. Кайзера), экономическое, социальное и культурное развитие. Пример Украины в этом плане весьма характерен. Прежде всего большевики определили ее территориально, стремясь максимально (насколько позволяли интересы союзного государства) подогнать границы республики к этническим границам. Затем были предприняты шаги по строительству социалистической экономики, увенчавшиеся индустриализацией и коллективизацией. Культура также должна была стать, говоря словами того времени, национальной по форме и социалистической по содержанию. Ведущая политическая сила страны – большевистская партия – должна была опираться на представителей «коренной национальности».

В принципе, все эти направления коренизации были воплощены в жизнь. Однако довольно скоро стало очевидным, что федерация национально-государственных образований таила в себе зародыши многих конфликтов. В результате украинизации в республике появилась этническая элита, ядро которой составила этнопартократия. Последняя рассматривала республиканские интересы как свои собственные и всячески стремилась к расширению республиканских полномочий.

Центральное партийное руководство не всегда могло контролировать процессы, проходившие в среде украинской элиты, поскольку, чтобы осуществить задуманное и воплотить на практике свой национальный курс, вынуждено было использовать национальную украинскую интеллигенцию. При этом среди интеллигенции далеко не последнюю роль играли уроженцы Галиции, традиционно настроенные более радикально, нежели представители Большой Украины.

Так наметилось определенное противоречие между интересами союзного и республиканского руководства: первое

ориентировалось на централизаторские методы управления, второе – на большую самостоятельность Украины, на расширение ее прав в союзном государстве.

В этой борьбе интересов удача сопутствовала сталинскому руководству. Оно сумело полностью подчинить себе КП(б)У, применяя при этом весьма жесткие меры воздействия. Впрочем, репрессивная политика не носила избирательного характера и не была направлена исключительно на выразителей «националистического уклона». В этом плане перед Кремлем все были равны: украинцы и русские, рабочие и «спецы», крестьяне и представители творческой интеллигенции. Не избежали репрессий конца 1930-х гг. и партийные вожды Украины, внесшие решающий вклад в свертывание украинизации, – П.П. Постышев и С.В. Косиор.

Таким образом, центральное большевистское руководство во многом само заложило «мину замедленного действия» под возводимое здание социалистического государства, когда оказывало всяческое содействие развитию национальной украинской интеллигенции, культуры, экономики и т. п. При этом следует учитывать, что на Украине (имеется в виду Большая Украина) традиционно сильным было влияние русской культуры и русскоязычной интеллигенции. К тому же экономика Украины развивалась не просто в тесной связи с общесоюзной, а как ее часть.

Именно поэтому большевистская украинизация, вызвавшая сильный резонанс в самых широких слоях общества, отнюдь не всегда и не всюду встречала поддержку и понимание. Одновременно с этим, получив на какое-то время «карт-бланш», деятели национального движения пытались удержаться на завоеванных позициях: украинизация стала прецедентом, с которым приходилось постоянно считаться.

Дальнейшая история Украины в советский период развертывалась в условиях конкуренции между интернационально и национально настроенными силами, причем и те и другие пристально контролировались из Кремля. Попеременно то одна, то другая сторона брала верх. Так, жесткий контроль над возможными «уклонами», сохранившийся

вплоть до смерти И.В. Сталина, уже летом 1953 г. сменился кратковременным «бериевским потеплением», на которое Кремль скоро отреагировал осуждением, но которое запустило процессы по повышению статуса украинского языка в период пребывания на посту первого секретаря ЦК КПУ П.Е. Шелеста (1963–1972). Однако победа (весьма условная) национально ориентированных сил была кратковременной, а глубина «украинизаторских» усилий была крайне далека от уровня 1920-х гг. На посту первого секретаря ЦК КПУ Шелеста сменил В.В. Щербицкий, пребывание которого у власти проходило под лозунгом превращения в недалеком будущем наций и народностей СССР в единую «советскую нацию».

Интернациональные лозунги господствовали на Украине вплоть до конца 1980-х гг., когда, воспользовавшись изменившимися условиями и лозунгами перестройки, ситуацией смогли овладеть этнопартократы и национально ориентированные силы. Итог всем хорошо известен – Советский Союз распался, а Украина в 1991 г. провозгласила свою независимость.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение В ЛАБИРИНТАХ УКРАИНИФИКАЦИИ	3
---	---

Глава 1 НА РУИНАХ ИМПЕРИИ: УКРАИНА НА ПУТИ К УКРАИНИЗАЦИИ	29
--	----

«Опять власть меняется»: особенности положения Украины накануне украинизации	31
---	----

«Большая Украина»: демография и политика	31
Публичная презентация национальной идеи: Грушевский, Скоропадский, Петлюра	35
Украинизация без большевиков	40

«Плацдарм мировой революции»: политика большевиков в отношении Украины в 1917–1922 гг.	49
---	----

Революционное нетерпение	49
Две тактики по украинскому вопросу	51
Равноправие или слияние?	54
Поворот к украинизации на фоне мировой революции	61

Коренизация наступает: образование СССР, XII съезд РКП(б) и ситуация на Украине	73
Автономия, федерализм и национал-коммунизм	73
Сталин как главный инициатор коренизации	77
Украинизация на старте	81

Глава 2

СУЩНОСТЬ УКРАИНИЗАЦИИ: ПРОБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО НАЧАЛА ИЛИ ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ «УКРАИНОПЛЯСКА»?	95
--	----

Основные направления украинизации	97
За пределами Советской Украины	97
Перетягивание границ	99
Украинизация системы управления	106
Украинизация просвещения, науки и культуры	109
Украинизация в Красной Армии	112
Неукраинцы в УССР. Украинцы в союзных республиках	114
Экономический аспект украинизации	115
Этносоциальные факторы украинизации	118

Украинизация глазами общества.

«За» и «против»	127
Глядя из Львова и Харькова	127
«Хвылевизм», «бойчукизм» и «волобуевщина»	129
Разговорчики в строю	134
Кто против?	137
«Определенно не считают себя малороссами»	142
Борьба двух культур	145

Глава 3

**ПОДКОВЕРНЫЕ СРАЖЕНИЯ:
ТАКТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ БОЛЬШЕВИКОВ
ВОКРУГ УКРАИНИЗАЦИИ 161**

**Украинизация и внутривластная борьба
в 1923–1928 гг. 163**

Низложение Квиринга 163

Украинификация по Кагановичу 165

Крушение «шумскизма» 171

Каганович нейтрализует зиновьевцев 177

**Конец 1920-х – начало 1930-х:
неустойчивое равновесие 187**

Большевистская национал-романтика
по Скрыпнику 187

«Правый уклон» и «польская угроза»
как повод для сворачивания украинизации 193

Поиски и разгром национал-уклонистов. 202

Сворачивание украинизации 209

Закручивание украинских гаек 209

Деукраинизация по Постышеву.

Развенчание Скрыпника 215

Наступление на украинизаторов 221

Торжество централизации 229

Заключение

СУДЬБЫ УКРАИНИЗАЦИИ 239

Серия «Евровосток»

Елена Борисёнок

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ УКРАИНИЗАЦИИ
1920–1930-е годы

Ответственный за выпуск	Т. Рапопорт
Художественный редактор	С. Захаров
Корректоры	О. Кандидатова, В. Кинша
Дизайн	А. Монахов
Верстка	П. Борисова

Подписано в печать 29.06.2006. Формат 60×84 1/16. Гарнитура Journal.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,88.
Тираж 500 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1.
Тел. 745-52-25, факс 725-78-67
e-mail: info@europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Момент»